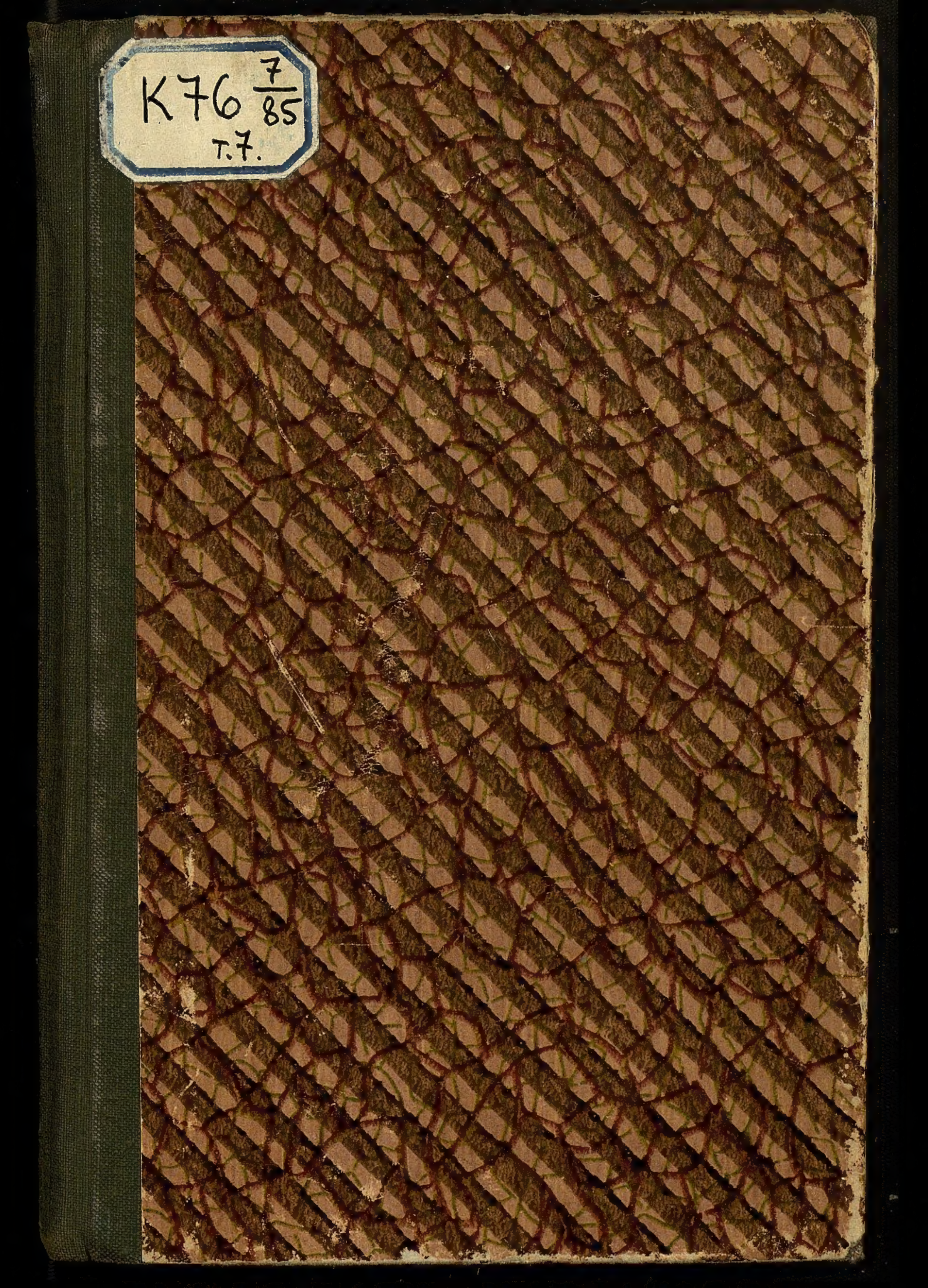
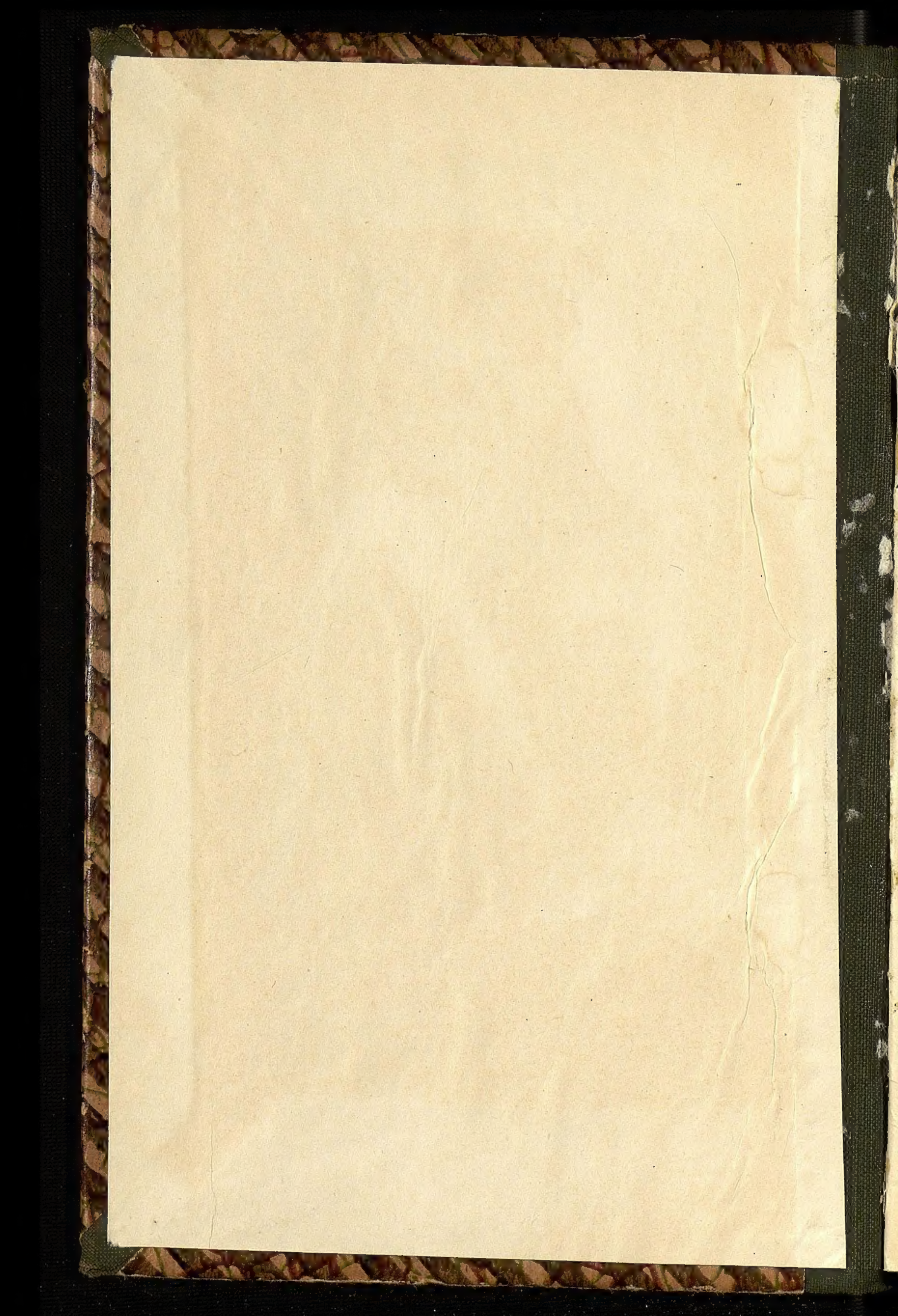




ПРИХОДСКАЯ БИБЛІОТЕКА,
издаваемая подъ редакціей В. И. ШЕМЯКИНА.

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

(ПРИРОДА СТРАНЫ, НАСЕЛЕНІЕ И ЕГО ПРОМЫСЛЫ)

СБОРНИКЪ ДЛЯ НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ

ТОМЪ VII.

БѢЛОРУССКО-ЛИТОВСКОЕ ПОЛѢСЬЕ

По „Этнографіи Россіи“ Л. Весина и др. источникамъ составилъ
Я. И. Рудневъ

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

Училищнымъ Совѣтомъ при Святѣйшемъ Сѵнодѣ книга одобрена для библіотекъ церковно-приходскихъ школъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія П. Мартынова, Торговая, 17
1899

ПРИХОДСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

(Книги для народнаго чтенія и для школьныхъ библіотекъ).
Редакція **В. И. Шемякина.**

I. Отдѣлъ церковный.

		коп.
1.	**Псалтирь съ толкованіемъ** для народнаго чтенія. Т. I.	30
2.	Тоже. Томъ II	30
3.	**Ученіе отцовъ Церкви православной о вѣрѣ и жизни христіанской.** Сост. проф. Пѣвницкій. Томъ I	30
4.	Тоже. Томъ II	30
5.	**Святыя мѣста и святыни на Востокѣ и въ Россіи.** Сост. П. Петрушевскій. Т. I. Съ рисунками и картою.	40
6.	Тоже. Томъ II	30
7.	Тоже. Томъ III	30
8.	**Святые отцы Церкви, ихъ жизнь и писанія.** Часть I.	30
9.	Тоже. Часть II	30
10.	**Преподобный Сергій, Радонежскій чудотворецъ.** Съ рисунками.	30
11.	**Святитель Стефанъ Пермскій.** Съ рисунками. . . .	20
12.	**Бесѣды пастыря.** Томъ I. Прот. I. Наумовича . . .	30
13.	**Свѣточи христіанства.** Соч. Прот. М. И. Хитрова . .	30
14.	**Св. благовѣрный великій князь Александръ Ярославичъ Невскій.** Прот. М. Хитрова	40
15.	**Годъ православнаго христіанина.** Ч. I и II	50

II. Отдѣлъ историческій.

1.	**Главнѣйшія событія русской исторіи.** Составилъ А. Поповъ. Томъ I. Отъ начала русской Исторіи до нашествія татаръ (862—1224)	30
2.	Тоже. Томъ II. Отъ нашествія татаръ до Іоанна III Васильевича (1224—1462)	30
3.	Тоже. Томъ III. Отъ вступленія на престолъ Іоанна III до кончины Ѳеодора Іоанновича (1462—1598)	30
4.	Тоже. Томъ IV. Смутное время. Первые цари изъ дома Романовыхъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ (1598—1670)	30
5.	Тоже. Томъ V. Петръ Великій. Съ портретомъ Петра Великаго и 11-ю рисунками.	30
6.	Тоже. Томъ VI. Достопамятные дѣятели Петровскаго времени.	30
7.	**Подвижники и страдальцы за землю русскую.** Составилъ священникъ Едлинскій. Т. I.	30
8.	Тоже. Томъ II	30
9.	Тоже. Томъ III	30

ПРИХОДСКАЯ БИБЛІОТЕКА,
издаваемая подъ редакціей В. И. ШЕМЯКИНА.

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

(ПРИРОДА СТРАНЫ, НАСЕЛЕНІЕ И ЕГО ПРОМЫСЛЫ)

СБОРНИКЪ ДЛЯ НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ

ТОМЪ VII.

БѢЛОРУССКО-ЛИТОВСКОЕ ПОЛѢСЬЕ.

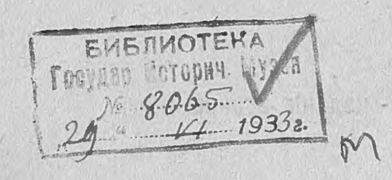
По „Этнографіи Россіи“ Л. Весина и др. источникамъ составилъ

Я. И. Рудневъ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія П. Мартынова, Торговая, 17
1899

Дозволено цензурою, С-Петербургъ, 7-го октября 1899 г.



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ основу предлагаемаго сборника „*Бѣлорусско-Литовское полѣсье*“ положены пріобрѣтенные редакціею „Приходской Библіотеки“ этнографическіе очерки „Бѣлоруссы“ и „Литовцы“, принадлежащіе перу Л. Весина и ранѣе бывшіе напечатанными въ журналѣ „Семья и школа“ въ 1882 и 1886 гг. Но изъ упомянутыхъ очерковъ только 4, 16 и 17 статьи сборника нынѣ появляются въ печати въ своемъ первоначальномъ видѣ, остальной же матеріалъ очерковъ подвергся существенной переработкѣ со стороны формы и содержанія. Кромѣ того, значительную часть сборника занимаютъ статьи, взятыя мною изъ другихъ источниковъ и помѣщенныя или въ подлинномъ видѣ, или же въ формѣ пересказа, извлеченія. Указанія на эти источники читатели найдутъ въ текстѣ книги. При изложеніи данныхъ, касающихся статистики, промысловъ и природы Бѣлорусско-Литовскаго полѣсья, я пользовался лучшими учебными руководствами, изданіями Департамента Торговли и Мануфактуръ, книгой „Земля и Люди“ Э. Реклю и „Живописной Россіей“ изд. М. Вольфомъ.

Наша популярная литература по географіи и этнографіи Бѣлорусско-Литовской области очень бѣдна, и эта бѣдность до нѣкоторой степени можетъ оправдать недочеты моего труда.

Я. И. Рудневъ.

Бѣлорусско-Литовское полѣсье.

1. Составъ, устройство поверхности и рѣки.

Бѣлорусско-Литовское полѣсье состоитъ изъ семи губерній, расположенныхъ по верхнему Днѣпру и его притокамъ, по верхнему и среднему теченію Западной Двины, по Нѣману и отчасти по Западному Бугу (притокъ Вислы). Не представляя въ физическомъ отношеніи и по населенію вполнѣ однороднаго цѣлаго, край этотъ дѣлится на двѣ области: Бѣлорусскую и Литовскую. Къ первой принадлежатъ губерніи—Смоленская, Могилевская, Минская и Витебская, а ко второй—Ковенская, Виленская и Гродненская. Поверхность Бѣлорусско-Литовскаго полѣсья представляетъ частью холмистыя, частью ровныя мѣстности. Холмы преобладаютъ въ Смоленской губерніи, которая цѣликомъ лежитъ на Средне-Русской возвышенности и въ которой находится водораздѣлъ Днѣпра и Волги. Отсюда Средне-Русская возвышенность посылаетъ на юго-западъ холмистую гряду, ко-

торая тянется по границамъ губерній Минской, Витебской и Виленской, посылая отроги во всѣ стороны, и служитъ водораздѣломъ между системой Днѣпра и рѣками, текущими въ Балтійское море. Эта гряда, такимъ образомъ, является гребнемъ двухъ главныхъ покатостей этого края, изъ которыхъ одна направлена на сѣверо-западъ, къ Балтійскому морю, а другая на юго-востокъ, къ Черному.

Какъ Бѣлоруссія, такъ и Литва, очень богаты водами, въ видѣ рѣкъ, рѣчекъ, многочисленныхъ озеръ и обширныхъ болотъ.

Рѣка Западная Двина начинается въ Осташковскомъ уѣздѣ Тверской губерніи и, вскорѣ по выходѣ изъ озера Двинца, вступаетъ въ предѣлы губерніи Смоленской. Она орошаетъ системою своихъ водъ сѣверо-западную часть Смоленской губерніи и юго-восточную и южную губерніи Витебской. Съ лѣвой стороны въ нее впадаютъ *Межа* съ *Обшей, Касплн, Улла* и *Дисна,* съ правой—*Дрисса.* Вступивъ въ Витебскую губернію, Западная Двина является уже судоходною рѣкой, а у Витебска имѣетъ 50 саженъ ширины. Западная Двина течетъ по неширокой долинѣ, часто стѣсняемой сосѣдними холмами. Во время весенняго таянія снѣговъ рѣка, наполняемая водою множествомъ ручьевъ, рѣчекъ и потоковъ, быстро подымается, выходитъ изъ береговъ, и мѣстами, гдѣ долина широка, затопляетъ значительныя пространства. Въ это

время судоходство совершается безпрепятственно почти по всему протяженію рѣки. Лѣтомъ уровень воды въ Двинѣ сильно падаетъ, пороги становятся непроходимы для судовъ, и плаваніе оканчивается у Двинска (прежн. Динабургъ). Мели въ рѣкѣ располагаются, обыкновенно, вдоль береговъ, вслѣдствіе чего ея фарватеръ (глубокое мѣсто, по которому слѣдуютъ суда) необыкновенно извилистъ, что также служитъ препятствіемъ для судоходства. Межа съ Обшей и Улла судоходны только въ весеннее время.

Сѣверная часть Ковенской губерніи орошается верховьями рѣкъ Курляндской *Аа* (впадаетъ въ устье Западной Двины) и *Виндавы* (впадаетъ въ Балтійское море).

Главная и, можно даже сказать, въ нѣкоторомъ родѣ національная рѣка у литовцевъ—*Нѣманъ*, вродѣ того, какъ у великоруссовъ—Волга, у малоруссовъ—Днѣпръ. Впрочемъ, Нѣманъ беретъ начало за предѣлами Литвы въ Игуменскомъ уѣздѣ Минской губерніи. Въ Литву Нѣманъ входитъ собственно, вступая въ Гродненскую губернію, гдѣ захватываетъ сѣверную часть территоріи и обходитъ на югѣ вокругъ изрѣзаннаго плоскогорья, которое можно было бы назвать возвышенной или горной Литвой. Здѣсь и далѣе внизъ по теченію Нѣманъ имѣетъ вообще крутые, возвышенные, мѣстами даже утесистые берега, то песчаные, то состоящіе

изъ пластовъ известняка. Въ руслѣ не мало быстринъ, отмелей и острововъ. Такъ между Гродномъ и Ковномъ отмелей и быстринъ насчитывается больше 50. Глубина Нѣмана не велика—между помянутыми городами она простирается всего отъ 3 до 12 футовъ. Нѣманъ судоходенъ отъ впаденія рѣки Шары. Ниже Гродно онъ становится постепенно многоводнѣе и число движущихся по немъ судовъ увеличивается, не смотря на многочисленные пороги. Отъ Ковна, внизъ по теченію, рѣка становится глубже, и отсюда начинаютъ ходить пароходы. Около мѣстечка Юрбурга Нѣманъ вступаетъ въ предѣлы Пруссіи, прежде также составлявшіе часть Литвы. Въ Нѣманѣ, какъ и въ другихъ рѣкахъ этой мѣстности водятся во множествѣ пискари, или, по здѣшнему, вьюны; въ вяленомъ состояніи эта рыба служитъ лакомой приправой къ пищѣ жителей, особенно въ постъ.

Изъ правыхъ притоковъ Нѣмана наиболѣе замѣчательна *Вилія*, впадающая въ него у города Ковно. Рѣка эта протекаетъ по мѣстности, которая была средоточіемъ государственной жизни Литовскаго княжества. Изъ лѣвыхъ притоковъ замѣчательны: рѣка *Шара*, отъ устья которой начинается судоходство по Нѣману, и рѣка *Черноганжа*, являющаяся стокомъ цѣлой системы озеръ. Водораздѣлъ между этими притоками Нѣмана и рѣками, принадлежащими къ системамъ Ви-

слы и Днѣпра, такъ незначителенъ, что явилась возможность соединить ихъ каналами. *Огинскій* каналъ (Шара-каналъ-Ясольда-Припеть-Днѣпръ) соединяетъ Нѣманъ съ Днѣпромъ, а *Августовскій* (Черноганжа-каналъ-Боберъ-Наревъ-Западный Бугъ-Висла) съ Вислою.

Изъ рѣкъ системы Вислы, Литовской области принадлежитъ часть теченія *Западнаго Буга* (на границѣ Гродненской и Сѣдлецкой губерній) и его притоки—*Мухавецъ* и *Наревъ* съ *Бобромъ* (послѣдніе два только своими верховьями). Посредствомъ рѣки Мухавца и *Днѣпровско-Бугскаго* канала система Вислы соединяется съ Днѣпромъ (рѣка Мухавецъ-каналъ-Пина-Ясольда-Припеть-Днѣпръ).—Западный Бугъ рѣка неглубокая и судоходенъ только во время весенняго водополья.

Рѣки Литовской области (гг. Ковенская, Виленская и Гродненская) отличаются медленнымъ теченіемъ, глубокимъ и загроможденнымъ корчами, т. е. кустами или корнями деревьевъ, русломъ. Корчи, перегнивая на днѣ рѣки, образуютъ черный растительный илъ, отчего и вода въ рѣкѣ получаетъ черный оттѣнокъ. Иногда берега рѣкъ представляются крутыми и холмистыми и имѣютъ немало живописныхъ видовъ, иногда же низменны и имѣютъ по обѣимъ сторонамъ болота, уровень которыхъ часто бываетъ ниже уровня самой рѣки. Объясняется это тѣмъ, что во время весеннихъ разливовъ рѣки отлагаютъ

по обѣимъ сторонамъ русла массу осадковъ и повышаютъ такимъ образомъ берега. Подобная особенность свойственна всѣмъ, вообще, рѣкамъ, текущимъ по низменнымъ, болотистымъ равнинамъ. Такъ уровень рѣки По, въ Италіи, выше лежащихъ по сосѣдству съ ея берегами равнинъ Ломбардской низменности [1]).

Озеръ въ литовскомъ краю масса. Такъ, напримѣръ, въ Ковенской губерніи въ Новоалександровскомъ уѣздѣ ихъ насчитывается свыше 400, въ Вилькомірскомъ болѣе сотни, въ Тельшевскомъ около 100, въ Шавельскомъ и Россіенскомъ по 50. Разумѣется, озера эти необширныхъ размѣровъ: самое большое, Дрисвято, лежащее въ первомъ изъ этихъ уѣздовъ, не превышаетъ 41 квад. версты. Карта губерніи Виленской пестритъ множествомъ озеръ: ихъ тамъ насчитываютъ до 400. Самое большое изъ нихъ, *Нарочъ* (16 верстъ длины и 12 верстъ ширины), въ большомъ почетѣ у мѣстныхъ жителей. Когда въ 1849 году былъ здѣсь неурожай и голодъ, на озерѣ бывали такія сильныя бури, что волнами выбрасывало на берегъ массу мелкой рыбки—уклейки; жители собирали эту рыбу и питались ею во все время голода. Громаднымъ количествомъ озеръ отличается также губернія Витебская. Всѣ озера богаты рыбою.

---

[1]) П. Ваденюкъ. Географич. очерки Россіи. С.-Петербургъ. 1883 г.

Многіе источники въ Литвѣ имѣютъ минеральныя свойства. Въ Ковенской губерніи они принадлежатъ къ сѣрнымъ и желѣзнымъ. Но особенно славятся минеральными водами губерніи Виленская и Гродненская. Въ первой, въ Трокскомъ уѣздѣ, находится извѣстное мѣстечко Бирштаны, славящееся своими соляными источниками, а во второй, при впаденіи въ Нѣманъ рѣчки Ротничанки, на границѣ съ Виленскою губерніею, лежатъ Друскеники съ солено-щелочными водами.

Бѣлорусскій край, кромѣ Западной Двины, о которой мы уже говорили, орошается главнымъ образомъ верхнимъ теченіемъ Днѣпра и его притоками.

Днѣпръ, въ древности называвшійся Борисѳеномъ, беретъ начало въ сѣверной части Средне-Русской возвышенности, въ Бѣльскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи. Истоки Днѣпра находятся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ верховьями рѣки Обши, изливающей свои воды черезъ Межу въ Западную Двину, и верховьями Вазузы, праваго притока верхней Волги. По своему многоводію Днѣпръ занимаетъ третье мѣста въ Европѣ послѣ Волги и Дуная. Велико историческое значеніе Днѣпра для всего восточно-славянскаго міра: по этой рѣкѣ шелъ знаменитый путь изъ «Варягъ въ Греки», въ область этой рѣки проникли изъ Византіи первые лучи христіанства, здѣсь долгое время находилось истори-

ческое средоточіе земли Русской. Да и въ наше время, по мѣрѣ того какъ на югѣ Россіи растутъ населеніе, промышленность и торговля, значеніе Днѣпра и его бассейна не перестаютъ возрастать. Бѣлорусско-Литовскому полѣсью Днѣпръ принадлежитъ своимъ верхнимъ теченіемъ и частью среднимъ. Отъ истоковъ до города Орши Днѣпръ течетъ въ юго-западномъ направленіи, прорѣзывая своей узкой долиной Средне-Русскую возвышенность. Холмы этой возвышенности упираются то въ одинъ, то въ другой берегъ, а иногда стѣсняютъ и оба берега рѣки, отчасти напоминающей здѣсь своимъ теченіемъ Западную Двину. На этомъ протяженіи Днѣпръ мелководенъ, не имѣетъ крупныхъ притоковъ и неудобенъ для судоходства. Во время весенняго водополья и осеннихъ дождей уровень рѣки такъ сильно повышается, что низменные берега затопляются водою и судоходство становится возможнымъ отъ Смоленска. Лѣтомъ рѣка сильно мелѣетъ, и сплавное судоходство, и то не безъ затрудненій, можетъ начаться только отъ города Орши. Отъ Орши рѣка течетъ по горизонтальной равнинѣ, сохраняя въ общемъ южное направленіе до самаго выхода изъ предѣловъ Минской губерніи, юго-восточную границу которой она составляетъ. Ниже Рогачева (Могилевской губерніи) количество воды въ Днѣпрѣ замѣтно увеличивается отъ принятія двухъ значитель-

ныхъ притоковъ, Березины и Сожи, и судоходство становится возможно какъ вверхъ, такъ и внизъ по теченію, хотя часто и затрудняется отмелями, которыя тянутся поперегъ рѣки, оставляя у праваго нагорнаго берега узкій и невсегда достаточно глубокій фарватеръ. Весной здѣсь бываютъ большіе разливы, затопляющіе лѣвый низменный берегъ на большое пространство.

Съ лѣвой стороны въ Днѣпръ впадаетъ рѣка *Сожъ*, приносящая ему воду изъ губерній Смоленской, Могилевской и Черниговской. Сожъ носитъ характеръ болотной рѣки, многоводнѣе и удобнѣе для судоходства, нежели Днѣпръ въ верхнемъ теченіи. Съ лѣвой стороны Сожъ принимаетъ близъ города Гомеля рѣку *Ипуть*, принадлежащую Могилевской губерніи только своимъ нижнимъ теченіемъ. На островѣ рѣки Сожъ, выше Гомеля, городъ *Вѣтка* (нынѣ селеніе) былъ во времена польскаго владычества главнымъ пріютомъ раскольниковъ, переселявшихся туда изъ Московскаго государства. Въ XVIII столѣтіи русское правительство въ два пріема захватило здѣсь 60000 человѣкъ раскольниковъ, которые были частью отданы въ солдаты, частью отправлены въ Сибирь на поселеніе.

Съ правой стороны въ Днѣпръ впадаетъ *Березина*. Существуетъ предположеніе, что прежде Березина считалась не притокомъ, а главною рѣкою, и что древнее названіе Днѣ-

пра—«Борисѳенъ»—есть ничто иное, какъ измѣненное названіе Березины. По многоводію Березина занимаетъ второе мѣсто послѣ Припети въ числѣ всѣхъ притоковъ Днѣпра. Лѣтомъ въ верховьяхъ Березина бываетъ мелководна, но въ нижнемъ теченіи она широка и судоходна въ самое сухое лѣто, такъ какъ питается водою сосѣднихъ болотъ. Съ правой стороны Березина принимаетъ притокъ *Свислочь*. Березина соединяется съ лѣвымъ притокомъ Западной Двины, Уллой, *Березинскимъ каналомъ* (Березина—рѣка Сергутъ—озеро Манецъ—каналъ—озеро Лепельское—рѣка Улла).

Припеть самая полноводная рѣка всей Днѣпровской системы, благодаря тому, что питается водою обширныхъ Пинскихъ болотъ. Она беретъ свое начало въ Волынской губерніи. Почти весь верхній басейнъ этой рѣки представляетъ такую область, «которая перестала быть озеромъ въ собственномъ смыслѣ, но не сдѣлалась еще настоящей твердой землей» [1]). Существовавшее здѣсь прежде озеро превратилось въ болота и медленно-текущія рѣки, которыя (рѣки) не закончили еще своего развитія, т. е. не приняли опредѣленнаго направленія, не имѣютъ легко-различимыхъ береговъ. Почти тотчасъ по выходѣ изъ своей верхней долины Припеть дѣлится болотами и островами на безчисленное множество рука-

---

[1]) Э. Реклю.

вовъ, которые переплетаются, расходятся, снова встрѣчаются и наконецъ, впадаетъ въ болотистое озеро Любяжъ. Ниже этого озера рѣка развѣтвляется опять на такое множество притоковъ, что теряетъ даже свое имя, которое получаетъ снова только въ ста верстахъ ниже, при устьѣ Ясольды. Во время весенняго водополья и послѣ большихъ дождей Припеть и ея притоки выходятъ изъ береговъ, затопляя ихъ на обширное пространство. Съ обѣихъ сторонъ Припеть принимаетъ множество притоковъ. Изъ лѣвыхъ притоковъ наиболѣе замѣчательны: *Ясольда* съ своимъ правымъ притокомъ *Пиной, Случь* и *Птичь.* Съ правой стороны, со склоновъ гранитнаго кряжа Волыни, несутъ свои воды въ Припеть рѣки: *Стоходъ*, *Стырь*, *Горынь* и *Уборть*. Рѣки эти принадлежатъ Бѣлорусскому краю только своими низовьями, верхнее же ихъ теченіе находится въ Волынской губерніи.

Многочисленныя рѣки Бѣлорусско-Литовскаго полѣсья, не смотря на ихъ кажущееся выгодное расположеніе, не смотря на то, что онѣ соединены каналами, имѣютъ очень мало значенія какъ водные пути. Мѣстное населеніе пользуется этими рѣками только для своихъ внутреннихъ сообщеній, да и то въ очень ограниченныхъ размѣрахъ, такъ какъ этому препятствуютъ самыя свойства рѣкъ, каналы же доступны только для очень мелкихъ судовъ и плотовъ, да и то не всегда.

2) Почва, климатъ и природа Бѣлорусско-Литовскаго края.

Подпочва Литовскаго края состоитъ изъ тѣхъ породъ, которыя въ геологіи называются *осадочными*, т. е. образовавшимися въ древнія времена изъ осадковъ песку, ила и т. п. Къ разряду такихъ породъ относятъ песчаникъ, известняки, глину, гипсъ и т. п. Въ Литвѣ эти породы можно найти повсемѣстно. Такъ здѣсь есть горшечная глина, затѣмъ во многихъ мѣстахъ хорошій песчаникъ, лигнитъ, торфъ, попадается бурый желѣзнякъ. Всѣ эти породы служатъ съ большой пользою для разныхъ хозяйственныхъ потребностей. Въ Ковенской губерніи тянутся большія залежи гипса. Приходя въ разрушеніе, гипсъ производитъ обвалы, повторяющіеся изъ года въ годъ. При этомъ дѣло не ограничивается проваломъ одной земли—послѣднимъ увлекаются постройки, и иногда цѣлыя деревни. Былъ даже случай, что проваломъ была поглощена карета вмѣстѣ съ лошадью и сѣдоками. Нѣкоторые провалы тянутся на нѣсколько верстъ (есть одинъ протяженіемъ въ 25, а шириной въ 7 верстъ). Иногда вслѣдствіе разрушенія гипса образуются настоящія подземныя пещеры съ корридорами, залами. Такова, напримѣръ, пещера возлѣ деревни Монтыгалишки, слывущая за святую. По дну

въ ней протекаетъ чистый ручей, воду котораго народъ считаетъ цѣлебною въ различныхъ болѣзняхъ. Въ почвѣ и на ея поверхности находится много, такъ называемыхъ, эрратическихъ валуновъ, т. е. круглыхъ камней, какъ наши булыжники. Валуны эти идутъ на устройство мостовыхъ, шоссе, сараевъ, магазиновъ, и т. д. Особенно много камней въ Виленской губерніи, гдѣ они усыпаютъ иногда обширныя поля.

Воздѣлываемыя земли въ Литвѣ не вездѣ одинаковаго качества. Преобладаютъ суглинистыя и супесчаныя земли, въ общемъ малоплодородныя. Въ Виленской губерніи почва состоитъ изъ песку и глины, а на юго-востокѣ этой губерніи находятся обширныя болотистыя пространства; немало болотъ также въ Гродненской губерніи. Почва сѣверной части Виленской губерніи удобнѣе для земледѣлія и при достаточномъ удобреніи даетъ хорошіе урожаи, еще плодороднѣе Ковенская губернія. Въ послѣдней мѣстами встрѣчается даже черноземъ.

Литовскія губерніи пользуются довольно выгодными климатическими условіями, если сравнивать ихъ съ соотвѣтствующими по широтѣ мѣстами Великороссіи. Онѣ лежатъ подъ однѣми широтами съ Московскою, Владимірскою, южными половинами Нижегородской и Казанской губерній, а между тѣмъ климатъ въ нихъ несравненно теплѣе. Напримѣръ,

средняя годовая температура Ковны составляетъ 6,9° по Цельсію, въ Москвѣ же равняется—4,1°, во Владимірѣ 3,2°, въ Нижнемъ-Новгородѣ—3,7°, въ Казани—2,7°. Мало того, даже въ Царицинѣ годовая температура оказывается ниже, составляя 6,4°. Такая разница въ климатѣ происходитъ отъ того, что Литвскій край лежитъ по сосѣдству съ моремъ, которое лѣтомъ способствуетъ умѣренію жаровъ, а зимою стужъ. Это подтверждается сравненіемъ между собою не годовыхъ, а зимнихъ и лѣтнихъ температуръ перечисленныхъ мѣстъ [1]). Благодаря болѣе теплому, умѣренному климату, и рѣки въ Литвѣ бываютъ свободны ото льда гораздо дольше, чѣмъ въ Россіи. Напримѣръ, Нѣманъ и Вилія въ Ковнѣ покрываются льдомъ всего на 90 дней, тогда какъ Волга въ Астрахани—101, въ Саратовѣ 132, въ Казани—163.

Благодаря близости Балтійскаго моря и направленію господствующихъ вѣтровъ, западнаго и юго-западнаго, климатъ литовскихъ губерній отличается крайнею сыростью, и количество падающихъ здѣсь атмосферныхъ осадковъ гораздо значительнѣе, чѣмъ во внут-

---

[1]) Средняя температура по Ц.

	января.	іюля.
Въ Ковнѣ	— 4,9	+18,6
„ Москвѣ	—10,9	+19,2
„ Владимірѣ	—12.5	+19,1
„ Нижнемъ-Новгородѣ	—11,9	+19,5
„ Казани	—13,6	+19,4
„ Царицинѣ	—11,1	+23,2

ренней Россіи. Лѣтомъ здѣсь льютъ обильные дожди, а зимы, хотя и не холодныя, бываютъ многоснѣжны. Годовое количество атмосферныхъ осадковъ въ Вильно равняется 563 миллиметрамъ; болѣе половины этого количества (316 милл.) приходится на пять лѣтнихъ мѣсяцевъ (отъ мая по сентябрь).

Литовскія губерніи представляютъ довольно лѣсистую страну: въ общей сложности подъ лѣсомъ находится четвертая часть всей площади этихъ губерній (25%). Въ древности Литва была покрыта непроходимыми, дремучими лѣсами, значительная часть которыхъ теперь уже исчезла, уступивъ свое мѣсто пашнямъ, деревнямъ и городамъ. Литовскіе лѣса отличаются смѣшаннымъ характеромъ растительности, сухія, песчаныя мѣста покрыты сосной, смѣняющейся на болѣе сырыхъ мѣстахъ зарослями дуба и другими, весьма разнообразными породами лиственныхъ деревьевъ.

Первобытные лѣса *(пущи)* долѣе всего сохранялись въ губерніи Гродненской. Въ ней еще недавно было пять большихъ пущъ, изъ которыхъ уцѣлѣла только одна—*Бѣловѣжская пуща.* Названіе этого лѣса произошло вѣроятно отъ замка Бѣлая Вѣжа (башня), стоявшаго въ XVI столѣтіи при сліяніи двухъ притоковъ Западнаго Буга [1]). Бѣловѣжская пуща покрываетъ огромное пространство, лежащее

---

[1]) Э. Реклю.

между З. Бугомъ (отъ Брестъ-Литовска къ сѣверу) и верхнимъ теченіемъ р. Нарева. Кромѣ своего дикаго характера, Бѣловѣжская пуща замѣчательна необыкновеннымъ разнообразіемъ растительныхъ породъ: въ 1830 году ученый Эйхвальдъ собралъ тамъ 1205 видовъ различныхъ растеній. «Сосна преобладаетъ, но рядомъ съ нею высятся исполинскія ели, пихты, дубы, березы, ясень, кленъ, ольха, липа, образуя своимъ смѣшеніемъ чрезвычайно живописныя группы. Ниже этихъ великановъ—деревья съ опадающими листьями, деревца и кустарники, ива, верба, орѣшникъ, гордовина, бузина составляютъ какъ бы второй лѣсъ; кусты земляники, черники и мхи устилаютъ словно ковромъ почву подъ тѣнью величественныхъ аллей изъ хвойныхъ деревьевъ». Въ тѣни исполинскихъ деревьевъ Бѣловѣжской пущи водится еще дикій зубръ или туръ. Зубръ—огромное животное, туша котораго вѣситъ 35—40 пудовъ; онъ немного похожъ на быка, имѣетъ шерсть бураго цвѣта, бороду и гриву. Прежде зубры водились не только въ Литвѣ, но жили, во времена историческія, на берегахъ Днѣпра и въ центральной Россіи. Теперь эта порода уцѣлѣла только въ Бѣловѣжской пущѣ, но и тамъ она вымираетъ. Въ 1860 году зубровъ насчитывалось до 1700 штукъ, а въ настоящее время ихъ не болѣе 600. Убивать и ловить зубровъ строго запрещено, такъ какъ они сохраня-

ются для царской охоты. На зиму для зубровъ ставятъ большіе стога сѣна. Если бы человѣкъ не заботился о зубрахъ, то они исчезли бы давно, какъ исчезъ дикій быкъ (Bos urus), бродившій лѣтъ 300 тому назадъ большими стадами въ лѣсахъ Литвы. Почва бѣлорусскихъ губерній состоитъ изъ глины и мергеля, прикрытыхъ крупно-зернистыми, рыхлыми песчаниками. Глина—единственный минералъ этой области, имѣющій практическое примѣненіе. Глина превосходнаго качества здѣсь находится въ громадныхъ количествахъ. Такъ, напримѣръ, въ окрестностяхъ Витебска, по р. Витьбѣ, залегаетъ превосходная ярко-красная глина, чрезвычайно пластичная и превосходно принимающая полировку. Мергельный и глинистый грунтъ почвы, не пропускающій влагу, обусловливаетъ собою въ этомъ краю обиліе озеръ и обширныхъ болотъ, моховыхъ, луговыхъ и торфяныхъ.

Моховыя болота въ Бѣлоруссіи встрѣчаются очень нерѣдко среди нагорныхъ, покрытыхъ сосною, пространствъ.

Ровная, горизонтальная поверхность этихъ болотъ представляетъ густой, роскошный коверъ мховъ. Мѣстами на болотахъ встрѣчаются убогія, корявыя сосны. Средина болотъ по большей части лишена древесной растительности. Тутъ находится, такъ называемая, «зыбь», т. е. такое мѣсто, гдѣ почвенный слой какъ бы плаваетъ на водѣ или въ жид-

кой грязи. Слой этотъ состоитъ изъ плотно переплетшихся между собою корешковъ мха. Подъ нимъ жидкая грязь или вода, въ которой дно не всегда можно достать даже трехсаженною жердью. Во многихъ мѣстахъ плавающій моховой коверъ прорывается, обнажая болѣе или менѣе значительныя пространства воды. Болота, вѣроятно, образовались въ давнія времена изъ озеръ. И теперь еще можно наблюдать процессъ такого образованія. Каждое лѣто можно замѣчать, что открытыя водяныя пространства постепенно суживаются. Лѣтомъ моховыя болота образуютъ почти совершенно безполезную территорію для жителей. Только въ зимнее время становятся они доступными: по нимъ пролегаютъ прямые санные пути между селеніями. Лѣтомъ-же онѝ недоступны; даже охотники не заходятъ въ нихъ; къ тому-же и дѣлать имъ тутъ нечего, такъ какъ лѣсная и водяная дичь неохотно держится на такихъ болотахъ, за отсутствіемъ вокругъ лѣсныхъ озеръ тросника и осоки, необходимыхъ для устройства гнѣздъ.

Въ Южной части Минской губерніи болотистыя пространства принимаютъ уже громадные размѣры. Пространства эти по р. Припяти носятъ названіе «Полѣсья» [1]) и зани-

[1]) Въ обширномъ смыслѣ Полѣсьемъ называется громадная ($1^1/_2$ т. кв. миль) площадь, имѣющая форму треугольника, вершины котораго лежатъ въ Брестъ-Литовскѣ, Кіевѣ и Могилевѣ.

маютъ сотни тысячъ десятинъ. Полѣсье заходитъ на югъ, въ Волынскую и Кіевскую губ., но тамъ его обитателями являются уже не бѣлоруссы, а малоруссы. Представляя почти сплошныя болота, Полѣсье только мѣстами прерывается островками твердой земли, на которыхъ ютятся уединенные деревни. Пашни крестьянъ разбросаны тамъ и сямъ среди болотныхъ пространствъ, образуя крохотные участки. Такъ напр., у одной деревни, гдѣ всѣхъ дворовъ считается 24, земельныхъ участковъ въ разныхъ мѣстахъ имѣется 900. Сообщаются такіе участки одинъ съ другимъ при помощи бревенъ, наброcанныхъ отъ одного островка къ другому; отправляясь на работу въ тотъ или другой изъ нихъ, крестьянинъ взваливаетъ на плечи соху и идетъ по этимъ бревнамъ, а волы [1]) плетутся рядомъ въ водѣ, изъ которой виднѣются только ихъ морды. Священникъ, живущій въ деревнѣ Князь-Озеро (въ сѣверной части Мозырскаго уѣзда Минской губ.), съ требами отправляется по болотамъ пѣшкомъ, шагая съ кочки на кочку съ огромнымъ шестомъ въ рукахъ; въ иныхъ мѣстахъ ему приходится погружаться по поясъ въ воду. Только зимою, когда появляется ледъ, устанавливается сносное сообщеніе. Но за то въ весеннее время приходится еще

[1]) На югѣ Бѣлоруссіи землю воздѣлываютъ не только на волахъ, но даже и на коровахъ.

горше, особенно въ ту пору, какъ ледъ начинаетъ уже таять. Тогда при переходахъ поступаютъ такимъ образомъ: одинъ идетъ впереди, другой сзади; обоихъ соединяетъ веревка, привязанная къ кушакамъ. Если который нибудь проваливается, то другой его вытаскиваетъ. Въ это время путешествовать можно только въ лаптяхъ, потому что въ сапоги попадаетъ вода. Но такъ какъ лапти могутъ пропускать воду, то для устраненія этого, надѣвъ лапти и суконные штаны, обвертываютъ ноги соломой и, окунувъ ихъ въ воду, даютъ застыть на холоду.

До 1873 года на всей площади Полѣсья находилось не болѣе 25% сухихъ, пригодныхъ для поселенія пространствъ, 35% болотнаго лѣса, а остальные 40% или 600 квадр. миль представляли собою голыя, лишенныя растительности болота, испаренія которыхъ дѣлали страну вредной для здоровья не только людей, но даже и животныхъ. Въ означенномъ году Правительство приступило къ осушенію Полѣсья, поручивъ главное завѣдываніе этимъ дѣломъ генералу *Жилинскому*, который съ успѣхомъ выполнилъ возложенную на него задачу. Первоначально была произведена общая нивеллировка страны, выяснившая, что скатъ Минской губерніи къ Днѣпру, самъ по себѣ незначительный, вполнѣ достаточенъ для того, чтобы обезпечить водамъ правильный стокъ. Сообразно съ этимъ

былъ составленъ общій планъ осушенія Полѣсья посредствомъ сѣти каналовъ, расположенныхъ такимъ образомъ, чтобы не только открыть водамъ правильный стокъ изъ замкнутыхъ котловинъ, но и въ то-же время управлять этими водами, чтобы избѣгнуть излишняго осушенія почвы. Въ промежутокъ времени отъ 1873 по 1892 годъ было прорыто 3312 верстъ главныхъ и боковыхъ каналовъ, при чемъ первымъ придавалась ширина отъ 5 до 20 аршинъ и глубина отъ 1$^{1}/_{2}$—4$^{1}/_{2}$ аршинъ, а вторымъ ширина 3—5 аршинъ и глубина отъ 1 до 1$^{1}/_{2}$ арш. Благодаря этимъ каналамъ было осушено 2$^{1}/_{3}$ милліона десятинъ земли, цѣнность которой возрасла на 50 милл. рублей, тогда какъ всѣ работы стоили менѣе трехъ милл. руб. Громадное пространство лѣсовъ уже освобождено отъ стоячихъ водъ и теперь можетъ приносить пользу человѣку, тогда какъ прежде деревья сгнивали на мѣстѣ. Не имѣвшія прежде растительности болота послѣ осушенія заростаютъ лѣсомъ, или же черезъ 3—4 года превращаются въ хорошіе сѣнокосы. Наконецъ, въ осушенныхъ мѣстахъ самый климатъ замѣтно измѣнился къ лучшему: лихорадки, грудныя и горловыя болѣзни не такъ свирѣпствуютъ, а колтунъ и вовсе прекратился. Обиліе болотъ въ Бѣлоруссіи обусловливаетъ нахожденіе въ ней громадныхъ залежей торфа. Однако существованія его не

подозрѣваютъ не только крестьяне, но часто и помѣщики, у которыхъ этотъ матеріалъ находится въ ближайшемъ болотѣ. Встрѣчаются между владѣльцами даже высшаго класса такіе образованные люди, которые не имѣютъ понятія о томъ, что за штука такая торфъ!

Болотистыя пространства въ Бѣлоруссіи часто перемежаются глубокими песками. Въ другихъ мѣстахъ встрѣчается огромное количество валуновъ или эрратическихъ камней. Валуны эти сильно затрудняютъ обработку полей, причиняя поломку орудій. Есть валуны почтенныхъ размѣровъ — до 3 аршинъ въ поперечникѣ. Затрудняя обработку земли, валуны не приносятъ никакой пользы. Въ прежнее время помѣщики пользовались ими для возведенія построекъ, но послѣднія оказывались весьма непрочными.

Пахатная почва Бѣлорусскаго края, какъ мы видѣли, попреимуществу песчаная и суглинистая. Пахатный слой очень мелокъ. Въ иныхъ мѣстахъ глубина этого слоя не превышаетъ трехъ вершковъ, тогда какъ кормовыя травы нуждаются въ слоѣ чуть не вдесятеро болѣе глубокомъ. Можно себѣ представить, каковъ долженъ быть тутъ урожай!...

Но это не одинъ недостатокъ бѣлорусской почвы. Вотъ, напримѣръ, приготовленное подъ озимь поле. Взгляните на него; вы не найдете ни одного квадратнаго фута простран-

ства, на которомъ не было бы комьевъ и глыбъ, являющихся совершенно излишними въ производительномъ слоѣ. Возьмите въ горсть подготовленную къ посѣву землю,— она вся состоитъ изъ комьевъ; въ ней нѣтъ и признаковъ той рыхлости, того размельченія, которыя необходимы для почвы, чтобы въ ней проросло всякое посѣянное зерно. Въ другихъ мѣстахъ вы протыкаете почву вашею тростью; вынули трость — и отверстіе быстро наполняется водою; пахотный слой здѣсь чуть не представляетъ болота. И въ это болото тѣмъ не менѣе сѣется хлѣбъ безъ дальнѣйшаго размышленія объ его осушеніи.

Естественно, что, при плохой почвѣ и еще больше плохомъ способѣ хозяйства, земля даетъ бѣлоруссу урожаи весьма скудные. Только въ видѣ исключенія можно встрѣтить въ Бѣлоруссіи хозяйства, въ которыхъ разведеніе зерновыхъ хлѣбовъ составляетъ доходную статью.

Лишь одинъ ленъ въ сѣверныхъ частяхъ края приноситъ значительныя выгоды, но и то не потому, чтобы крестьяне умѣли угодить этому растенію хорошимъ воздѣлываніемъ почвы, а просто потому, что разводятъ его на новыхъ пустыряхъ, которые въ послѣдніе годы въ заброшенныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ составляютъ не менѣе 20% всей пахатной земли. На такихъ почвахъ ленъ

родится хорошо, даетъ хорошее волокно и сѣмя, славящееся, подъ названіемъ рижскаго, даже за границею. Вообще почва Бѣлорусскаго края не можетъ, по своему малоплодородію, прокормить мѣстнаго населенія. Сравнительно плодородныя мѣста находятся только на с.-в. губерніи Смоленской, восточной части Витебской и ю.-в. Могилевской, да кромѣ того на сѣверѣ Минской губерніи встрѣчаются хорошіе луга.

Климатъ Бѣлорусскаго края не отличается хорошими свойствами. Правда, онъ нѣсколько умѣреннѣе лежащихъ подъ тѣми-же широтами мѣстностей внутренней Россіи, но, по значительному числу болотъ, не отличается здоровостью. Зимы здѣсь относительно умѣренны, такъ что въ Витебскѣ на бульварахъ ростетъ итальянскій тополь, который въ садахъ Москвы на зиму старательно закутывается. Весна наступаетъ медленно; рѣки вскрываются въ апрѣлѣ, почки развертываются въ концѣ этого мѣсяца или въ началѣ мая. Изморози случаются до 10 мая. Лѣто бываетъ довольно жаркое. Первые морозы случаются иногда уже въ августѣ. Количество дождя и снѣга въ Бѣлоруссіи болѣе значительно. чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, что объясняется близостью Бѣлорусскаго края къ морю. Насыщенные парами юго-западные и сѣверо-западные вѣтры приносятъ сюда дождевыхъ

облаковъ гораздо болѣе, нежели сухіе сѣверо-восточные вѣтры, господствующіе въ центральной Россіи. Оттого количество атмосферныхъ осадковъ въ Бѣлоруссіи значительнѣе, и такихъ засухъ, какія случаются въ центральной Россіи, тамъ не бываетъ. Зимою выпадаютъ глубокіе снѣга. Это обстоятельство имѣетъ особое значеніе для обитателей. Только въ зимнее время, вслѣдствіе обилія болотъ, озеръ и рѣчекъ, устанавливаются удобные пути сообщенія.

Благодаря относительному обилію атмосферныхъ осадковъ и множеству рѣчекъ, озеръ и болотъ, воздухъ Бѣлоруссіи отличается влажностью. По всей вѣроятности, отъ болотныхъ испареній Бѣлоруссіи зависитъ существованіе здѣсь особой болѣзни—*колтуна.* Колтунъ есть особый видъ худосочія: голова покрывается сыпью, которая постепенно превращается въ коросту, склеивающую всѣ волосы; при этомъ нерѣдко появляются язвы, искривленіе ногтей, вростаніе рѣсницъ внутрь (къ глазному яблоку), воспаленіе и изъязвленіе прозрачной оболочки глазъ. Болѣзнь, подобная колтуну, встрѣчается въ Бѣлоруссіи даже на лошадяхъ. Исчезновеніе этой болѣзни въ осушенныхъ мѣстахъ Полѣсья даетъ основаніе предполагать, что ея главной причиной является климатъ; но, конечно, связь ея съ неудовлетворительною, негигіеничною домаш-

нею обстановкой бѣднаго населенія также не подлежитъ сомнѣнію [1]).

Ознакомясь съ почвою, орошеніемъ и климатомъ края, посмотримъ теперь на его растительный и животный міръ. Лѣсовъ въ сѣверной половинѣ Бѣлоруссіи все еще довольно много. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по крутымъ, песчанымъ берегамъ Западной Двины есть прекрасные сосновые лѣса. Такъ, противъ мѣстечка Креславки тянется густой сосновый боръ. Такіе боры встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ. Расположены они на суходолѣ, часто на холмистой, песчаной почвѣ. Изъ мѣстныхъ породъ болѣе всего распространены *сосна*, *береза*, *ель*, *осина* и *черная ольха*. Всѣ эти деревья достигаютъ значительнаго развитія, хотя и не въ такой степени, чтобы давать мачтовый лѣсъ. Сосна и ель служатъ главнымъ образомъ для построекъ. Береза употребляется на топливо и разныя подѣлки — колеса, полозья, оглобли и т. п.

---

[1]) По крайней мѣрѣ между образованнымъ классомъ, ведущимъ аккуратную жизнь, она неизвѣстна. Распространена она въ средѣ бѣднаго населенія, какъ христіанскаго, такъ и еврейскаго. Замѣчательно, что многіе изъ простонародья разводятъ колтунъ *искусственнымъ образомъ*, въ увѣренности, что онъ имѣетъ цѣлительную силу въ такихъ болѣзняхъ, какъ ревматизмъ, золотуха и т. п. Для этого волосы съ намѣреніемъ не чешутся, голова покрывается клеёнкою, которая не пропуская испарины и поддерживая постоянную теплоту, способствуетъ тому, что волоса сбиваются въ войлокъ и вмѣстѣ съ размножающимися паразитами причиняетъ порчу волосъ. Такой искусственно-вызванный колтунъ берегутъ въ теченіе многихъ лѣтъ (10—20), пока онъ самъ не отпадетъ.

Осина идетъ на жолоба, корыта, ольха—на посуду. Прежде въ Бѣлоруссіи были обширны *дубовые лѣса*, но теперь о нихъ напоминаютъ лишь остатки пней. Молодымъ дубкамъ не даютъ развиваться: ихъ срубаютъ на полозья, дуги или обручи. *Вязъ*, *кленъ* и *липа*, если и встрѣчаются, то отдѣльными экземплярами. Липа подвергается безпощадному истребленію на лыко.

Изъ кустарныхъ породъ преобладающія—тальникъ, крушина, черемуха и орѣшникъ. Съ тальника, какъ и липы, дерутъ лыко, орѣшникъ употребляется на обручи. Изъ плодовыхъ деревьевъ слѣдуетъ упомянуть рябину и яблонь, плоды которой служатъ для изготовленія кваса, очень, впрочемъ, плохого.

Въ лѣсахъ много ягодъ: черники, брусники, лѣсной малины, клюквы, земляники. Грибовъ—изобиліе, въ особенности груздей, боровиковъ и сыроѣжекъ, но ихъ мало ѣдятъ.

Лѣсовъ въ Бѣлоруссіи почти повсемѣстно достаточно—болѣе 37% всего пространства, и распредѣлены они довольно равномѣрно.

Почва Бѣлоруссіи, неудобная для земледѣлія, какъ нельзя болѣе способна къ лѣсоразведенію. «Стоитъ только 2—3 года не воздѣлывать участокъ земли, смежной съ лѣсомъ, и на немъ развивается густая, какъ щетка, поросль березовыхъ и сосновыхъ деревъ. Ростъ молодыхъ деревьевъ своею быстротою приводитъ въ изумленіе. Такъ, очень недавно, я,

говоритъ одинъ бѣлорусскій хозяинъ, посѣтилъ одну мѣстность, въ которой былъ передъ этимъ за три года. Лѣтъ восемь тому назадъ, тамъ была произведена сплошная вырубка лѣса, и на площади оставалось нѣсколько маяковъ, т. е. деревьевъ, предназначенныхъ для обсѣмененія почвы. Три года тому назадъ, когда я посѣтилъ этотъ участокъ, на немъ еще ясно были замѣтны признаки недавней порубки. Молодыя сосны и березки, дѣйствительно, уже покрывали нѣкоторыя пространства, но вездѣ легко было взглянуть вдаль и видѣть остатки маковокъ, — пни и стволы маяковъ. Въ прошедшую же осень я проѣзжалъ это пространство и не узналъ его. Молодая поросль въ ростъ человѣка разрослась такъ роскошно и густо, что, я увѣренъ, любой лѣсничій при поверхностномъ обзорѣ мѣстности подумалъ бы, что она подверглась искуственному обсѣмененію. Мнѣ извѣстны нѣкоторые участки въ боровыхъ мѣстностяхъ, на почвѣ которыхъ еще сохранились явные слѣды бороздъ: лѣтъ 25 тому назадъ они были воздѣлываемы. Въ настоящее же время на нихъ растетъ густой сосновый лѣсъ и между деревьями можно найти такія, которыя имѣютъ до 3 вершковъ въ діаметрѣ нижняго отруба. Проводимыя въ лѣсахъ просѣки, если онѣ узки, заростаютъ и стушевываются въ какія-нибудь 5 лѣтъ». «Въ три года на поляхъ одного имѣнія, вслѣдствіе

неаккуратности арендатора, канавы до того обросли древесными кустарниками, что эти поля со стороны, представлялись какъ-бы раздѣленными на участки прекрасными живыми изгородями».

Луговая и полевая растительность разнообразна. Тамъ, гдѣ почвы возвышеннѣе и глубже, развиваются богатыя кормовыя травы. По отлогостямъ суходольныхъ овраговъ встрѣчаются цѣлыя площади, покрытыя роскошнымъ краснымъ клеверомъ и кормовыми злаками. Но съ этими злаками перемѣшиваются и сорныя травы: съ клеверомъ—звонецъ, съ мятликомъ, тимофеевкой — осока и т. п. Лютиковыхъ растеній на влажныхъ почвахъ и гвоздичныхъ на болѣе сухихъ — замѣчательное обиліе. На влажныхъ почвахъ часто громадныя пространства занимаетъ хвощъ. Сложноцвѣтныя растенія, напр., пижма, попадаются на возвышенныхъ поляхъ, характеризуя вообще порядочную почву.

Фауна напоминаетъ фауну великороссійскаго края. Изъ хищныхъ животныхъ въ лѣсахъ водится множество медвѣдей. Забираться въ лѣсъ безъ ружья — дѣло опасное. Еще больше чѣмъ медвѣдей, волковъ. «Зимою, около Рождества, говоритъ одинъ писатель,— мнѣ не случалось проѣзжать ночью верстъ 20, чтобы не столкнуться со стаею этихъ животныхъ». Лисица водится также въ изобиліи, но мѣхъ ея не отличается доброкаче-

ственностью. Изъ грызуновъ—много полевыхъ мышей, зайцевъ и бѣлокъ. Зайцевъ такое множество, что крестьяне, сравнительно недавно, продавали ихъ по 13 коп. за штуку, вмѣстѣ со шкурой. Бѣлокъ распложается особенно много, когда случается урожай на орѣхи. Но, не отличаясь доброкачественностью мѣха, онѣ не служатъ предметомъ охоты. Изъ дикихъ животныхъ первое мѣсто занимаетъ *лось,* проводящій зимы въ чащахъ лѣсовъ цѣлыми стадами. Дичины (тетеревовъ, глухарей, рябчиковъ, куропатокъ) множество.

Изъ пресмыкающихся чрезвычайно много гадюкъ. Не зная отличія ядовитыхъ змѣй отъ неядовитыхъ, бѣлоруссы безъ разбора преслѣдуютъ всѣхъ, не щадя даже безобидныхъ лягушекъ и ящерицъ, въ увѣренности, что за истребленіе того или иного изъ пресмыкающихся будетъ отпущено извѣстное количество грѣховъ.

Изъ рыбъ славятся себежскіе ерши и селява; но, хотя воды богаты рыбою разныхъ породъ, бѣлоруссы мало занимаются рыболовствомъ.

Въ лѣсахъ водятся дикія или одичалыя пчелы. Вредныхъ насѣкомыхъ очень много. Слѣдуетъ еще упомянуть, какъ о вредныхъ для сельскаго хозяйства животныхъ, о слизнякахъ. Изъ червей заслуживаетъ вниманія волосатикъ, водящійся въ стоячихъ водахъ, забирающійся подъ кожу и причиняющій

нерѣдко опасное гангренозное воспаленіе. Болѣзнь отъ волосатиковъ довольно распространена въ Бѣлоруссіи. Она болѣе всего поражаетъ пальцы и ступни ногъ и встрѣчается чаще у женщинъ. Отъ волосатиковъ страдаютъ болѣе всего прачки, полощущія бѣлье въ стоячей водѣ.

Такова природа Бѣлорусскаго края. Нельзя сказать, чтобы она была скудна «дарами», но дѣло въ томъ, что дары эти не имѣютъ прямого отношенія къ земледѣлію, составляющему главнѣйшее занятіе населенія.

---

3. Краткія историческія свѣдѣнія о Бѣлоруссіи и Литвѣ.—Составъ, численность и плотность населенія.

Литовцы, населяющіе въ настоящее время всю губернію Ковенскую и части губерній Сувалкской, Виленской, Минской и Гродненской, издревле были западными сосѣдями славянъ. Въ древности литовцы занимали обширную страну, простиравшуюся отъ низовьевъ Вислы до Рижскаго залива, и дѣлились на нѣсколько племенъ (жмудь, голядь, ятвяги, собственно литовцы). Этотъ дикій, воинственный народъ жилъ осѣдло среди непроходимыхъ топей и лѣсовъ, занимаясь звѣроловствомъ, хлѣбопашествомъ и коневодствомъ. Литовскія племена подчинялись многочисленнымъ князькамъ, но имъ были представлены

только военныя дѣла, а верховная судебная власть находилась въ рукахъ главнаго жреца, Криве-Кривейто. Въ отличіе отъ славянъ, у литовцевъ язычество представляло болѣе развитую религію, и жрецы, въ особенности верховный, пользовались большимъ вліяніемъ и властью. Часто изъ своихъ лѣсовъ литовцы производили набѣги на сосѣднія славянскія земли, увозили плѣнниковъ и добычу. Славяне, въ свою очередь, жестоко мстили литовцамъ за эти нападенія, и много вѣковъ длилась эта борьба.

Что касается области, нынѣ занятой бѣлоруссами, то на ней, по словамъ лѣтописи, до начала русскаго государства жили слѣдующія племена: на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ нынѣшней Могилевской губерніи жили *радимичи*, по З. Двинѣ и правой сторонѣ верхняго Днѣстра до Припети *кривичи*; къ кривичамъ же лѣтописецъ относитъ *полочанъ* (по З. Двинѣ) и *дреговичей* (между Припетью и З. Двиной). Такимъ образомъ теперешнія поселенія бѣлоруссовъ почти вполнѣ соотвѣтствуютъ указываемымъ древнею лѣтописью предѣламъ распредѣленія кривичей, отчасти радимичей.

Въ до-монгольскій періодъ нашей исторіи область древнихъ кривичей и радимичей была подѣлена между нѣсколькими княжествами. Юго-восточная часть области, по Припети и отчасти Березинѣ, входила въ составъ княжества *Кіевскаго*, а сѣверо-восточная—населенія

радимичей,—въ составъ *Черниговскаго*; къ сѣверу отъ послѣдняго, по верховьямъ Днѣпра и З. Двины, расположилось княжество *Смоленское*; къ западу отъ Смоленскаго, въ области древнихъ полочанъ, лежало княжество *Полоцкое*, занимавшее значительную часть басейна З. Двины и простиравшееся на юго-западъ до верховьевъ Нѣмана; наконецъ, страна по верхней Припети до З. Буга входила въ составѣ княжества *Владиміро-Волынскаго*.

Изъ этихъ княжествъ Полоцкому и Смоленскому главнымъ образомъ приходилось вести борьбу съ Литвою. Борьба эта на первыхъ порахъ не представляла большой опасности, такъ какъ литовцы распадались на мелкія племена, подчиненныя отдѣльнымъ князькамъ, постоянно враждовавшимъ между собою. Съ XIII-го вѣка въ Литвѣ стало развиваться единодержавіе, и русскимъ стало трудно отбиваться отъ литовцевъ. Литовскій князь *Миндовгъ* (†1263 г.) собралъ власть надъ всею литовскою землею и отнялъ у Руси часть Полоцкой области и нѣкоторыя другія земли. Но послѣ его смерти начались внутреннія смуты, а извнѣ нападенія поляковъ и нѣмцевъ. Конецъ этимъ смутамъ и основаніе могуществу Литвы положилъ *Гедиминъ* (1315—1340).

Въ то время какъ на сѣверо-востокѣ московскіе князья начали собирать подъ свою власть русскія земли, на юго-западѣ литовскіе

князья, начиная съ Гедимина, занялись тѣмъ-же самымъ. Гедиминъ захватилъ область Витебскую и русскія земли на правомъ берегу Днѣпра и сталъ даже именоваться великимъ княземъ литовскимъ и русскимъ. Такъ какъ первые литовскіе князья не тѣснили православной вѣры, не мѣшали русскимъ нравамъ и обычаямъ и оказывали крѣпкую защиту отъ татарскихъ насилій, то княжества Кіевское, Черниговское и Волынское охотно подчинились Литвѣ. Сынъ Гедимина, *Ольгердъ*, (1345 — 1377 г.) вытѣснилъ поляковъ изъ Волыни, разбилъ три раза татаръ и закрѣпилъ за Литвою пріобрѣтенія своего отца. Онъ стремился ослабить Москву, захватилъ у нея нѣсколько городовъ и областей и раздвинулъ свои владѣнія на сѣверо-востокѣ до р. Угры.

Такимъ образомъ, уже къ концу XIV столѣтія Литовское княжество занимало огромную страну, простиравшуюся отъ Западной Двины до Чернаго моря и отъ Западнаго Буга до Оки. Въ этой странѣ литовское племя занимало очень незначительную область, а вся остальная земля была занята русскимъ православнымъ населеніемъ. Преобладающее по численности и образованію русское населеніе вскорѣ оказало замѣтное вліяніе на литовцевъ: среди нихъ начали распространяться русскіе обычаи, русскій языкъ и православная вѣра. Борьба литовскихъ князей съ московскими,

въ силу этого, становилась споромъ Гедиминовичей съ Рюриковичами за обладаніе всей Русской землей. Кто бы ни взялъ верхъ въ этой борьбѣ,—западная и восточная Русь соединились бы въ одно цѣлое. Но принятіе литовцами католичества (1386 г.) и вступленіе литовскаго князя Ягелло на польскій престолъ надолго отсрочили это соединеніе и положили конецъ русскому вліянію въ Литвѣ.

Уже въ правленіе Ягелла въ собственной Литвѣ, а затѣмъ въ русско-литовскихъ областяхъ стало обнаруживаться польское вліяніе. Сказалось это вліяніе прежде всего на высшихъ классахъ, которыхъ привлекалъ блескъ польскаго двора и тѣ обширныя права, которыми пользовалось польское дворянство. Далѣе въ городахъ было введено нѣмецкое городовое устройство (Магдебургское право), въ судопроизводство русско-литовскихъ областей вошли многіе польскіе формы и обычаи. Но, не смотря на всѣ эти нововведенія, русскій языкъ въ литовско-русскихъ областяхъ оставался государственнымъ, а православіе господствующею религіею. Такъ продолжалось до 1569 года, когда, по *Люблинской уніи*, Литва съ Польшей окончательно соединились въ одно государство.

Польскіе вельможи, получивъ возможность пріобрѣтать помѣстья въ предѣлахъ Литовскаго княжества, тотчасъ же захватили въ свое владѣніе огромныя пространства земель

въ Литвѣ и Западной Руси. Вслѣдъ за ними явилось и католическое духовенство, которое тотчасъ-же вступило въ борьбу съ православіемъ и призвало на помощь себѣ іезуитовъ. Іезуиты сначала тайно тѣснили православіе, а потомъ вступили съ нимъ и въ открытую борьбу. Встрѣтивъ неожиданный и сильный отпоръ, іезуиты стали хлопотать о *церковной уніи*, т. е. о соединеніи восточной и западной церквей подъ главенствомъ римскаго папы. Іезуитамъ удалось привлечь на свою сторону двухъ вліятельныхъ русскихъ епископовъ, Кирилла Терлецкаго и Ипатія Поцѣя, а король Сигизмундъ III склонилъ на сторону уніи и Кіевскаго митрополита Михаила Рагозу. Не смотря на сопротивленіе ревнителей православія, Терлецкій и Поцѣй въ 1595 году отправились въ Римъ и тамъ признали главенство папы надъ русской церковью. На соборѣ въ Брестѣ православные объявили епископовъ-отступниковъ лишенными сана, а тѣ, въ свою очередь, прокляли все православное духовенство, не присоединившееся къ уніи, и открыто предложили православнымъ принять унію.

Съ этого времени пришлось бороться не только съ католиками, но и уніатами. Сначала эта борьба велась путемъ церковной каѳедры, школы и книгъ, но вскорѣ католики и уніаты, опираясь на поддержку польскаго правительства, перешли къ открытому угненію и жестокимъ гоненіямъ на православіе.

Православные храмы въ городахъ были подчинены католическому и уніатскому духовенству, а въ селахъ панамъ-католикамъ. Насилія были такъ велики, что православные епископы считали необходимымъ подготовлять себя и свою паству къ *мученичеству*. Пока вліятельные и знатные западно-русскіе дворяне оставались вѣрны православію, оно находило нѣкоторую защиту передъ польскимъ правительствомъ. Но іезуиты дѣйствовали такъ успѣшно, что къ половинѣ XVII вѣка западно-русское дворянство почти все ополячилось и окатоличилось. Некому было теперь защищать русскій народъ отъ угнетеній, воздвигнутыхъ на него іезуитами, уніатами и польской знатью. Особенно тягостно было положеніе крестьянъ.

Къ концу XVI вѣка все сельское населеніе Бѣлоруссіи сдѣлалось крѣпостнымъ у польскихъ и ополяченныхъ помѣщиковъ. Въ самой Польшѣ крестьянамъ приходилось тогда терпѣть гнетъ помѣщичьей власти, ничѣмъ не ограниченной. «Польское дворянство, говоритъ Бопланъ, блаженствуетъ, какъ въ раю, а крестьяне мучатся, какъ въ чистилищѣ; если судьба пошлетъ имъ злого господина, то ихъ участь тяжелѣе галерной неволи». Тяжело было польскимъ крестьянамъ, но положеніе крестьянъ въ русско-литовскихъ областяхъ было еще невыносимѣе, такъ какъ помѣщики къ обычному презрѣнію къ «хлопамъ» присоединили еще и религіозную ненависть.

Западно-русскіе помѣщики, по польскому обычаю, жили съ такою неслыханною роскошью, которая не покрывалась нормальными доходами съ имѣній, и за панскую расточительность пришлось расплачиваться крестьянамъ. Кромѣ обычной барщины или работы на пана, крестьянинъ былъ обложенъ безчисленнымъ множествомъ всякаго рода поборовъ, значительная доля которыхъ оставалась въ рукахъ арендаторовъ и управителей панскихъ имѣній. Всего чаще арендаторами и управителями были евреи, ставшіе вскорѣ настоящимъ бичемъ для народа.

Евреи всегда и вездѣ держались особнякомъ, не сливаясь съ мѣстнымъ населеніемъ, и направляя всѣ свои силы на денежную наживу, такъ какъ только деньги давали еврею цѣну въ глазахъ населенія. Тѣснимые и презираемые христіанами, евреи, при всякомъ удобномъ случаѣ, вымещали на нихъ свои обиды. Такъ какъ въ Польшѣ евреи не подвергались такимъ преслѣдованіямъ, какъ въ другихъ странахъ, то они стали переселяться сюда въ большомъ числѣ. Расточительная польская аристократія, постоянно нуждавшаяся въ деньгахъ, сблизилась съ евреями, занимала у нихъ деньги, отдавала имъ въ аренду имѣнія и, въ вознагражденіе за услуги, хлопотала предъ королями о дарованіи евреямъ разныхъ правъ и привиллегій. Короли Казиміръ Великій (XIV в.) и Сигизмундъ I (XVI в.)

обезпечили евреямъ полную неприкосновенность религіи и предоставили еврейскимъ общинамъ *(кагаламъ)* право самосуда и самоуправленія. Изъ Польши евреи мало-по-малу распространились по всей Западной Руси, гдѣ быстро захватили въ свои руки торговлю и, въ качествѣ панскихъ арендаторовъ, принялись за эксплоатацію сельскаго люда. Обширная власть, предоставленная имъ помѣщиками, само собой разумѣется, повела къ страшнымъ злоупотребленіямъ. Арендаторы, стремясь поскорѣе нажиться, выжимали послѣдніе соки изъ несчастныхъ крестьянъ. Дѣло дошло до того, что за свадьбу, крестины, за право присутствовать при богослуженіи приходилось платить пошлину еврею-арендатору!... Подъ гнетомъ страшной нищеты и поруганія человѣческаго достоинства одни крестьяне тупѣли нравственно и вырождались физически, а другіе бѣжали въ степи, унося страшную ненависть къ панамъ и жидамъ.

Но грянулъ наконецъ громъ надъ угнетателями: въ Малороссіи вспыхнуло страшное казацкое возстаніе подъ начальствомъ Богдана Хмельницкаго, чуть было не сгубившее Рѣчь Посполитую. Возстаніе проникло и въ Бѣлоруссію, но не имѣло тѣхъ результатовъ, какъ въ Малороссіи. Впрочемъ, по Андрусовскому перемирію (1667 г.) Московское государство удержало за собою верховье съ городомъ Смоленскомъ и такимъ образомъ поло-

жило начало возсоединенію всѣхъ западнорусскихъ областей съ Русью восточной.

Около ста лѣтъ остальному населенію Бѣлорусско-Литовскихъ областей пришлось вести тяжелую борьбу за вѣру и народность.

Не смотря на то, что религіозная нетерпимость была въ XVII вѣкѣ источникомъ большихъ несчастій для Польши, и въ XVIII вѣкѣ положеніе всѣхъ не-католиковъ было самымъ жалкимъ. Католическое духовенство и шляхта, не ограничиваясь преслѣдованіемъ православныхъ, стали тѣснить и уніатовъ, чтобы побудить ихъ къ окончательному переходу въ католицизмъ.

Но въ это время на востокѣ выросла и окрѣпла великая славянская держава, на помощь и заступничество которой могло разсчитывать православное населеніе Польскаго государства. Въ 1763 году епископъ бѣлорусскій, Георгій Кониссклй, обратился къ Императрицѣ Екатеринѣ II съ мольбою вступиться за угнетенное православіе. Императрица въ союзѣ съ Пруссіей (поляки преслѣдовали подъ именемъ *диссидентовъ* не только православныхъ, но и протестантовъ) въ 1767 году добилась отъ польскаго правительства обѣщанія облегчить положеніе диссидентовъ. Но такъ какъ поляки не исполнили своихъ обѣщаній, то Россія, Пруссія и Австрія приступили къ первому раздѣлу Польши. (1773 г.). По первому раздѣлу къ Россіи отошла сѣверная и восточ-

ная часть Бѣлоруссіи. Смуты въ Польшѣ и ходъ политическихъ событій привели ко второму и третьему раздѣламъ (1793 и 1795 гг.), по которымъ Россія пріобрѣла остальную часть Бѣлоруссіи, собственно Литву и Курляндію. Въ царствованіе Императора Николая I, въ 1839 году уніатскіе епископы и духовенство на соборѣ въ Полоцкѣ постановили просить Государя о соединеніи съ православной Церковью Всероссійской, на что послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Наконецъ, великая освободительная реформа 1861 года окончательно избавила сельское населеніе бѣлорусско-литовскихъ областей и отъ матеріальнаго гнета со стороны польскихъ помѣщиковъ.

Населеніе Бѣлорусско-Литовскаго полѣсья составляютъ въ настоящее время: литовцы, бѣлоруссы, евреи и поляки; великоруссы разбросанно встрѣчаются повсемѣстно, но большею частію живутъ въ губерніи Смоленской. Всѣхъ жителей на пространствѣ 6487 квадр. геогр. миль этой области насчитывается около 10.934.000 человѣкъ. Въ литовскихъ губерніяхъ населеніе отличается большею плотностью (1.800 чел. на кв. милю), нежели въ бѣлоросскихъ (1.260 чел. на кв. милю). Если разсматривать плотность населенія по отдѣльнымъ губерніямъ, то самое густое населеніе

окажется въ губерніи Ковенской (2.107 чел. на кв. милю), а самое слабое въ Смоленской (1.176 чел. на кв. милю).

---

4. Литовцы.

I.

Родственность литовскаго племени славянскому. — Физическій типъ и языкъ литовцевъ.—Нравственныя черты.—Жилище, одежда и пища.—Свадебные обычаи. — Обычаи при крестинахъ и кончинѣ. — Литовская народная поэзія.

Литовское племя подходитъ ближе всѣхъ другихъ къ славянскому. Оно раздѣляется на два поколѣнія—латышское и жмудско-литовское или просто литовское. Первое населяетъ южную часть Прибалтійскаго края, именно Лифляндію и Курляндію, и западъ Витебской губерніи, численность этого поколѣнія опредѣляется въ 1.250.000—1.300.000 душъ. Второе поколѣніе, литовцы въ собственномъ смыслѣ, составляетъ сплошное населеніе Ковенской и западной части Виленской губерній; но оно захватываетъ частію и губерніи Гродненскую, Минскую и Сувалкскую (въ Царствѣ Польскомъ). Численность литовскаго поколѣнія опредѣляется въ 1.900.000—2.000.000 душъ, не считая полутораста тысячъ, обитающихъ въ сосѣдней части Пруссіи.

Литовцы въ собственномъ смыслѣ представляютъ очень любопытный въ научномъ отношеніи народъ. Изслѣдованія ученыхъ показали, что изъ всѣхъ европейскихъ языковъ литовскій самый близкій къ древнему санскритскому, отъ котораго эти языки ведутъ свое начало. Онъ содержитъ словъ, менѣе удалившихся отъ арійскаго корня, большее число, чѣмъ всѣ прочіе. Сходство съ санскритскимъ языкомъ въ немъ такъ велико, что ученые пробовали употреблять въ разговорахъ съ литовцами цѣлыя санскритскія фразы, которыя оказывались понятными литовскимъ крестьянамъ. Глубочайшая древность литовскаго языка дала ученымъ основаніе заключить, что народъ, который имъ говоритъ, пришелъ въ Европу ранѣе другихъ поколѣній арійскаго племени. Занявъ край, лежащій въ сторонѣ отъ путей народныхъ передвиженій, среди глухихъ лѣсовъ, не подвергаясь сильному воздѣйствію цивилизаціи въ дальнѣйшіе періоды своей жизни, литовскій народъ лучше могъ сохранить и свой языкъ, и свои нравы и обычаи. Начало христіанству хотя и было положено, благодаря католическимъ проповѣдникамъ, довольно рано, но народъ долго не могъ проникнуться духомъ новаго ученія. Слѣды язычества очень явно обнаруживались еще въ XVII ст. Мало того, по свидѣтельству одного писателя, не далѣе, какъ въ 1855 году обитатели одной литов-

ской деревни тайкомъ держали у себя какого-то идола.

Литовскій народъ не игралъ особенно видной роли въ исторіи. Правда, мы знаемъ, что нѣкогда существовало самостоятельное литовское государство, но оно было литовскимъ больше по названію. Знаменитое литовское княжество XVI и XV столѣтій основалось на территоріи не столько литовской, сколько русской —въ составъ его вошли области бѣлорусскія и малороссійскія. Въ этомъ государствѣ литовскій народъ не имѣлъ такого значенія, какъ бѣлоруссы или малороссіяне, въ отношеніи культуры, образованности. Кодексы, статуты (постановленія) литовскіе составлены были на языкѣ бѣлорусскомъ, какъ и литовскія лѣтописи. Оффиціальные документы писались также по бѣлорусски или малорусски, смотря по мѣстности ихъ составленія—въ Вильнѣ, или на Волыни, или въ Кіевѣ.

Живя такою жизнью въ уединенной странѣ, не принимая живого участія въ историческихъ событіяхъ, литовскій народъ естественно сохранилъ въ большой чистотѣ и свой языкъ.

Литовскій языкъ раздѣляется на двѣ вѣтви—нижнелитовскую и верхнелитовскую. Впрочемъ, переходъ отъ одной вѣтви къ другой очень постепененъ, разница-же между ними не болѣе той, какая существуетъ между великорусскимъ и малорусскимъ нарѣчіями.

Удержали ли литовцы въ такой же чистотѣ, какъ языкъ, свой типъ? На этотъ вопросъ отвѣтить положительно довольно трудно. Судя по тому, что они живутъ и жили между собою цѣлые вѣка очень сплоченно, и разнообразнаго инородческаго населенія по сосѣдству съ ними нѣтъ, надо думать, что и въ физическомъ отношеніи литовцы сохранились довольно чисто. Отъ финскаго населенія Прибалтійскаго края (эстовъ) литовцевъ отдѣляетъ родственное имъ поколѣніе латышей, а сосѣднее съ ними бѣлорусское населеніе само жило замкнуто, развѣ лишь поляки имѣли на литовцевъ нѣкоторое воздѣйствіе, да и то въ отношеніи класса, который силился примкнуть къ польскому дворянству.

Наружность литовцевъ довольно красива. Они большею частью обладаютъ высокимъ ростомъ и хорошимъ сложеніемъ. Лица ихъ овальныя, носъ «античный», губы тонкія, глаза голубые, волоса бѣлокурые. Женщины отличаются красотой.

Нравственныя качества литовцевъ изслѣдователями рисуются въ весьма выгодномъ свѣтѣ. Какъ народъ, вѣрный во многомъ старинѣ, литовцы удержали хорошія патріархальныя черты. Такъ, литовцы издревле славились своимъ гостепріимствомъ. Ему остается вѣрнымъ и нынѣшнее населеніе края, особенно на Жмуди, гдѣ народъ зажиточнѣе.

Когда пріѣзжему приходится останавливаться на ночлегъ въ какой-нибудь литовской деревушкѣ, онъ заѣзжаетъ не на постоялый дворъ, не въ корчму, а къ знакомому крестьянину, и тотъ принимаетъ его съ радостью. Хозяйка первымъ долгомъ старается угостить, накормить путника: на столѣ появляется «крупникъ»—напитокъ изъ водки съ медомъ, молоко, яичница, курица. Для спанья отводится чистая свѣтлица. Говорятъ, что литовцы отличаются еще добродушіемъ и нѣжностью души. Литовскій языкъ—самый богатый по обилію въ немъ ласкательныхъ и уменьшительныхъ словъ, которыя придаютъ какую-то особенную мягкость пѣснямъ литовцевъ. Однако, и въ литовскомъ быту нерѣдки, какъ увидимъ ниже, проявленія глубокаго безсердечія къ ближнимъ. Литовцы народъ очень набожный. Они очень усердные католики, разумѣется, преимущественно въ отношеніи соблюденія обрядностей своей религіи. Литовецъ усердно посѣщаетъ свои костелы, любитъ торжественныя процессіи. Проявленіемъ его религіозности служатъ также многочисленные кресты съ распятіями, статуи святыхъ и Божіей Матери, попадающіеся во множествѣ на дорогахъ, особенно около перекрестковъ, а также на поляхъ. Все это не мѣшаетъ литовцамъ придерживаться остатковъ язычества.

Познакомимся съ внѣшнею обстановкою быта литовцевъ.

Жилища литовцевъ представляютъ нѣкоторое сходство съ избами русскихъ крестьянъ. Они также дѣлятся на двѣ половины. Лучшая половина жилья почти повсемѣстно носитъ названіе *секличе* — происшедшее, повидимому, отъ русскаго свѣтлица. Почти вездѣ существуетъ и русская печь, которая такъ и называется *пячусъ*, но рядомъ съ нею встрѣчается и первобытная литовская банная печь—*красне* и очагъ въ сѣняхъ—*угнавѣта*.

Одежда литовцевъ сходна съ той, какую носятъ ихъ сосѣди—бѣлоруссы. Поверхъ рубахи они надѣваютъ свитки изъ бѣлаго холста, а осенью и зимою носятъ сермяги изъ сѣраго сукна и полушубокъ; кто подостаточнѣе, обзаводится кожухомъ (тулупомъ) длиною ниже колѣнъ.

Вблизи городовъ встрѣчаются на литовцахъ длинные камзолы изъ синяго сукна, съ металлическими пуговицами и стоячими воротниками. Подтягиваются литовцы ремнями.

Головной уборъ представляетъ болѣе разнообразія: имъ служатъ у однихъ обыкновенныя фуражки съ козырьками, у другихъ — шапки, подбитыя овчинами и покрытыя сукномъ. Лѣтомъ у многихъ на головахъ можно видѣть соломенныя шляпы домашняго производства. Лапти изъ липовой коры или лозы— распространенная обувь, потому что сапоги имѣются у болѣе зажиточныхъ.

У женщинъ наряды отличаются пестротою

Обыкновенно женщины носятъ юбку, надѣваемую поверхъ рубахи, передникъ, корсетъ съ прорѣзомъ на груди, свитку или катокку изъ сукна. Косу дѣвушки заплетаютъ въ двѣ косы съ ленточками на концахъ, повязывая голову платками, но въ праздники, также на свадьбахъ и крестинахъ, дѣвушки являются иногда вовсе безъ платка, украсивъ волоса цвѣтами. У замужнихъ женщинъ головными уборами служатъ каптозы (капоры) или платки.

Въ пищѣ литовскіе крестьяне болѣе разборчивы, чѣмъ ихъ сосѣди бѣлоруссы. Представляя сходство съ бѣлорусскою, она нѣсколько изысканнѣе и разнообразнѣе.

Указанныя сходства въ жилищѣ, одеждѣ и пищѣ русскихъ и литовцевъ могутъ быть объяснены одинаковостью условій жизни и общностью происхожденія.

То-же можно сказать и о нѣкоторыхъ литовскихъ обычаяхъ, напр., свадебныхъ, въ которыхъ есть черты, приближающія литовскія брачныя церемоніи къ русскимъ.

Въ основѣ брачнаго союза, какъ и въ большинствѣ случаевъ среди нашихъ крестьянъ, у литовцевъ лежитъ хозяйственный разсчетъ. Женихова сторона имѣетъ въ виду прежде всего пріобрѣсти хорошую, свѣдующую въ хозяйствѣ работницу, а невѣста — найти въ лицѣ жениха домовитаго хозяина, не лѣнтяя

и не пьяницу [1]). Приступъ къ заключенію брака дѣлается всегда со стороны жениха. Для этого избирается преимущественно осенняя пора, когда покончатся всѣ сельско-хозяйственныя работы и опредѣлится урожай. Дѣло начинается съ развѣдокъ. Для этого женихъ отправляется въ домъ, гдѣ имъ высмотрѣна невѣста, обыкновенно вмѣстѣ со сватомъ. Онъ беретъ съ собою бутылку вина. Послѣ угощенія виномъ родителей невѣсты, происходитъ представленіе послѣдней жениху, причемъ ее спрашиваютъ — согласна или нѣтъ она принять предложеніе, выдти замужъ.

Въ случаѣ согласія, дѣвушка перевязываетъ лентою или полотенцемъ бутылку, принесенную женихомъ и сватомъ, и тогда ея родители, въ свою очередь, выставляютъ угощеніе. Въ случаѣ же не согласія дѣвушка прямо заявляетъ о своемъ нежеланіи выдти замужъ, а то такъ и вовсе не показывается сватамъ. Тогда дѣло кончается выдачею ея родителями жениху за поставленную имъ водку вознагражденія.

Какъ скоро дѣвушка изъявитъ свое согласіе выдти замужъ, начинаются переговоры о

---

[1]) По народнымъ понятіямъ литовцевъ, трудолюбіе есть лучшее достоинство женщины. Извѣстія XVI вѣка, какъ говоритъ Костомаровъ, свидѣтельствуютъ, что тогда литовки не могли выходить въ замужество, пока не покажутъ работу своего рукодѣлія. И теперь еще въ литовскихъ пѣсняхъ восхваляется та дѣвушка, которая хорошо прядетъ, шьетъ и стираетъ бѣлье.

времени свадьбы, женихъ даритъ невѣстѣ кольцо, а невѣста надѣляетъ подарками — полотнами, платками, поясками и т. п., какъ его самого, такъ и его мать, сестеръ, братьевъ.

Спустя нѣсколько дней, отецъ невѣсты, или кто выдаетъ ее замужъ (если отца нѣтъ въ живыхъ), отправляется для осмотра женихова хозяйства. Тогда совершается и окончательный уговоръ на-счетъ брака, заключаются условія относительно приданаго со стороны невѣсты. Присутствующіе при этомъ даютъ обѣщаніе подарить что-нибудь невѣстѣ, и выполненіе такого обѣщанія считается обязательнымъ: если кто не отдастъ обѣщанной вещи, то къ этому можетъ побудить судъ.

Самая свадьба совершается у литовцевъ обыкновенно въ понедѣльникъ вечеромъ. Но до ея начала происходитъ еще длинный рядъ церемоній какъ въ домѣ жениха, такъ и въ домѣ невѣсты. У родителей жениха собираются его родные и гости; размѣстившись съ домашними вокругъ стола, всѣ собравшіеся молятся за умершихъ родственниковъ жениха, поютъ заупокойныя пѣсни, послѣ чего приступаютъ къ обѣду, который кончается тѣми же молитвами и пѣснопѣніями. Это религіозное настроеніе смѣняется постепенно веселымъ оживленіемъ, появляется скрипачъ и начинается плясъ, пѣсни... У невѣсты, тѣмъ временемъ, собираются ея родные, подруги и знакомые «на дѣвичій вечеръ». Подруги уби-

раютъ невѣстѣ голову, плетутъ ей вѣнки изъ руты, сопровождая эту уборку пѣснями. Между тѣмъ пріѣзжаетъ (лѣтомъ и осенью верхомъ, а зимой—на саняхъ) женихъ со своими друзьями и дружкой. Вся сопутствующая ему молодежь разряжена — и шапки, и уздечки на лошадяхъ убраны рутами и другими цвѣтами. Но жениховъ поѣздъ не вдругъ проникаетъ въ домъ невѣсты. Какъ и у нашихъ крестьянъ, вступленію въ домъ предшествуютъ длинные переговоры. Прибывшихъ спрашиваютъ: кто они, зачѣмъ прибыли и т. д. На это первые отвѣчаютъ: «пришли мы издалека, изъ за моря, горъ, лѣсовъ, широкихъ рѣкъ; насъ столько молодцовъ, сколько звѣздъ на небѣ» и т. д.—А чего же вамъ нужно и чѣмъ васъ угощать? — «Намъ нужны: ночлегъ, забавы, сладкія рѣчи, кушанье; мы и наши лошади устали».—Вы поздно пріѣхали; можетъ быть вы какіе-нибудь темные люди или враги? — «Нѣтъ, мы люди честные, свидѣтели въ томъ— всѣ добрые люди, луна и звѣзды». Въ подкрѣпленіе этихъ словъ прибывшіе показываютъ какую-нибудь бумажку въ качествѣ паспорта, и тогда передъ ними ворота открываются. Иногда на выручку является сама невѣста и вводитъ жениха съ дружиною въ домъ.

Съ приходомъ въ избу жениха и его дружины, всѣ оживляются — начинаются пѣсни, музыка, танцы... Потомъ появляется на сцену

сватъ, который приноситъ большой пирогъ или каравай, водку и разную закуску. Угостясь этой водкой и закусивъ, повертясь и поплясавъ, всѣ поднимаются въ церковь. Передъ отъѣздомъ одна изъ подругъ невѣсты говоритъ благодарственную рѣчь ея родителямъ за то, что они ее выростили, приложили столько заботъ и попеченій къ ея воспитанію, одѣвали, кормили, учили хозяйству и т. д. Простясь послѣдній разъ со всѣми родными, невѣста садится съ подругами въ повозку, или сани, а сопровождающіе ее парни ѣдутъ верхами.

Вѣнчаніе происходитъ въ той церкви, къ приходу которой принадлежитъ невѣста.

Послѣ вѣнца весь свадебный поѣздъ возвращается въ домъ невѣстиныхъ родителей [1]). Молодыхъ у самаго порога встрѣчаютъ съ хлѣбомъ и солью. Затѣмъ идетъ обѣдъ, съ окончаніемъ котораго начинается шумное веселье, длящееся вплоть до утра.

Свадебная церемонія этимъ, однако, далеко не заканчивается. Утромъ въ среду бываетъ парадный завтракъ, происходитъ повязыванье платкомъ головы молодухи и отправка приданаго въ домъ жениха. Пріѣздъ самихъ молодыхъ бываетъ довольно торжественный: встрѣча ихъ сопровождается поднесеніемъ хлѣба и

[1]) Это, впрочемъ, въ томъ случаѣ, если домъ жениха дальше невѣстина; если же онъ близко, то женихъ съ дружкой отдѣляется отъ поѣзда и отправляется къ себѣ, а въ домъ невѣсты ѣдетъ уже послѣ.

соли. Молодая должна одарить свекровь рубашкою, платкомъ, чулками и т. д. Невѣста, которая не въ состоянiи одѣть свекровь съ головы до пятокъ, считается небогатой. На слѣдующiй день—опять веселье, пѣсни, музыка, попойка. Существуетъ обычай судить въ этотъ день и приговаривать къ смертной казни свата. Въ вину ему ставится, что онъ будто бы много лгалъ: сватая жениха, говорилъ, напримѣръ, что у него каменныя палаты, окна брильянтовыя, въ колодцѣ медъ и на дворѣ всякаго добра видимо-не-видимо, тогда какъ на дѣлѣ ничего этого не оказалось. Всѣ присутствующiе признаютъ преступленiе достойнымъ казни, къ которой торжественно и приговариваютъ.

Въ приговорѣ, между прочимъ, говорится, что казнь будетъ и выгодна въ томъ отношенiи, что изъ головы свата можно сдѣлать фонарь, изъ ногъ — кочергу и т. под. Отъ грозящей опасности подвергнуться казни свата спасаетъ молодая.

За такою счастливою развязкою слѣдуетъ обѣдъ, который долженъ выставить хозяйственныя достоинства молодой: послѣдняя старается выказать передъ гостями и домашними, особенно передъ свекровью, свою распорядительность.

Заключительный актъ брачныхъ церемонiй совершается спустя недѣлю — въ воскресенье. Въ этотъ день молодая отправляется въ при-

ходскую церковь, гдѣ надъ нею читаются извѣстныя молитвы.

Такъ начинается семейная жизнь литовца, слагающаяся весьма различно. Семейный бытъ литовскихъ крестьянъ, имѣющихъ самостоятельное хозяйство или «господарисовъ», опирается на начало полнаго господства домохозяина, распоряжающагося по произволу трудомъ всѣхъ домочадцевъ и могущаго изгнать изъ своего дома всякаго, кого только пожелаетъ. «Каждая крестьянская семья въ здѣшнемъ краѣ, по словамъ одного писателя, представляетъ примѣры возмутительнѣйшаго эгоизма, возмутительнѣйшей жестокости въ отношенiи самыхъ близкихъ родственниковъ: такъ, братъ-господарисъ, обходясь вообще съ братьями своими какъ съ батраками, изгоняетъ ихъ изъ дому при первомъ случаѣ и лишаетъ рѣшительно всего». Немногимъ лучше бываетъ и положенiе отцовъ. У литовскихъ крестьянъ существуетъ обычай сдавать хозяйство и участокъ земли сыну (на Литвѣ старшему, а на Жмуди—младшему). Отецъ сдаетъ хозяйство еще не въ очень старые годы—большею частiю, когда ему пойдетъ только что за 50 лѣтъ. Обыкновенно, сдавъ свой участокъ, отецъ садится *на кутъ*, т. е. помѣщается отдѣльно отъ сына, въ особой хаткѣ, превращенной въ жилье изъ стараго сарайчика или хлѣвушка. При этомъ онъ получаетъ въ свое пользованiе огородъ, но не

даромъ, а за отбываніе въ пользу дворохозяина-сына 3-хъ-дневной барщины.

Вообще, по литовскимъ обычаямъ, господарисъ можетъ располагать своимъ участкомъ, какъ ему заблагоразсудится—передавать даже совершенно постороннему человѣку.

Положеніе членовъ семьи становится особенно неблагопріятно, когда, по смерти домохозяина, жена его, хотя бы и старуха, въ силу народнаго обычая, выходитъ вторично за мужъ. Въ такихъ случаяхъ, дѣти отъ перваго мужа обыкновенно становятся совершенно безправными членами семьи.

Семейная жизнь не имѣющаго земли батрака, разумѣется, слагается совершенно иначе. Будучи самъ въ зависимости, онъ не проявляетъ такой суровой власти по отношенію къ домочадцамъ.

Разница въ положеніи не мѣшаетъ, однако, литовцамъ соблюдать одинаковые обычаи. Какъ одинаковы они при бракѣ, такъ одинаковы и при рожденіи и смерти. Когда семья литовца увеличится рожденіемъ младенца, то новаго члена семьи первымъ дѣломъ обмываютъ самой холодной водой. На крестины родные и друзья приносятъ выпивку и закуску, въ которой главную роль играютъ яйца. Въ продолженіи цѣлаго года ребенка оставляютъ безъ рубахи, окутывая его кускомъ холста. Спартанское воспитаніе укрѣпляетъ натуру литовцевъ, которые вы-

глядятъ вообще народомъ бодрымъ и крѣпкимъ. Въ похоронныхъ обычаяхъ литовцевъ уцѣлѣло не мало языческаго, выражающагося въ разныхъ суевѣріяхъ. Напримѣръ, лишь только больной начинаетъ кончаться, изъ избы выносятъ всѣ сѣмена: иначе эти сѣмена не взойдутъ. При сильныхъ предсмертныхъ мученіяхъ изъ подъ головы кончающагося вынимаютъ подушку, а въ потолкѣ дѣлаютъ отверстіе, чтобъ душа могла свободнѣе вылетѣть изъ тѣла.

Остатковъ язычества еще больше въ литовской народной поэзіи, которая нашла себѣ прекраснаго цѣнителя въ нашемъ знаменитомъ историкѣ Н. И. Костомаровѣ. «У рѣдкаго народа,—говоритъ онъ,—въ поэзіи найдется столько неиспорченныхъ образцовъ первобытной красоты, какіе представляетъ литовская». Если въ поэзіи славянскихъ народовъ является юношеское изящество, то въ литовской болѣе свѣжести и дѣтскаго простодушія; въ ней господствуетъ какая-то неполнота, нѣжность формъ, такъ сказать, недодѣланность. Литовскія пѣсни дышатъ уютною непроѣздною деревнею, гдѣ жизнь протекаетъ нераздѣльно съ природою, при отчужденіи отъ всего остальнаго міра, въ несложномъ обществѣ близкихъ между собою людей, соединенныхъ связью чувства. Въ литовскихъ пѣсняхъ чувства глубоки и нѣжны, но страсти до того слабы, что рѣдко явля-

ются на свѣтъ; желанія ограничены, за то неотразимо наслажденіе въ лонѣ природы; нѣтъ охоты къ размышленію, нѣтъ вражды, нѣтъ зависти; фантазія, иногда затѣйливая, рѣдко создаетъ образы жизни возвышенной надъ кругомъ деревенщины, но убѣгаетъ въ дубовыя рощи, прислушивается къ журчанію ручьевъ и морскому гулу, рѣдко мечтаетъ о чертогахъ и нарядахъ промышленнаго міра».

«Почти всѣ пѣсни литовскаго народа отличаются нравственностью и деликатностью. Литовская муза не находитъ прелести въ преступленіяхъ и злодѣяніяхъ, не тѣшитъ воображенія ничѣмъ соблазнительнымъ. Въ ея образахъ нѣтъ ни выпуклости, ни рѣзкихъ чертъ: они воздушны, туманны; краски на нихъ не ярки, но нѣжны и мягки; нельзя назвать ее мрачною или грустною, нельзя назвать и веселою, разгульною. Въ ней не слышно ни раздирающаго вопля отчаянія, ни неистоваго смѣха; нѣтъ ни ослѣпительнаго свѣта, ни чернаго мрака; какая-то таинственность разлита въ ея созданіяхъ; міръ, куда она насъ вводитъ, напоминаетъ весеній вечеръ, когда при ясной зарѣ, въ душистомъ воздухѣ, среди младенческой, чуть только воскресшей изъ подъ снѣга, природы, чувствуется разомъ и упоеніе молодой жизни и легкая грусть».

Вмѣстѣ съ тѣмъ литовская народная поэзія отражаетъ въ себѣ слѣды первобытной миѳологической старины. Изъ миѳологическихъ

вѣрованій сильнѣе всего сохранилось поклоненіе солнцу и небеснымъ свѣтиламъ и явленіямъ. Оно и понятно. Въ земледѣльческомъ быту и жизнь, и работы зависятъ отъ годовыхъ и метеорологическихъ перемѣнъ. Въ литовскихъ пѣсняхъ солнце является лицомъ женскаго пола, и притомъ человѣколюбивымъ, справедливымъ, сострадательнымъ къ несчастіямъ. Мѣсяцъ, напротивъ, представляется въ качествѣ существа мужескаго пола. Въ народныхъ пѣсняхъ есть еще представленія и о другихъ свѣтилахъ. Несомнѣнно, что и солнце, и мѣсяцъ, и другія свѣтила въ древности имѣли значеніе божествъ. Въ пѣсняхъ болѣе говорится о *Перкунасѣ, вондицкіяхъ* (русалкахъ), о *лаймахъ*, которыя въ древности считались добрыми геніями, но подъ вліяніемъ христіанства, какъ существа языческаго міра, получили значеніе злыхъ, наносящихъ зло людямъ. Изъ миѳологическихъ существъ, если не въ пѣсняхъ, то въ сказкахъ играютъ большую роль *пастушки*, подземные божки, устраивающіе разныя каверзы людямъ. Миѳическое, религіозное значеніе воды до сихъ поръ высказывается въ произведеніяхъ литовской народной поэзіи. Въ нихъ вода является постоянно въ разныхъ видахъ, какъ любимая обстановка того, къ чему невольно обращается чувство. Къ ручью ходитъ дѣвица оплакивая свое горе, и ея слезы сравниваются съ струями ручья. Чрезвычайно часто является въ народныхъ

пѣсняхъ море, какъ символъ далекости. Частое упоминаніе моря указываетъ на то, что литовцы еще въ древности ознакомились съ нимъ. Это подтверждается и поэтическою баснословною исторіей морской богини Юроты, жившей на днѣ Бѣлаго (т. е. Балтійскаго, отъ слова baltas-бѣлы) моря. Обширныя болотистыя пространства родины литовцевъ наложили также свой отпечатокъ на поэзію этого народа. Болото, по вѣрованію литовцевъ, служило жилищемъ особыхъ духовъ. Въ одной изъ пропасти на этихъ болотахъ живетъ подземная царица. По болотамъ снуетъ постоянно множество злыхъ духовъ, причиняющихъ людямъ разное безпокойство и вредъ. Различнымъ растеніямъ, птицамъ усвоивается нерѣдко миѳическое, или символическое значеніе. Напримѣръ, съ хлѣбными растеніями связывается представленіе о Крумикѣ,—богинѣ, напоминающей собою Цереру; рута (мята) является символомъ невинности, кукушка считается провозвѣстницей будущаго, и т. д.

Слѣдовъ миѳической старины въ литовскихъ произведеніяхъ народной поэзіи, какъ видно, весьма много.

Обращаясь къ бытовой сторонѣ содержанія этой поэзіи, мы прежде всего встрѣчаемся съ обширнымъ цикломъ свадебныхъ пѣсенъ. Пѣсни этого рода отличаются грустнымъ характеромъ. Причина грусти—сожалѣніе невѣсты о невозвратныхъ годахъ дѣвства, раз-

лука съ родной семьей. Дѣвица переходитъ въ чужой домъ, что на поэтическомъ языкѣ обозначается отъѣздомъ за море. «Помостила бы я мосты изъ чистаго серебра, чтобы можно было воротиться къ матушкѣ, къ моей молодости; зазеленѣетъ рута, зацвѣтутъ розы, а молодости своей я никогда не увижу!—Какъ хотите вы, чтобъ я была весела?—обращается невѣста къ сестрамъ—я никогда не вернусь къ матушкѣ; кто мнѣ руки-ноги согрѣетъ, кто меня ласковымъ словомъ приголубитъ»?... и т. д.

Полная глубокаго чувства, литовская народная поэзія создала особый разрядъ пѣсенъ похоронныхъ, въ которыхъ оплакивается кончина родныхъ.

Интересно содержаніе пѣсенъ военнаго характера: въ нихъ проявляется взглядъ на войну человѣка мирнаго, преданнаго всецѣло спокойному теченію сельской жизни. Литовскаго молодца влечетъ на войну не удаль молодецкая, не жажда воинской славы: его гонитъ неволя, горькая необходимость. Относясь къ войнѣ отрицательно, литовская поэзія не восхваляетъ и дѣйствительно совершенныхъ подвиговъ на полѣ брани. Хотя литовцы часто вели войны и хотя въ войнахъ этихъ изъ ихъ среды выдвинулись свои герои, тѣмъ не менѣе онъ не сохранилъ о нихъ воспоминанія, не воспѣваетъ ни одного ихъ подвига, не хвалится ни одной одержанной побѣдой, ни

одной выигранной битвой; онъ только ограничивается оплакиваніемъ павшихъ въ битвахъ.

Такова устная народная словесность литовцевъ. О письменной придется сказать очень мало.

Начало литовской письменности было положено переводомъ на литовскій языкъ книгъ Священнаго Писанія. Но это произошло значительно позже водворенія на Литвѣ христіанства. Христіанство вводилось здѣсь не мирною проповѣдью, а военною силою. Проповѣдниками его были католики, которые мало заботились о духовно нравственномъ развитіи новообращаемыхъ. Богослуженіе отправлялось на латинскомъ языкѣ, совершенно недоступномъ пониманію народа. Съ появленіемъ въ Германіи реформаціи, на Литву стало проникать новое ученіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ начали появляться и переводы священныхъ и религіозныхъ книгъ на Литовскій языкъ. Въ 1547 г. Монсвидіусъ перевелъ на литовскій языкъ катехизисъ Лютера, потомъ появилась библія (1590 г.) и толкованія на Св. писаніе. Эти религіозные протестантскіе труды были первыми явленіями Литовской литературы. Но католики не захотѣли уступать лютеранамъ, и вотъ іезуиты принялись сами переводить и издавать для литовцевъ католическія священныя книги. Ихъ усиліями протестантская проповѣдь остановилась. Но лишь только борьба

прекратилась, опять литовскій языкъ сталъ обращаться въ забвеніе. Литературное значеніе онъ сталъ возвращать себѣ гораздо позже—въ прошломъ столѣтіи, благодаря появленію писателей, которые начали брать темами своихъ произведеній явленія народной жизни. Самымъ выдающимся изъ этихъ писателей былъ пасторъ изъ крестьянъ Даналисъ или Даналитіусъ, умершій въ 1790 году. Онъ написалъ нѣсколько басенъ и очерковъ изъ мѣстной жизни. Съ наступленіемъ текущаго столѣтія пробудился интересъ къ собственно народной словесности. Въ 1825 г. появился сборникъ литовскихъ народныхъ пѣсенъ, потомъ послѣдовали новыя изданія въ такомъ же родѣ.

---

5. Литовцы.

II.

Относительно—благопріятныя почвенныя и климатическія условія края для сельско хозяйственной дѣятельности населенія.—Батрачество въ литовскомъ хозяйствѣ.—Главныя отрасли занятій мѣстнаго населенія.

Очертивъ въ предыдущей главѣ наружность литовцевъ, ихъ языкъ, характеръ, нравы и обычаи, мы остановимся теперь на ихъ хозяйственномъ быту, ихъ сельскихъ занятіяхъ и промыслахъ.

Человѣкъ, какъ извѣстно, во многомъ зависитъ отъ внѣшней природы, среди которой онъ живетъ. И эта зависимость, надо сказать, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ человѣкъ малоразвитѣе и чѣмъ ближе стоитъ онъ къ природѣ. Образованные люди, живущіе въ городахъ, чувствуютъ такую зависимость несравненно меньше. Существуя большею частію занятіями, не имѣющими ничего общаго съ обработкою земли и не зависящими почти вовсе отъ климатическихъ вліяній (состоянія погоды), они проводятъ одинаково жизнь и на сѣверѣ и на югѣ, и на востокѣ и на западѣ. Образъ жизни образованнаго человѣка, не занимающагося сельскимъ хозяйствомъ, въ Архангельскѣ весьма мало отличается отъ того, какой ведетъ его собратъ въ Одессѣ. Если между тѣмъ и другимъ есть разница, то въ томъ, что первый дольше носитъ на своихъ плечахъ теплое одѣяніе. Но для ихъ существованія довольно безразлично—какова почва въ томъ мѣстѣ, гдѣ они живутъ, сухъ или влаженъ климатъ. Имъ, можетъ быть, и очень непріятно, когда льютъ дожди или стоитъ несносная жара, но, во всякомъ случаѣ, ни то, ни другое не составляетъ для нихъ, какъ говорится, «вопроса существованія». Совсѣмъ въ иномъ положеніи находится простой сельскій людъ. Хорошая или безплодная почва, дождливая или сухая погода—для него вещи первостепенной важности, потому что отъ

качествъ почвы и климата зависитъ урожай, а отъ урожая и жизнь его самого и семьи. Важны также для него и размѣры земельныхъ участковъ, такъ какъ большой участокъ можетъ дать ему и больше хлѣба.

Въ отношеніи природныхъ и климатическихъ условій Литовскій край состоитъ почти въ положеніи юга Россіи, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ занимаетъ даже и болѣе выгодное положеніе. Періодъ сельскохозяйственныхъ работъ здѣсь не многимъ короче, а рѣки удобны для сообщенія цѣлыхъ 9 мѣсяцевъ, что значительно облегчаетъ перевозку товаровъ. Правда, здѣсь нѣтъ такой тучной черноземной почвы, какъ на югѣ, но за то Литва не знаетъ и южнорусскихъ засухъ и другихъ напастей, вродѣ жучка кузьки, саранчи, овражковъ и т. п. «бичей земледѣлія». При такихъ условіяхъ литовцамъ должно житься хорошо. И дѣйствительно, значительная часть крестьянскаго населенія Литвы живетъ очень исправно. Въ крестьянскихъ деревняхъ Ковенской губерніи избы незатѣйливы, но содержатся въ порядкѣ; есть всѣ необходимыя хозяйственныя постройки. Избы ставятся къ улицѣ задомъ, такъ что крыльцо избы выходитъ во дворъ; во дворѣ противъ избы находится небольшой амбаръ съ навѣсомъ, подъ которымъ лежатъ сохи, бороны и другія хозяйственныя орудія. Гумна ставятся обыкновенно по другой сторонѣ дороги, по-

дальше отъ жилыхъ помѣщеній. Всѣ свои постройки литовцы кроютъ большею частію соломой, мѣстами тесомъ, а по сосѣдству съ Пруссіей и Курляндіей даже черепицей. Окна въ избахъ небольшія, въ 6—4 маленькихъ стеколъ; на окнахъ, выходящихъ на улицу, висятъ выкрашенные зеленой или синей краской ставни, которые служатъ единственнымъ наружнымъ украшеніемъ избы. Въ Литвѣ еще довольно часто встрѣчаются и курныя избы, особенно у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и у огородниковъ; но на западѣ, чѣмъ ближе къ границѣ, тѣмъ курныхъ избъ становится меньше, а въ жилищахъ иныхъ крестьянъ найдутся и англійскія печи съ плитами. Дворы разселены просторно; въ промежуткахъ устроены плодовые сады и огороды; передъ каждымъ домомъ палисадникъ съ неизбѣжною рутой, георгинами, гвоздикой и т. д., у рѣдкаго дома нѣтъ вѣковыхъ деревьевъ—дубовъ, тополей, липъ, кленовъ. Благодаря этому, такіе сплошные и опустошительные пожары, какіе зачастую уничтожаютъ сотни дворовъ въ русскихъ селеніяхъ, на Литвѣ неизвѣстны. Словомъ сказать, на первый взглядъ житье литовца—верхъ благополучія. Однако, не все то хорошо, что кажется такимъ на первый взглядъ. Дѣло въ томъ, что благоденствіемъ пользуется лишь нѣкоторая доля населенія.

Въ противоположность губерніямъ центральной Россіи, въ которыхъ болѣе половины

всѣхъ земель принадлежитъ крестьянамъ, на Литвѣ въ крестьянскомъ владѣніи находится 43% всей земли, т. е. менѣе половины. Среди литовскихъ крестьянъ находится весьма много безземельныхъ, число которыхъ замѣтно увеличивается и уже достигло одной четверти всѣхъ крестьянъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и половины. Главными причинами крестьянскаго безземелья въ Литвѣ являются подворное землевладѣніе и страсть къ семейнымъ раздѣламъ. Общинное владѣніе и пользованіе землею литовцамъ совершенно неизвѣстны. Литовецъ любитъ, чтобы у него была своя полная, единоличная собственность, которой бы онъ могъ распоряжаться безъ всякаго надзора и отчета, смотритъ на землю, какъ на движимое имущество, и не можетъ привыкнуть къ закону, запрещающему продавать и дѣлить крестьянскій земельный надѣлъ до выкупа. Не смотря на то, что законъ воспрещаетъ семейные раздѣлы, крестьяне ухитряются обходить этотъ законъ. Хозяйства отъ этихъ раздѣловъ мельчаютъ до такой степени, что крестьяне уже не могутъ держаться на своихъ крохотныхъ участкахъ, продаютъ ихъ и становятся безземельными батраками, а земля скопляется въ рукахъ хозяевъ богатыхъ и малосемейныхъ. Благодаря семейнымъ раздѣламъ, судебныя тяжбы, разстройство семей, зависть и непримиримая вражда между родными составляютъ явленіе обыкновенное.

Въ сельскомъ населеніи Литвы главнымъ образомъ выдѣляются двѣ группы, рѣзко различающіяся: дворохозяева или *„господарисы“* и *„батраки“*, къ которымъ относятся не только безсемейные бобыли—рабочіе, переходящіе съ мѣста на мѣсто, но и младшіе братья, племянники и даже дядья господарисовъ, живущіе съ ними вмѣстѣ. Часто господарисъ является деревенскимъ кулакомъ, который скупилъ землю у своихъ сосѣдей и превратилъ ихъ въ батраковъ. Отъ русскаго кулака литовскій отличается тѣмъ, что не пускается въ торговыя и денежныя предпріятія, а ведетъ дѣло только съ землею. Вполнѣ обезпеченные господарисы держатъ себя настоящими панами: въ полѣ работаютъ мало, на дальніе заработки не ходятъ, а распоряжаются въ свою безраздѣльную пользу чужимъ трудомъ. Батракъ холостой не имѣетъ своего родного угла и перекочевываетъ отъ помѣщика къ господарису, получая за свою работу самое малое вознагражденіе, а иногда (по зимамъ напримѣръ), работая только изъ за хлѣба. Холостые нанимаются обыкновенно въ качествѣ парубковъ и полупарубковъ. Парубокъ—взрослый рабочій, получающій 35—85 р. въ годъ на всемъ хозяйскомъ; полупарубокъ или помощникъ, лѣтъ 15—20, получаетъ вполовину меньше. Батракъ женатый мѣняетъ это положеніе на иное, но не лучшее: онъ дѣлается кутникомъ. Кутникъ—это

человѣкъ, сѣвшій на кутъ у помѣщика или господариса, отъ котораго онъ получаетъ «ординарію», т. е. избу и плату натурой; иногда кутникъ самъ на чужой землѣ ставитъ себѣ избу. Въ этой избѣ, передѣланной изъ какого нибудь хлѣва, кутникъ и его семья иногда свѣта Божьяго не видятъ и теряютъ преждевременно силы и здоровье. Кромѣ избы кутникъ получаетъ отъ помѣщика 20—30 р. денегъ, опредѣленное количество зерна, соли, хвороста на топливо, сѣна и можетъ пасти на хозяйскомъ пастбищѣ корову, овцу и свинью. За то работникъ съ бабой долженъ отработать на своихъ харчахъ, собственными орудіями не меньше 35 мужскихъ дней и столько-же женскихъ. Если кутникъ получаетъ еще кусокъ земли подъ посѣвъ картофеля или льна, держитъ 3 коровы и 3 овцы, то и число рабочихъ дней соразмѣрно съ этимъ увеличивается. За каждый пропущенный день работникъ платитъ штрафъ отъ 20 до 30 копѣекъ. Описанный способъ найма представляетъ для хозяевъ большія выгоды, такъ какъ платить натурой легче, чѣмъ деньгами, да и привязываетъ батрака къ хозяину множествомъ мелкихъ обязательствъ. Такимъ образомъ за хатку съ клочкомъ земли, а то и вовсе безъ земли, кутникъ расплачивается барщинной работой, на которую, особенно у господарисовъ, часто обязанъ являться *во всякое время*, когда только

понадобится или вздумается хозяину. Въ безотрадномъ положеніи находятся и самые близкіе родственники дворохозяевъ, живущіе съ ними въ одной семьѣ. Они тѣ-же батраки. Ихъ доля—постоянный трудъ на господариса только за кусокъ хлѣба, за кое-какую одежду и обувь. Родственный домъ — не ихъ домъ; земля, которою владѣлъ ихъ отецъ, не имъ принадлежитъ, въ родной семьѣ имъ чрезвычайно тѣсно жить. Произволъ господариса всегда можетъ изгнать ихъ изъ дому, и тогда они становятся или совсѣмъ бездомными батраками, или же кутниками.

Но и положеніе литовскихъ крестьянъ, имѣющихъ землю и ведущихъ самостоятельное хозяйство при батрацкомъ трудѣ, далеко не одинаково въ разныхъ мѣстахъ края, такъ какъ размѣры землевладѣнія, т. е. величина принадлежащихъ имъ участковъ, крайне разнообразна. Болѣе крупные участки существуютъ въ Ковенской губерніи, въ Виленской они уже меньше. Въ первой изъ этихъ губерній, особенно въ лучшихъ по почвѣ уѣздахъ (Поневѣжскомъ, Шавельскомъ, Россіенскомъ и частью въ Ковенскомъ), земельные участки доходятъ до 30, 40, 61 и даже 90 десятинъ. Между тѣмъ въ Виленской почти вездѣ участки заключаютъ отъ 14 до 17 десятинъ. Любопытно, что участки больше не тамъ, гдѣ почва хуже, а совершенно наоборотъ—они крупнѣе въ тѣхъ именно мѣстахъ,

гдѣ земля по своимъ качествамъ выше. Разумѣется, что крестьяне, которые владѣютъ меньшими и худшими участками, должны жить гораздо хуже владѣющихъ болѣе крупными и лучшими.

Кромѣ земель, состоящихъ въ собственности крестьянъ, батрацкое хозяйство примѣняется и къ землямъ помѣщичьимъ. Послѣднія, если помѣщики не желаютъ вести хозяйство сами отъ себя, сдаются въ аренду обыкновенно тѣмъ же крестьянамъ, располагающимъ средствами. Самые арендные участки различаются своими размѣрами — крупные (фольварки) и мелкіе. Какъ тѣ, такъ и другіе сдаются на время отъ 6 до 12 лѣтъ. Арендная плата очень не велика, составляя всего 7—8 руб. за десятину. Но арендаторы должны вести дѣло такъ, чтобы участокъ не разстроивался, почва не истощалась.

Въ Литвѣ нѣтъ такихъ громадныхъ селеній, какъ у насъ въ Черноземной полосѣ, въ которой сотнями разбросаны села съ населеніемъ тысячи по 3—4 (есть не мало съ 6 тыс. и болѣе). Это составляетъ своего рода выгоду въ хозяйственномъ отношеніи, и притомъ выгоду большую. Суть въ томъ, что когда селеніе очень обширно, крестьянамъ приходится ѣздить для земледѣльческихъ работъ очень далеко. Иной разъ село тянется въ длину версты на 2 на 3 и больше, а пашня лежитъ верстахъ въ

5-ти отъ дома. Вотъ и изволь путешествовать!.. Чтобы сдѣлать два оборота, надо проѣхать 20 верстъ. Въ Литвѣ-же, по отсутствію обширныхъ селеній, не было и нѣтъ надобности въ такихъ обременительныхъ разъѣздахъ. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Литвы, напримѣръ, въ Россіенскомъ уѣздѣ, у крестьянъ-хозяевъ теперь замѣтно сильное стремленіе къ образованію отдѣльныхъ хуторовъ. Каждый годъ одна — двѣ деревни дѣлятъ всю, принадлежащую имъ землю на равныя части, соотвѣтственно числу хозяевъ, и потомъ по аукціону распредѣляютъ участки между собою; тотъ, кто получилъ лучшій участокъ, доплачиваетъ деньгами получившему худшій, причемъ доплаты достигаютъ иной разъ 1500—2000 р. Вслѣдствіе этихъ раздѣловъ большія деревни уничтожаются и возникаютъ отдѣльные хутора.

Литовскій крестьянинъ почти исключительно земледѣлецъ. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ болѣе сходства съ бѣлоруссомъ, чѣмъ съ великоруссомъ, который въ своихъ промыслахъ, особенно кустарныхъ, проявляетъ самыя разностороннія способности. Пахотныя земли въ литовскихъ губерніяхъ распредѣлены довольно равномѣрно и составляютъ около 40% всей ихъ площади. Господствующими полевыми растеніями являются тѣ же, что и въ великорусскихъ губерніяхъ: рожь, овесъ, ячмень или же картофель, производство кото-

раго всюду очень значительно. Послѣднее растеніе очень важно, какъ «продовольственная статья», въ особенности, для такъ называемыхъ, бобылей. Посѣвы картофеля преобладаютъ въ Гродненской губерніи. Въ Виленской и Гродненской губерніяхъ разводится также гречиха, занимающая въ первой 5,7%, а во второй 6,8% ежегодно засѣваемой земли. Посѣвы пшеницы озимой и яровой незначительны (1,8%—4%), и это растеніе не играетъ важной роли въ хозяйствѣ литовскаго крестьянина.

Хозяйство у литовцевъ практикуется то же, что и у большинства русскихъ крестьянъ, т. е. трехпольное. Они считаютъ его самымъ выгоднымъ для себя и большинство увѣрены, что плодосмѣнное хозяйство только дорогая забава. Но невыгоды трехполья съ каждымъ годомъ даютъ себя чувствовать все сильнѣе и сильнѣе. Земля, истощаемая посѣвами, въ особенности льна, требуетъ больше удобренія, распашки увеличиваются на счетъ пастбищъ, а число скота и вмѣстѣ съ тѣмъ навоза становится меньше и вслѣдствіе этого урожаи хуже. Поэтому крестьяне переходятъ къ болѣе усовершенствованнымъ способамъ воздѣлыванія земли. Такъ, напримѣръ, они теперь стали удобрять землю суперфосфатомъ и костяною мукою, которые привозятся изъ заграницы въ большомъ количествѣ и продаются въ каждомъ мѣстечкѣ. Ближе къ западной границѣ

у нѣкоторыхъ крестьянъ ведется уже многопольная плодосмѣнная система хозяйства.

Пашутъ литовцы сохою, широкіе и острые сошники которой наклонены другъ къ другу и образуютъ родъ жолоба. Гдѣ земля плотнѣе, тамъ плаха дѣлается шире, съ однимъ сошникомъ; тамъ же послѣ боронованія прокатываютъ поле зубчатыми валами, чтобы размягчить землю. Бороны бываютъ съ деревянными зубьями, а ближе къ границѣ—съ желѣзными. Подъ озимый посѣвъ поле пашутъ три раза: весной, въ концѣ іюня и въ августѣ, а подъ яровое—два раза. Навозу кладутъ около 120 возовъ на десятину.

Урожаи въ краю бываютъ далеко не вездѣ одинаковые. Въ наиболѣе счастливыхъ въ этомъ отношеніи условіяхъ находятся обитатели Ковенской губерніи, гдѣ почва лучше [1]). Хлѣба вообще получается не только достаточно для удовлетворенія потребностей мѣстнаго населенія, но и для вывоза за границу, преимущественно въ сосѣднюю Пруссію. Но такъ какъ ни одна страна не обезпечена вполнѣ отъ неурожаевъ, то таковые случались и случаются и въ Литвѣ. Всѣмъ мѣстнымъ старожиламъ памятны голодовки 1844—1846 и 1850—1851 годовъ, когда голодающимъ людомъ были уничтожены не только хлѣбные

[1]) Въ Ковенской губерніи съ десятины, собирается 5 четвертей ржи, въ Виленской 3½ четверти, въ Гродненской около 4-хъ.

запасы, но и израсходованы всѣ денежныя средства, назначаемые на продовольствіе («продовольственные капиталы»).

Кромѣ хлѣбопашества, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Литвы не малое значеніе въ хозяйствѣ представляетъ воздѣлываніе льна. Такъ, льноводствомъ отличаются Вилькомірскій, Поневѣжскій. Тельшевскій и Ново-Александровскій уѣзды Ковенской губерніи. Особенной извѣстностью пользуется ленъ изъ имѣнія Ракишекъ, Ново-Александровскаго уѣзда; въ торговлѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ «короны» [1]). Ленъ идетъ въ большомъ количествѣ за предѣлы Литвы и даже за границу. Слабѣе всего льноводство распространено въ Гродненской губерніи, но за то тамъ разводятъ табакъ и коноплю. Но конопля, если и разводится, то для удовлетворенія лишь собственныхъ потребностей мѣстнаго населенія. Изъ другихъ отраслей сельскаго хозяйства литовцевъ надо упомянуть огородничество, распространенное повсемѣстно, въ особенности же около мѣстечка Кейданы; но и оно не носитъ промышленнаго характера, т. е. овощи разводятся не для сбыта, а на собственную потребу.

Скотоводство въ литовскихъ губерніяхъ

[1]) Въ Ковенской губерніи на каждыя 100 кв. верстъ общей площади подъ посѣвомъ льна въ 1886 г. находилось 143 десятины, въ Виленской — 54 десятины, въ Гродненской — 24 десятины.

тѣсно связано съ земледѣліемъ и не имѣетъ значенія самостоятельнаго промысла. Можно даже сказать, что оно находится въ упадкѣ, такъ какъ хорошая порода литовскаго скота измельчала и потеряла свои лучшія качества. Скотъ разводится главнымъ образомъ ради удобренія; молочное хозяйство вообще развито слабо и имѣетъ значеніе только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Кое-гдѣ распространено коневодство. Свиньями литовскія губерніи богаче центральныхъ губерній Россіи; свиньи здѣсь составляютъ отъ 20%—26% всего количества скота [1]); всего болѣе ихъ разводится въ губерніи Ковенской. Пчеловодство изстари составляло любимое занятіе литовцевъ. Въ старину литовскимъ медомъ снабжались Германія, Британія и отдаленнѣйшія страны. Въ краю существовали особыя братства пчеловодовъ (бортниковъ), имѣвшихъ особое административное устройство. Было даже бортное право. Теперь, конечно, пчеловодство не имѣетъ такого значенія, какъ въ старину, но крестьяне сохранили любовь къ этому занятію, и каждый литовскій крестьянинъ мечтаетъ о томъ, чтобы имѣть побольше ульевъ въ саду. У нихъ существуетъ даже повѣрье, что кому въ пчелахъ удача, у того все хозяйство пойдетъ хорошо, и что у дурныхъ людей пчелы ни-

---

[1]) Въ литовской области на 100 жителей приходится 18 головъ лошадей, 34 крупнаго рогатаго скота, 32 головы овецъ.

когда водиться не будутъ. Пчелъ продаютъ крестьяне неохотно, думая, что если продавать, то черезъ это пчелы выведутся. Кто хочетъ завести пчелъ, ставитъ пустую колоду на деревѣ или при дорогѣ, ставитъ непремѣнно на чье-нибудь счастье. Когда рой поселится, то его хозяевами будетъ тотъ, кто колоду поставилъ, и тотъ, на чье счастье она поставлена. При этомъ хозяинъ улья надѣляетъ подарками тѣхъ, кто помогалъ снимать улей съ дерева или загонять рой. Благодаря обилію липовыхъ лѣсовъ въ Литвѣ, здѣшнія пчелы даютъ отличный, душистый медъ.

Обиліе озеръ и рѣкъ въ Литвѣ породило свои отрасли занятій. Литовцы много занимаются рыболовствомъ, а многіе бѣдняки только и живутъ этимъ промысломъ; они арендуютъ сами озера и берега рѣкъ или нанимаются въ работники къ крупнымъ арендаторамъ, преимущественно къ евреямъ. Рыбаки никогда не соединяются въ артели, каждый промышляетъ въ одиночку. Большія озера арендуются обыкновенно евреемъ-купцомъ, который нанимаетъ отъ себя рабочихъ, даетъ имъ лодку и неводъ, беретъ себѣ весь уловъ, а съ рабочими расплачивается мелкой рыбой и водкой, рѣдко деньгами. Иногда такой арендаторъ сдаетъ берегъ по частямъ отдѣльнымъ рыбакамъ. Даже тѣ крестьяне, которые не занимаются рыболовствомъ, какъ постоян-

нымъ промысломъ, любятъ въ свободное время половить рыбу и всегда имѣютъ у себя нѣсколько удочекъ и какой-нибудь неводъ. На рѣкѣ Виліи рыбаки для приманки употребляютъ «яцицу»—особый видъ мотыльковъ. Мотыльки эти бросаютъ въ воду яйца, которыя лежатъ на днѣ въ рѣчномъ пескѣ; потомъ изъ нихъ выходятъ червячки, которые въ іюлѣ превращаются въ мотыльковъ, всплываютъ на поверхность воды и улетаютъ. Въ это время рыбаки ночью на лодкахъ, на которыхъ разложены костры, выѣзжаютъ на средину рѣки. Яцица тучами бросается къ огню, погибаетъ и густымъ слоемъ осыпаетъ дно лодки и рыбака, который только и дѣло что собираетъ мотыльковъ въ мѣшокъ. Мотыльковъ этихъ потомъ сушатъ и, смѣшавъ съ глиной, дѣлаютъ шарики, которые бросаютъ въ томъ мѣстѣ рѣки, куда хотятъ привлечь рыбу. Въ Ново-Александровскомъ уѣздѣ, гдѣ озеръ всего больше, мѣстные жители, кромѣ рыболовства, промышляютъ гусеводствомъ.

Въ былыя времена, когда Литва была богата громадными непроходимыми лѣсами, въ ней процвѣтали различные лѣсные промыслы и звѣроловство. Въ настоящее время промыслы эти должны были придти въ сильный упадокъ, по причинѣ безпощаднаго лѣсоистребленія. Лѣса въ Ковенской губерніи занимаютъ 22,3% всей площади, но изъ этого лѣсного пространства крестьянамъ принадлежитъ около

$^{1}/_{25}$ части, а остальное находится во владѣніи помѣщиковъ и казны.

Обработывающіе промыслы среди литовскихъ крестьянъ едва подаютъ признаки существованія. Фабричная промышленность, которая могла бы прокормить безземельный людъ, слаба. Она развита только въ западной части Гродненской губерніи, въ уѣздахъ Вѣлостокскомъ, Бѣльскомъ и особенно въ городѣ Бѣлостокѣ. Здѣсь находится около 200 фабрикъ, принадлежащихъ нѣмцамъ и евреямъ; болѣе полутораста фабрикъ производятъ сукно высокаго достоинства. Кромѣ суконныхъ, есть также фабрики шерстоткацкія и шелкоткацкія. Въ другихъ мѣстахъ есть заводы винокуренные, пивоваренные и медоваренные. На фабрикахъ работаютъ главнымъ образомъ мѣщане и евреи, сельскій людъ идетъ туда мало. Точно также мало литовцы занимаются отхожими промыслами. Въ 1884 году изъ Ковенской губерніи на заработки ушло всего 46.000 человѣкъ, тогда какъ изъ Владимірской въ то же время отправилось въ отхожіе промыслы 219.000, изъ Костромской болѣе 170.000, Тверской до 230.000 и т. д. Но за то много безземельнаго народу въ литовскихъ губерніяхъ окончательно покидаютъ свою родину. Въ одной Ковенской губерніи въ 1890 году выдано волостными правленіями 6 тысячъ паспортовъ. Одни крестьяне, повѣривъ розсказнямъ заграничныхъ агентовъ, отправ-

ляются въ Америку, гдѣ ихъ ожидаетъ тяжелый трудъ въ рудникахъ или угольныхъ копяхъ. Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ насчитываютъ болѣе 60 тысячъ литовскихъ выходцевъ. Болѣе благоразумные уѣзжаютъ въ Псковскую, Витебскую и особенно въ Могилевскую губерніи, гдѣ земля хоть плоха, но дешева, покупаютъ здѣсь участки земли и принимаются за хозяйство на новомъ мѣстѣ.

---

6. Литовскія пѣсни.

Вотъ одна литовская пѣсня, которую часто поютъ женщины за работой:

Ужъ весна настала, солнце ярко свѣтитъ,
Радуются люди, что бѣлый снѣгъ разстаялъ,
Луга позеленѣли, май покрылъ луга,
Сѣрыя овечки травку щиплютъ свѣжую.

* * *

Пришелъ второй мѣсяцъ—солнышко яснѣе,
Солнышко яснѣе и воздухъ ужъ теплѣе.
Птички всѣ вернулись въ наши лѣса
И запѣли пѣсни для людей веселыя.

* * *

Жаворонокъ къ небу съ пѣсню взлетаетъ;
Ласточка крыльями землю ужъ ласкаетъ;

Соловей въ кустахъ поетъ, а кукушки голосъ
Будитъ спящій людъ и къ труду зоветъ.

* *
*

Хозяинъ и работникъ землю пашутъ бодро,
Боронуютъ, сѣютъ ленъ, горохъ, пшеницу.
Дѣвушки соткали тонкія полотна,
На лугу зеленомъ бѣлить ихъ разостлали.

* *
*

Пришелъ четвертый мѣсяцъ—цвѣтъ покрылъ
сады;
Въ лѣсу краснѣютъ ягоды; пестрые луга
Зацвѣли и лиліи на дѣвушки грядахъ.
Изъ нихъ она вѣнокъ къ празднику готовитъ,

* *
*

Съ рутою душистой въ волосы вплетаетъ.
Пришелъ и пятый мѣсяцъ—жатва веселитъ,
Раздаются пѣсни, смѣхъ звучитъ подъ крышей,
Веселые хозяева другъ друга поздравляютъ.

* *
*

Всѣ рады урожаю, что гумна ихъ наполнилъ.
Пришелъ шестой мѣсяцъ—счастливая деревня
Отъ труда отдыхаетъ, кушая хлѣбъ бѣлый;
Грустить хозяинъ только и его сынъ юный:

* *
*

Позовутъ ихъ въ Шавли скоро не на радость,
Всѣ молодцы съ деревни на этотъ пиръ по-
ѣдутъ,

Отцы поѣдутъ тоже со взрослыми сынами,—
Пойдутъ въ солдаты парни, пойдутъ всѣ молодые.

* *
*

Пришелъ седьмой мѣсяцъ—старая мать плачетъ,
И отецъ прослезился съ молодцомъ прощаясь;
Плачутъ братья сестры и дѣвица молодая,
Деревня пріуныла, горюютъ всѣ родные.

* *
*

«Не плачь, милая дѣвица, бѣлая ты лилія,
Не хочу, чтобы потускнѣли очи твои ясныя.
Не плачьте, братья, сестры, мать, отецъ-старикъ;
Писать я буду къ вамъ, подарки всѣмъ пришлю.

* *
*

Тебѣ, милая дѣвица, рутовый вѣнокъ,
Свитокъ красныхъ лентъ, шелковый платокъ,
Перстень золотой и слова сердечныя,
Всѣмъ роднымъ моимъ низкіе поклоны» [1]).

Нѣкоторые мотивы литовскихъ пѣсенъ поразительно напоминаютъ мотивы русскихъ. Мы приведемъ здѣсь одну изъ такихъ пѣсенъ въ подлинникѣ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ дать понятіе и объ языкѣ литовцевъ:

---

[1]) Г. Р. „Разсказы о Литвѣ и литовцахъ“. М. 1896 г.

О пер Дунайели
О пер вандепели,
Атпллауніа лайвями.
Там лаивя бивнялис
Аксиліо шукялем
Гальявяля шукаво
Гелтонус плаукелйус
Дунайели лейидо
Мергужем мано,
Балта лелийеля!
Иш уаво ширдялес
Угняля сукуре.
Иш тово ширдялес
Угняля сукуре,
Лигаус леменеліо
Стрѣлбяля шидраже...

По русски это будетъ такъ:

Вотъ по Дунаю,
Вотъ по водицѣ
Приплываетъ челночекъ.
Въ этомъ челнѣ молодецъ
Золотымъ гребнемъ
Голубушку чесалъ,
Русые волосы
На Дунай опускалъ.
Дѣвушка, моя
Бѣлая лилеюшка!
Изъ твоего сердечка
Огонекъ зажгли.

Изъ твоего сердечка
Огонекъ зажгли,
Изъ ровнаго стана
Лукъ выстрогали...[1])

---

7. Бѣловѣжская пуща и зубры.

Въ литовскомъ полѣсьѣ есть двѣ пущи, которымъ подобныхъ нѣтъ въ цѣлой Европѣ и которыя могутъ быть сравниваемы развѣ съ непроходимыми лѣсами на сѣверѣ Россіи. Мы говоримъ о Бѣловѣжской и Гродненской пущахъ. Изъ нихъ особенно первая замѣчательна. Бѣловѣжская пуща имѣетъ свою исторію, свои завѣтныя преданія, могилы праотцевъ. Ея лѣса по справедливости еще могутъ назваться дѣвственными; ея трущобы, ея непроглядная глушь напоминаютъ времена первобытныя. Она—дорогой памятникъ давно минувшаго и переноситъ мыслью въ тѣ времена, когда большая часть площади, занимаемой Литвою, была покрыта такими же непроходимыми, темными лѣсами.

Бѣловѣжская пуща занимаетъ значительную часть Пружанскаго уѣзда Гродненской губерніи, врѣзываясь оконечностями въ со-

---

[1]) „Изъ Живописнаго альбома“.

сѣдніе уѣзды. Пространство, занимаемое пущею, составляетъ 112.000 десятинъ или 1.076 кв. верстъ; въ томъ числѣ собственно подъ лѣсомъ 83.000 десятинъ. Поверхность въ срединѣ нѣсколько возвышенная, легко склоняется во всѣ стороны и даетъ разнообразное направленіе рѣкамъ и рѣчкамъ, черезъ нее протекающимъ. Большая часть площади пущи имѣетъ легкую черноземную почву. Изъ болотъ пущи вытекаютъ различные притоки Буги, Нарева, Припети и Нѣмана.

Въ чертѣ пущи находится 36 деревень, деревушекъ, усадебъ и 12 отдѣльныхъ сторожевыхъ домовъ. Деревни и вообще поселенія составляютъ два сельскія общества: Бѣловѣжское и Масевское, въ которыхъ считается болѣе 6.000 душъ обоего пола. Пуща раздѣлена на 10 объѣздовъ и 77 обходовъ и охраняется постоянною лѣсною стражею. Главная древесная порода пущи: сосна, ель и дубъ, но кромѣ нихъ растетъ также много другихъ деревьевъ и вообще, по разнообразію и хорошему качеству лѣсонасажденій, она не имѣетъ себѣ равной во всемъ Западномъ краѣ.

Благодаря заботливости и особенной бдительности лѣсной стражи, лѣсные пожары въ пущѣ рѣдки, но иногда они все-таки производили страшныя опустошенія. Особенно памятенъ въ исторіи пущи пожаръ, случившійся въ 1811 году и продолжавшійся съ конца

мая по 1-е октября. Усилія тысячъ людей не могли остановить распространенія пожара, и онъ былъ прекращенъ только сильнымъ ливнемъ.

Бѣловѣжская пуща можетъ гордиться сохранившимся въ ней представителемъ одной исчезнувшей породы первобытныхъ животныхъ—зубромъ. Зубръ принадлежитъ къ двукопытнымъ жвачнымъ животнымъ; по величинѣ онъ наибольшій изъ нихъ. У него выпуклый лобъ, на головѣ и шеѣ грива; рога выходятъ снизу затылочнаго гребня; у него 14 паръ реберъ вмѣсто 13, какъ у домашнихъ быковъ. Зубръ имѣетъ видъ величественный, вѣсомъ бываетъ до 37 пудовъ, ростетъ до 6-ти лѣтъ, живетъ до 40. Цвѣта онъ бураго. Рога же круглые, разлогіе, выдающіеся впередъ и оконечностями обращенные кверху, борода подъ шеей, копыта и оконечность хвоста всегда черныя. Голосъ его похожъ на хрюканье. Обыкновенно спокойный, зубръ въ раздраженномъ состояніи дикъ и свирѣпъ, особенно когда ведетъ бой съ другимъ зубромъ. Борьба эта не лишена картинности и любопытна. Большею частію это случается въ августѣ. Въ продолженіе 14 дней постоянно слышится ихъ хрюканье, они какъ будто перерождаются, бѣснуются, бѣгаютъ,—веселье въ полномъ разгарѣ. Любимая ихъ забава—подкапываться подъ молодыя деревья до тѣхъ поръ, пока ихъ не опрокинутъ съ

корнями. Коренья прицѣпляются къ рогамъ, и зубръ начинаетъ прыгать съ деревцомъ, производя шумъ и трескъ. Во время своихъ дракъ зубры часто не только калѣчатъ, но и убиваютъ другъ друга.

Законъ всегда ограждалъ жизнь зубровъ. По литовскому статуту убійство зубра считалось уголовнымъ преступленіемъ. Законъ этотъ существуетъ и нынѣ, такъ какъ зубры сохраняются для Царской охоты. Въ настоящее время за ними учрежденъ самый бдительный надзоръ. Стрѣлки и стража запасаютъ для нихъ стога сѣна на зиму. Зубры, проходя мимо и присматриваясь къ работѣ, какъ будто понимаютъ, что это для нихъ заготовляются запасы. Стоги сѣна, составляющіе частную собственность, обыкновенно огораживаются заборомъ. Случается однако, что зубры посягаютъ и на чужіе стога. Съ удивительной ловкостью они рогами разбрасываютъ заборы и въ одну ночь съѣдаютъ цѣлый стогъ. Зубръ никогда не ѣстъ сѣна съ края; онъ какъ можно глубже всовываетъ голову съ рогами внутрь стога и потомъ однимъ быстрымъ движеніемъ подбрасываетъ сѣно съ такою силою, что часть стога опрокидывается.

Стрѣлки ведутъ постоянный счетъ зубрамъ по слѣдамъ, оставленнымъ ими на первой порошѣ. Число ихъ постепенно уменьшается. Самки зубровъ рождаютъ только

разъ въ три года по одному дѣтенышу. Медвѣди и особенности волки ведутъ постоянную борьбу съ зубромъ. Принимаются мѣры для истребленія волковъ, но истребить всѣхъ нельзя, и нападенія ихъ на зубровъ безпрестанно повторяются. У волковъ своя особая тактика на одиночныхъ зубровъ. Встрѣтивъ зубра, волкъ, который попроворнѣе, скачетъ передъ нимъ и привлекаетъ на себя все вниманіе зубра, котораго между тѣмъ два другіе хватаютъ за бока, такъ что одному зубру никогда не устоять противъ трехъ волковъ. Самки съ молодыми зубрами всегда держатся въ стадѣ отъ 10 до 30 и расхаживаютъ обыкновенно вблизи рѣки или источниковъ; но старики зубры скитаются по 2, по 3, а еще чаще въ одиночку. У послѣднихъ много чудачества, своего рода чванства, сознанія собственнаго достоинства. Зубръ вообще обладаетъ необыкновеннымъ чутьемъ. Приближеніе человѣка онъ узнаетъ за сто и болѣе шаговъ; но зубръ не убѣгаетъ, преспокойно идетъ на встрѣчу, останавливается и не трогается съ мѣста до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не обойдетъ его. Въ спокойномъ состояніи зубръ не сдѣлаетъ вреда человѣку, но если онъ разсерженъ, если человѣкъ въ яркомъ платьѣ, или когда по немъ произведутъ выстрѣлъ, тогда зубръ становится опаснымъ. Случалось и такъ, что зубръ, почуявъ сѣно въ саняхъ ѣдущаго, безцеремонно

запускалъ рога въ сани и выбрасывалъ изъ нихъ сѣдока. Потомъ онъ съѣдалъ сѣно и спокойно шелъ своей дорогой. Лошади страшно боятся зубра. Онѣ становятся на дыбы, или еще чаще, съ испуга что ли, бросаются на землю. Во время рубки деревъ, когда пуща бываетъ наполнена народомъ, зубры нисколько этимъ не тревожатся, иногда даже смѣло подходятъ къ срубленному дереву и объѣдаютъ свѣжіе листья.

Лобъ зубра издаетъ особенный запахъ, нѣчто похожее на мускусъ, какъ будто смѣшанный съ фіалками. Запахъ этотъ такъ силенъ, особенно въ августѣ, что за сто шаговъ уже слышенъ. Въ Сѣверной Америкѣ и теперь водится мускусный быкъ, который ближе всѣхъ подходитъ къ бѣловѣжскому зубру; но у него не одна голова, а все тѣло пахнетъ мускусомъ.

Кромѣ зубра, въ Бѣловѣжской пущѣ водятся лоси, дикія козы, кабаны, рыжіе медвѣди, волки, барсуки, лисицы, рыси, выдры, куницы, ласки, горностаи. Изъ птицъ много орловъ, соколовъ, совъ и др. На берегахъ рѣки Нарева указываютъ на слѣды построекъ бобровъ, которыхъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія было здѣсь очень много. Недосмотръ и невоспрещеніе убивать ихъ довели до того, что теперь нѣтъ ни одного. Знатоки увѣряютъ, что условія мѣстности вполнѣ способствуютъ разведенію бобровъ,

лишь бы только законъ ограждалъ ихъ отъ истребленія [1]).

8. Ковно.

Ковно — древнѣйшее литовское поселеніе и одинъ изъ живописнѣйшихъ по своему мѣстоположенію городовъ западной Россіи. Въ долинѣ, на которой онъ построенъ, съ юга течетъ величавый Нѣманъ; съ юго-восточной стороны въ него впадаетъ Вилія.

Городъ широко раскинулся, постепенно разростаясь. Крутыя горы окаймляютъ его. Вездѣ вы встрѣтите слѣды давно минувшаго, какъ временъ доисторическихъ, такъ и послѣдующихъ, современныхъ Гедимину, Кейстуту, Ольгерду, Витовту. Коса на всемъ пространствѣ между соединеніемъ рѣкъ Виліи съ Нѣманомъ и теперь называется *Гаемъ*, хотя здѣсь давно уже нѣтъ ни одного дерева. Но преданіе говоритъ, что здѣсь именно былъ священный *Гай*, т. е. роща, въ которой во множествѣ были разведены черные вороны. Коса эта примыкаетъ къ древнему ковенскому замку, котораго развалины существуютъ доселѣ. Преданіе сохранило также названіе *Зеленой пущи*. Она давно не суще-

[1]) Киркоръ. (Извлеч. изъ „Географіи Россіи въ очеркахъ и картинахъ" Н. Малинина).

ствуетъ, но за то возвышенный берегъ вверхъ по теченію обѣихъ рѣкъ, т. е. Виліи и Нѣмана, на протяженіи двухъ верстъ называется *Зеленою горою*. Прекрасная тополевая аллея по динабургско-ковенскому шоссе, которое прорѣзываетъ открытую площадь этой горы, составляетъ нынѣ спускъ и въѣздъ въ ковенскую долину. Въ $2^1/_2$ верстахъ ниже города находится на краю берегового ущелья четырехугольный окопъ, какъ полагаютъ, имѣвшій во времена язычества религіозное значеніе. Въ верстѣ же отъ города, вблизи игриваго Марвянскаго ручья, бѣгущаго къ Нѣману, существуетъ древнее языческое кострище, въ которомъ найдены недогорѣвшія человѣческія кости и много зубовъ. Такихъ кострищъ и могильныхъ кургановъ очень много въ ближайшихъ окрестностяхъ города Ковно.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ города и въ Ковенскомъ уѣздѣ насчитываютъ нѣсколько мѣстностей, гдѣ, по преданію, были языческія капища. Въ одной изъ нихъ (въ Окайнѣ) нашелъ послѣднее убѣжище языческій литовскій первосвященникъ, или Криве-Кривейто, Гинтовтъ, бѣжавшій сюда послѣ низверженія идола Перкунаса въ Вильнѣ. Главнѣйшій языческій храмъ въ окрестностяхъ Ковно былъ въ 10 верстахъ, въ м. Сипежишкахъ.

Исторія города Ковно начинается съ XIV столѣтія. Уже въ 1317 г. существовалъ укрѣп-

ленный замокъ, на который напали рыцари. Нападенія крестоносцевъ и борьба съ ними продолжались до самаго конца XIV столѣтія. Въ 1383 г. крестоносцы прокопали каналъ отъ Виліи до Нѣмана и на образовавшемся островѣ построили свое укрѣпленіе, но въ слѣдующемъ году оно было отнято литовцами. Въ 1401 г. Витовтъ, убѣдившись, что крѣпость при устьи Виліи приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, приказалъ ее уничтожить. Съ этого времени прекратились набѣги крестоносцевъ. Витовтъ далъ особыя привиллегіи городу, содѣйствовавшія увеличенію его благосостоянія. Всѣ государи изъ рода Гедимина любили Ковно и нерѣдко здѣсь проживали. Успокоясь отъ набѣговъ рыцарей, Ковно во времена Витовта заняло весьма важное мѣсто въ торговомъ отношеніи, хотя уже при Вейстутѣ здѣсь устроилась главная мѣна иноземныхъ товаровъ на сырыя литовскія произведенія. Постепенно увеличивалось благосостояніе города; для торговыхъ оборотовъ селилось здѣсь много иноземцевъ. Великолѣпныя громадныя каменныя житницы и другія склады и магазины покрывали берега Виліи и Нѣмана. Прекрасныя зданія воздвигались въ городѣ. Населеніе съ каждымъ годомъ увеличивалось, и Ковно подъ конецъ XVI вѣка было значительнымъ и богатымъ городомъ.

Царствованіе Сигизмунда III съ религіоз-

ною борьбою значительно подорвало благоденствіе города. Потомъ война 1655 года нанесла ему жестокій ударъ. Ковно было разграблено и почти совсѣмъ сожжено. Едва жители сколько нибудь оправились, какъ пожаръ истребилъ большую часть города. Съ прорытіемъ канала отъ Нѣмана до Припети Кенигсбергъ (въ Пруссіи) занялъ важное мѣсто въ торговыхъ оборотахъ, а Ковно окончательно лишилось своего преобладающаго значенія. Его богатства перешли въ руки пруссаковъ. Ковно доживало свои дни, и наконецъ, Наполеонъ I нанесъ ему окончательный ударъ.

24 іюня 1812 года русскій гарнизонъ оставилъ Ковно. Мостъ на Виліи между слободою и городомъ былъ сожженъ. Бургомистръ и другія почетныя лица отправились встрѣчать Наполеона за Нѣманъ. Наполеонъ съ многочисленнымъ войскомъ вступилъ въ городъ при громѣ орудій и колокольномъ звонѣ всѣхъ храмовъ. Между тѣмъ войска, тотчасъ по прибытіи, напали на частные дома, монастыри, кладовыя, погреба и принялись грабить. Монахини бернардинки отдавали французскимъ солдатамъ все, чего ни требовали, лишь бы только не входили внутрь монастыря. То же самое происходило и во всѣхъ другихъ монастыряхъ. Кончилось тѣмъ, что всѣ монахи и прислуга разбѣжались и попрятались, гдѣ кто успѣлъ. Монастыри и косте-

лы брошены были на произволъ судьбы. Французы поспѣшили занять ихъ, причемъ разграбили всѣ ризницы. Золотыя и серебряныя дарохранительницы, дискосы и всякую церковную утварь забирали, выбрасывая Св. Причастіе на полъ. Ризы, которыхъ не хотѣли брать, рвали въ куски. Костелы обращены были въ магазины, монастыри въ казармы. Изрубили всѣ деревья въ саду, всю мебель, двери, даже подоконники, обращая все это въ дрова.

28 ноября началось отступленіе великой арміи. Окоченѣвшіе отъ холода, голодные французы съ неистовствомъ бросались на дома и монастыри и грабили. Французскій губернаторъ въ Ковнѣ Террерь и какой то дивизіонный генералъ тайкомъ бѣжали изъ города, потому что не могли совладать съ разсвирѣпѣвшими солдатами. Магазины, лавки, аптеки, мясные ряды и множество домовъ были разграблены. Потомъ 30 ноября стали жечь городъ. Подожгли костелъ и монастырь Францисканов, гдѣ было сложено нѣсколько тысячъ ружей. Все это сгорѣло. Вскорѣ запылалъ весь городъ, а между тѣмъ грабежъ продолжался. На рынкѣ стояли возы съ аммунищіей и снарядами. Когда ихъ подожгли, вспыхнулъ и порохъ — земля застонала, сосѣдніе дома потрескались. Этотъ случай болѣе всего произвелъ опустошенія. 1-го декабря, ночью, толпа жителей Ковно наряди-

лась казаками и стала грабить французовъ и ихъ складочные магазины при монастыряхъ. Но нагрянули дѣйствительные казаки и возстановили порядокъ. Больные, полунагіе французы валялись еще по улицамъ и площадямъ, много ихъ гибло въ подвалахъ на чердакахъ. Много было такихъ, которые ползкомъ добирались до пепелища, чтобы согрѣться; въ лазаретахъ число больныхъ было такъ велико, что живые лежали на мертвыхъ въ два этажа. Съ пріѣздомъ Платова понемногу сталъ возстановляться порядокъ. 3-го декабря на площади было совершено торжественное благодарственное молебствіе, причемъ и ксендзы въ облаченіяхъ пѣли Te Deum laudamus (Тебе, Бога, хвалимъ), а евреямъ явившимся со своимъ десятисловіемъ, Платовъ велѣлъ все время молебствія стоять на колѣняхъ. Въ Ковнѣ сохранилось около 200 домовъ, годныхъ для жительства. Нищета была страшная. Въ 1842 г. съ учрежденіемъ новой губерніи, Ковно сдѣлано губернскимъ городомъ. Съ этого времени, какъ торговое его значеніе, такъ и вообще благосостояніе жителей увеличиваются постоянно. Нынѣ число жителей простирается до 61,720. Ковно съ двумя судоходными рѣками, связанное сѣтью желѣзныхъ дорогъ съ важнѣйшими торговыми пунктами, какъ въ Россіи, такъ и за границею, конечно, богато будущностью.

Въ 7 верстахъ отъ Ковно находится Пожайце. Въ лѣсу, на высокой горѣ, на крутомъ берегу Нѣмана, виднѣется величественный храмъ съ двумя башнями. Прежде здѣсь былъ католическій монастырь, построеный въ 1662—1674 г. великимъ канцлеромъ литовскимъ Христофоромъ Пацомъ. Постройка обошлась Пацу въ 8 милл. золотыхъ. Въ 1832 г. монастырь былъ упраздненъ и обращенъ въ православный, сначала 2-го класса, потомъ первоклассный Успенскій монастырь. Здѣсь имѣетъ пребываніе викарій Литовской епархіи, епископъ Ковенскій, который и состоитъ настоятелемъ монастыря [1]).

9. Гродно.

На правомъ берегу Нѣмана и по берегамъ рѣчки Городничанки, въ обрывистой мѣстности, спускающейся къ рѣкѣ и прорѣзанной оврагомъ,—лежитъ нынѣшній городъ *Гродно*, древній *Городенъ*, еще древнѣе *Городокъ* или просто *Городище*. Уже самое названіе достаточно объясняетъ древность его основанія. Что славяне издревле были поселены на берегахъ Нѣмана, не подлежитъ сомнѣнію. Въ лѣтописи подъ 1128 г. упоминается о Городнѣ, какъ резиденціи князя Всеволода Давидовича, правнука Ярослава. Но это извѣстіе не къ

[1]) *Киркоръ*. Сост. по ст. „Города и поселенія въ Литвѣ" въ „Живоп. Россіи" т. III, изд. М. О. Вольфъ.

городу Гродно относится, а къ мѣстечку *Городная* (въ 60 верст. къ югу отъ Пинска), гдѣ и находился главный городъ княжества Городенскаго [1]). Несомнѣнно, что нынѣшній губернскій городъ Гродно основанъ какими-то русскими князьями. Въ немъ и доселѣ сохраняются остатки древней православной Борисоглѣбской церкви XII вѣка. Мы не будемъ излагать любопытной исторіи Гродно и ограничимся только краткими указаніями на важнѣйшіе моменты его жизни. Съ первой четверти XIII-го столѣтія Гродно подвергается нападеніямъ нѣмецкихъ рыцарей, татаръ, литовцевъ. Въ 1259 г. Даніилъ Галицкій отнялъ Гродно у литовцевъ, но въ 1270 г. здѣсь опять княжитъ литовскій князь Тройденъ. Затѣмъ городъ ведетъ упорную борьбу съ ливонскими рыцарями, два раза его разрушившими. Въ 1398 г. Витовтъ обратилъ Гродно во вторую свою столицу и много содѣйствовалъ увеличенію благосостоянія города, который вскорѣ занялъ второе мѣсто послѣ Вильны. Въ 1444 г. Казиміръ Ягеллоновичъ даровалъ городу Магдебургское право. Стефанъ Баторій часто бывалъ въ Гроднѣ и построилъ здѣсь каменный дворецъ, отъ котораго до нашего времени сохранилась одна стѣна, обращенная къ Нѣману; здѣсь онъ и умеръ въ 1586 г. Отъ 1655—1657 г. Гродно

[1]) Батниковъ. Бѣлоруссія и Литва.

было занято русскими войсками, а послѣ нихъ четыре года имъ владѣли шведы. Въ началѣ XVIII столѣтія въ Гродно происходило свиданіе короля Августа съ Петромъ Великимъ, а конецъ этого столѣтія ознаменовался двумя сеймами 1793 и 1795 года. На первомъ («нѣмомъ») сеймѣ былъ утвержденъ второй раздѣлъ Польши, а на второмъ—послѣдній польскій король, Станиславъ-Августъ, подписалъ свое отреченіе отъ престола, а городъ Гродно перешелъ къ Россіи. Въ настоящее время въ Гроднѣ насчитывается около 50000 жителей. Гродненская пристань на Нѣманѣ довольно значительна. На ней грузятся на судахъ [1]), отправляемыхъ за границу, лѣсъ, хлѣбъ и пенька. Торговля находится въ рукахъ евреевъ.

Изъ древностей города Гродна наиболѣе замѣчательна Каложская или Каложенская Борисоглѣбская церковь, о которой мы упоминали выше. Развалины этого древнѣйшаго памятника православія въ западномъ краѣ величественно красуются на высокомъ берегу Нѣмана. Названіе мѣстности Каложею произошло по слѣдующему случаю. Литовскій князь Витовтъ, захвативъ въ плѣнъ 11000 человѣкъ Псковскаго

[1]) Суда, плавающія по рѣкамъ Гродненской г., носятъ названія: витинъ (поднимаютъ до 14000 пуд.), барокъ (5000 п.), берлинъ (4000 п.), габара (постр. изъ желѣза, подним. до 4000 п.); мелкія суда называются дубассами, лишвами, комыгами и т. д.

пригорода Коложи, привелъ ихъ въ Гродно и поселилъ ихъ въ мѣстности при церкви св. Бориса и Глѣба. Поселенцы, въ память роднаго пригорода, назвали это мѣсто Каложей.

Каложская церковь основана, по всей вѣроятности, въ XII столѣтіи, но неизвѣстно кѣмъ. Въ древности здѣсь былъ православный монастырь, исторія котораго становится извѣстною съ конца XV и начала XVI вѣка, когда монастырь этотъ, находившійся передъ тѣмъ въ упадкѣ, пріобрѣтаетъ благотворителей изъ мѣстныхъ русскихъ православныхъ дворянъ. Особенно важнымъ благотворителемъ былъ королевскій писарь и троцкій городничій, благочестивый Богушъ-Боговитиновичъ († 1513 г.). Онъ возобновилъ Борисоглѣбскую церковь и пожертвовалъ монастырю сельцо Чащевищи (нынѣ Чащевляны). Ко времени уніи монастырь оказывается въ рукахъ уніатскихъ монаховъ-базиліанъ, и базиліанскіе архимандриты не всегда достаточно заботились о монастырѣ и о церкви, а иногда и разоряли ихъ, обращая монастырскія средства на свою роскошную жизнь. Не одинъ разъ монастырь подпадалъ разореніямъ во время войнъ, какъ напримѣръ, во время шведской войны (при Петрѣ Великомъ), когда обрушился каменный со сводами потолокъ Каложской церкви. Не смотря на все это, крѣпкая своими древними толстыми стѣнами и столбами, церковь держалась и богослуженіе въ ней, временно прер-

ванное, продолжалось до 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія. Въ эту пору монастырь и церковь уже возвращены были православію.

Спустя нѣсколько лѣтъ, богослуженіе въ Каложской церкви пришлось прекратить, такъ какъ песчаная гора подъ нею обваливалась и вслѣдствіе этого стѣны церкви осѣдали и давали трещины. Въ 1853 году южная стѣна церкви до праваго клироса и половина западной съ потолкомъ рухнули въ Нѣманъ и увлекли за собою и крышу. Послѣ этого монастырь и церковь Борисоглѣбская перенесены въ зданіе бернардинскаго монастыря въ Гроднѣ. Нынѣ церковь Каложская остается въ развалинахъ, и только въ уцѣлѣвшей части ея устроена часовня на мѣстѣ алтаря.

Каложская церковь представляетъ собою замѣчательное произведеніе церковнаго зодчества. По сохранившимся ея развалинамъ можно судить, сколько положено было здѣсь заботливости, труда и стараній. Построенная въ византійскомъ стилѣ, алтаремъ на востокъ, она сложена изъ прочнаго кирпича; въ стѣнахъ ея, для лучшаго резонанса, вставлены голосники въ видѣ кувшиновъ, обращенныхъ отверстіемъ внутрь храма; голосники эти лежатъ одинъ подъ другимъ, различной величины, доходящей до 10 вершковъ и сохраняютъ доселѣ чрезвычайную прочность. Голосники эти представляютъ одинъ изъ признаковъ древности постройки: голосники есть

въ Кіево-Софійскомъ, Новгородо-Софійскомъ, Черниговскомъ, Овручскомъ соборахъ и другихъ древнихъ церквахъ. Но нигдѣ нѣтъ ихъ въ такомъ множествѣ, какъ въ Каложской церкви. Наружныя стѣны Каложскаго храма были украшены снизу разноцвѣтными большими камнями, а выше обложены крестами изъ желтыхъ и зеленыхъ изразцовъ. И голосники, и изразцовыя украшенія сохранились въ развалинахъ, хотя много ихъ было повынуто своеобразными любителями древностей.

Во время польскаго мятежа 1861—1863 годовъ священныя развалины древняго гродненскаго православнаго храма кощунственно подвергались оскверненію непристойными надписями на стѣнахъ и нечистотами; нашелся однако достойный цѣнитель остатковъ русской святыни въ лицѣ отставного суворовскаго солдатика, который, поселившись у развалинъ, присматривалъ за ними и терпѣливо каждый разъ уничтожалъ слѣды оскверненія ихъ. Этотъ правдивый фактъ занесенъ на страницы нашей литературы въ характерномъ описаніи извѣстнаго романиста В. В. Крестовскаго («Двѣ силы» ч. I, гл. IV). И въ недавнее время, по словамъ виленскаго художника В. В. Грязнова, драгоцѣнныя развалины не оставались безъ надзора: русскій человѣкъ, полуслѣпой нищій, избралъ ихъ жилищемъ для себя, и отговаривая посѣтителей развалинъ отъ намѣренія взять «на память» голос-

ники или кусокъ изразца, гостепріимно угощалъ ихъ ключевой водицей, увѣряя, что она будто бы имѣетъ цѣлебныя свойства.

Желательно однако, чтобы за драгоцѣнными остатками древняго русскаго храма былъ установленъ болѣе правильный надзоръ, чѣмъ охрана хотя почтенныхъ, но случайныхъ цѣнителей священныхъ церковныхъ развалинъ [1]).

---

10. Вильна [2]).

(Изъ прошлаго и настоящаго).

Въ былыя времена, въ XIII столѣтіи, литовскій князь Свинторогъ основалъ въ долинѣ, при впаденіи Вилейки въ Вилію, капище Перкунаса. Здѣсь поселился главный литовскій жрецъ съ жрецами и жрицами, воздвигнута была башня, съ которой онъ вѣщалъ волю боговъ, и зажженъ неугасаемый огонь въ священной рощѣ.

По имени основателя языческаго капища долина эта получила названіе долины Свинторога и сохраняла это названіе въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, почти до нашихъ дней.

---

[1]) Изъ кн. „Бѣлоруссія и Литва", изданіе П. Н. Батюшковымъ и „Живописной Россіи", т. III.

[2]) „Живописная Россія" III т.; „Окольной дорогой". В. Сидорова; „Разсказы о Литвѣ и Литовцахъ" Г. Р.; „Бѣлоруссія и Литва", изд. подъ ред. П. Батюшкова.

На этомъ то священномъ для язычниковъ мѣстѣ и выросъ городъ Вильна.

По народному преданію, занесенному и въ лѣтопись, пріѣхалъ однажды сюда на охоту литовскій князь Гедиминъ. Въ дремучихъ лѣсахъ, окружавшихъ долину Свинторога, было убито много звѣрей и самъ Гедиминъ убилъ на сосѣдней высокой горѣ огромнаго тура. Послѣ охоты и пира князь уснулъ и видѣлъ сонъ: на горѣ, гдѣ былъ убитъ туръ, стоялъ большой желѣзный волкъ и вылъ такъ пронзительно, что, казалось, внутри его выли сто волковъ. Литовскій первосвященникъ такъ разъяснилъ значеніе сна: желѣзный волкъ — сильно укрѣпленный замокъ, который долженъ быть построенъ на этой горѣ, а громкій вой волка означаетъ многолюдный городъ, который здѣсь возникнетъ и слава о которомъ прогремитъ далеко.

Гедиминъ спѣшно принялся за постройку замка, остатки стѣнъ котораго и шестиугольная каменная башня сохранилась и до нашего времени. Внизу, близъ капища Перкунаса, построенъ былъ деревянный домъ, въ которомъ поселился Гедиминъ со своимъ семействомъ. Достовѣрно извѣстно, что въ 1323 г. Гедиминъ уже жилъ въ Вильнѣ. Несомнѣнно, что самый городъ Вильно существовалъ еще прежде, чѣмъ Гедиминъ построилъ здѣсь замокъ и сдѣлалъ его своею резиденціей.

При Гедиминѣ населеніе города стало

быстро рости: кромѣ литовцевъ, здѣсь селились русскіе, нѣмцы, евреи. Уже при Гедиминѣ въ Вильнѣ были православные и католическіе храмы. При Ольгердѣ (†1377 г.) христіанство стало уже пускать въ Литвѣ мощные корни и стало вызывать опасенія и вражду со стороны язычниковъ. Первая и вторая супруги Ольгерда, Марія Витебская и Іуліанія Тверская, были православнаго вѣроисповѣданія и строили православныя церкви въ Вильнѣ. Но, не смотря на это, Ольгердъ не могъ противостоять языческимъ жрецамъ, когда тѣ вздумали отомстить христіанамъ за свою ослабѣвшую власть. Язычники замучили и повѣсили трехъ слугъ Ольгерда, *Антонія, Іоанна* (1342 г.) и *Евстафія* (1347 г.) за принятіе ими православной вѣры. Обстоятельства, заставившія Ольгерда сдѣлать уступку жрецамъ, когда его престолъ былъ окруженъ столькими христіанами, остаются невыясненными. Замученные христіане были причислены православною церковію къ лику святыхъ. Мощи св. мучениковъ были первоначально положены при церкви Св. Николая. Съ 1347 г. по 1826 г. достовѣрныхъ свѣдѣній о этихъ мощахъ не имѣется. Предполагаютъ, что изъ Никольской церкви онѣ были перенесены въ Свято-Троицкую, а въ XVII вѣкѣ—перенесены въ единственную тогда православную церковь Св. Духа. Въ 1826 г. онѣ были открыты въ

Свято-Духовскомъ монастырѣ. гдѣ и теперь покоятся.

Жертвой язычниковъ сдѣлались также 14 католическихъ монаховъ-францисканцевъ, которыхъ призвалъ въ Вильну приближенный Ольгерда, бояринъ Гастольдъ (1368 г.).

При Ольгердѣ Вильно былъ не только многолюднымъ и хорошо застроеннымъ городомъ, но и занималъ видное мѣсто по своей торговлѣ и промышленности. Сюда въ большомъ количествѣ свозили янтарь, рыбу, мѣха, медъ, воскъ, коноплю и обмѣнивали на оружіе, земледѣльческія орудія, соль, перецъ, мыло и т. п. Изъ Вильно товары распространялись по всему краю, шли также въ Ригу и другіе Ганзейскіе города. Вообще Вильна была важнымъ торговымъ центромъ. Даже купцы Новгорода-Великаго имѣли въ Вильнѣ свой гостинный дворъ. Процвѣтанію города много мѣшали Тевтонскіе рыцари, которые при Ольгердѣ два раза сожгли и опустошили значительную часть города.

Когда Ягелло сталъ католикомъ, Вильна приняла характеръ христіанскаго города, но языческіе преданія и обряды долго еще сохранялись въ литовской столицѣ. Ягелло даровалъ городу Магдебургское право (1387 г.). Междоусобныя войны, которыя велъ Ягелло, нападенія рыцарей и пожаръ довели Вильно до бѣдственнаго положенія. За то, когда Витовтъ достигъ своей цѣли, Вильна быстро поднялась

и въ царствованіе Витовта была многолюднымъ и богатымъ городомъ. XV и XVI столѣтія были временемъ торговаго и промышленнаго процвѣтанія города. Въ княженіе Александра Казиміровича городъ опоясался каменной стѣной, имѣвшей 5 верстъ протяженія и 22 аршина высоты (1506 г.); въ это время въ немъ было 8 костеловъ и гораздо большее число православныхъ храмовъ. Изъ православныхъ храмовъ, существовавшихъ въ Вильнѣ въ княженіе Александра, по нынѣ существуютъ: соборъ Пречистыя Богородицы, Свято-Духовскій и Свято-Троицкій монастыри и Никольская (перенесенія мощей) церковь.

Счастливѣйшими годами въ жизни литовской столицы были годы царствованія послѣднихъ Ягеллоновъ, Сигизмунда I и Сигизмунда II Августа. Населеніе города въ это время достигло 200.000 ч. Великолѣпіе двора и вельможъ, жившихъ въ столицѣ, торговая и промышленная дѣятельность города удивляли заѣзжихъ иностранцевъ. Герберштейнъ говоритъ о Вильнѣ того времени, какъ о значительномъ и многолюдномъ городѣ.

Сынъ шведскаго короля Густава Вазы, посѣтившій Вильну, былъ пораженъ великолѣпіемъ города и говорилъ, что такихъ городовъ онъ немного видѣлъ въ своей жизни. Его удивляла также разноплеменность населенія столицы, на улицахъ которой литовцы, русскіе, поляки, армяне, татары, греки, нѣмцы,

турки, евреи разгуливали въ своихъ націо-нальныхъ костюмахъ.

Съ царствованія Сигизмунда III начинается упадокъ города. Борьба между православными и уніатами, преслѣдованія и изгнанія православныхъ братчиковъ, взаимная религіозная ненависть, общее уныніе, голодъ, пожары, нищета, упадокъ промышленности и торговли—вотъ что было удѣломъ литовской столицы въ царствованіе Сигизмунда III.

Разъ начавшійся этотъ упадокъ города продолжался и далѣе, и Вильно уже никогда не достигало своего прежняго значенія. Въ 1625 г. русскія войска, подъ начальствомъ князя Хованскаго, овладѣли Вильною послѣ страшнаго кровопролитія и дрежались въ городѣ до 1661 г. Къ бѣдствіямъ войны присоединились голодъ и моровая язва.

Во время Великой Сѣверной Войны Вильна видѣла въ своихъ стѣнахъ шведскія и русскія войска Карла XII и Петра Великаго. Война эта принесла городу голодъ, моровую язву и пожары. Насчитываютъ до 34.000 погибшихъ жителей. Люди ѣли собакъ, кошекъ, мышей. Въ окрестностяхъ было поймано 8 человѣкъ, которые, умертвивъ своихъ женъ и дѣтей, съѣли ихъ трупы, а потомъ убивали и пожирали проѣзжихъ. Потомъ опустошительные пожары въ первую половину XVIII столѣтія неоднократно истребляли лучшія зданія въ

городѣ. Въ 1788 г. русскія войска вступили въ Вильну.

Въ 1794 г. въ Вильнѣ вспыхнуло возстаніе подъ начальствомъ Ясинскаго. Русскій отрядъ долженъ былъ покинуть Вильну, но вскорѣ городъ былъ взятъ русскими.

Въ отечественную войну 1812 г. Вильна занимала видное мѣсто. Только что Императоръ Александръ I и русская армія покинули городъ, какъ онъ былъ занятъ французами, которые сдѣлали его своимъ главнымъ стратегическимъ пунктомъ. 30-го ноября 1812 г. Кутузовъ вступилъ въ городъ и привѣтствованъ былъ населеніемъ, какъ побѣдитель. Вскорѣ прибылъ въ Вильну Императоръ Александръ I и объявилъ милостивое прощеніе тѣмъ, которые принимали участіе во временномъ правленіи, учрежденномъ французами въ городѣ.

Нынѣ Вильна—губернскій городъ Виленской губерніи, расположенный на Варшавской жел. дорогѣ въ 707 верстахъ отъ Петербурга и 504 отъ Варшавы. Городъ, окруженный съ трехъ сторонъ живописными лѣсистыми возвышеніями, скученъ въ долинѣ, при впаденіи Вилейки въ Вилію. Предмѣстья города очень красивы, тутъ множество садовъ, большой просторъ, чистота. «Городъ, когда глядишь на него съ горъ, представляется необыкновенно живописнымъ. Среди домовъ повсюду виднѣются грузныя и неуклюжія тѣла костё-

ловъ, тонкія башни и толстыя каланчи, многочисленные куполы церквей и монастырей, тамъ и сямъ высовываются между домами пирамидальные тополи и зелеными островками выдѣляются сады. Когда я взошелъ на высокую гору на берегу Виліи и сталъ около развалинъ крѣпости, гдѣ когда-то погибъ храбрый князь Мышецкій съ 70 солдатами, гдѣ теперь въ полдень стрѣляетъ большая пушка, привѣтствуя солнце въ высшей точкѣ виленскаго неба, предо мною развернулась красивая панорама: весь городъ Вильно лежитъ въ долинѣ и его сады и монастыри ползутъ въ противоположныя стороны. Внизу у моихъ ногъ была площадь съ главнымъ костеломъ и большая колокольня. Городъ, весь украшенный башнями и колокольнями, выглядѣлъ очень живописно, а Вилія съ ея селеніями по берегамъ извивалась синей лентой, глотая воды Вилейки, вливающіяся у подножія Замковой Горы, какъ называютъ въ Вильно покрытую кленомъ и дикими каштанами гору съ руинами (развалинами), башенкой и пушкой. Также прекрасенъ видъ и съ Крестовой горы, откуда язычники столкнули въ Вилейку 14 монаховъ-францисканцевъ. Но какъ живописно и красиво Вильно съ горъ, такъ оно непривѣтливо и ничтожно вблизи... Когда я покинулъ вокзалъ и въѣхалъ въ городъ, меня удивили узкія и кривыя улицы, но еще болѣе дома—маленькіе, сѣрые

или желтые, чуть не лачуги. Есть и хорошія зданія, какъ красивый домъ Тышкевича на берегу Виліи, обсаженный молодыми деревьями, какъ еще нѣсколько домовъ, но ихъ такъ мало, что они теряются среди остальныхъ. Мощенъ городъ очень плохо, тротуары деревянные, порой проваливаются подъ ногами, а въ нѣкоторыхъ улицахъ исчезаютъ совершенно, такъ какъ улицы превращаются въ какіе-то проходы, чуть не желоба, гдѣ только мѣста для однихъ дрожекъ и гдѣ нѣтъ возможности разъѣхаться съ другимъ экипажемъ (Покровская, Скоповская и др.). Главная улица Вильно—Большая, но это очень узкая улица, гдѣ сгруппированы лучшіе магазины города и гдѣ прогуливается виленская публика. По субботамъ здѣсь бываетъ столпотвореніе вавилонское отъ массы евреевъ, которые ежедневно снуютъ повсюду».

Въ Вильнѣ находится больше десятка старинныхъ костеловъ и почти столько-же православныхъ храмовъ. Изъ православныхъ храмовъ наиболѣе замѣчательны: Николаевскій каѳедральный, Пречистенскій и Пятницкая церковь. Николаевскій каѳедральный соборъ устроенъ въ 1840 г. изъ бывшаго іезуитскаго костела, основаннаго въ 1604 г. Соборъ Пречистенскій основанъ Іуліаніею Тверскою, второю супругою Ольгерда. Въ 1609 г. онъ былъ занятъ уніатами. Изъ развалинъ и запустѣнія храмъ этотъ возобновленъ и освя-

щенъ въ 1868 г. Пятницкая церковь, выстроенная въ стилѣ древнихъ церквей Кіева и Новгорода, была основана первою супругою Ольгерда. Изъ развалинъ возобновлена и освящена въ 1865 г. Изъ православныхъ святынь наиболѣе замѣчательна икона Божіей Матери Одигитріи, находящаяся въ Свято-Троицкомъ монастырѣ. По преданію, икона эта писана Св. Евангелистомъ Лукой. Сначала она находилась у византійскихъ императоровъ, какъ семейная святыня, а потомъ принесена въ Москву греческой царевною Софіей. Иконой этой Іоаннъ III благословилъ свою дочь Елену, выдавая ее замужъ за литовскаго князя Александра (1495 г.). Другая замѣчательная святыня города—Остробрамская икона Божіей Матери. По преданію, эта икона чудомъ явилась на городскихъ воротахъ 14 апрѣля 1431 г. Но письменныя извѣстія свидѣтельствуютъ, что она привезена была литовскимъ княземъ Ольгердомъ изъ Корсуня послѣ 1363 года, почему и называлась первоначально Корсунскою. Въ концѣ XV вѣка, когда князь Александръ Казиміровичъ началъ постройку городскихъ стѣнъ, Корсунская икона перенесена была въ часовню, устроенную въ башнѣ главныхъ городскихъ воротъ, называвшихся Мѣдницкими, а также Жмудскими или Русскими. Икона была такъ поставлена, что въѣзжающіе въ городъ прежде всего обращали свой

взоръ къ иконѣ. Съ тѣхъ поръ прежнее названіе иконы стало забываться и ее начали называть «Островратской», «Островоротной», а съ усиленіемъ въ краѣ польскаго элемента— «Остробрамской». Впослѣдствіи католики овладѣли этой православной иконой и глубоко чтутъ ее. Пречистая Дѣва на иконѣ изображена въ моментъ ангельскаго благовѣстія о воплощеніи Бога Слова. Икона покрыта вызолоченной ризой съ двуярусной короной и лучистымъ сіяніемъ. Икона покрыта множествомъ металлическихъ изображеній рукъ, ногъ, сердецъ, крестиковъ, изображеній святыхъ, приносимыхъ молящимися. Подъ иконой устроенъ латинскій престолъ, на которомъ совершается ежедневно не менѣе двухъ литургій. На улицѣ и въ часовнѣ всегда можно увидѣть молящихся. Всѣ проходящіе и проѣзжающіе Острыми Воротами, не исключая и евреевъ, обязаны снимать шапку. Обычай этотъ укрѣпленъ въ 1795 г. распоряженіемъ генералъ губернатора, князя Н. В. Репнина, по просьбѣ латинянъ.

Жителей въ Вильнѣ теперь больше 110.000, слѣдовательно по населенности этотъ городъ занимаетъ первое мѣсто среди другихъ городовъ Западнаго края. Крупную составную часть городского населенія составляютъ поляки, но евреевъ здѣсь живетъ гораздо больше. Почти вся торговля находится въ рукахъ евреевъ, такъ что едва десятая

часть купцовъ — христіане. Фабрично-заводская промышленность въ Вильнѣ ничтожна: нѣсколько винокуренныхъ, да пивоваренныхъ заводовъ, 2—3 лѣсопилки, нѣсколько кожевенныхъ заводовъ — вотъ и все. Вообще въ городахъ литовскихъ губерній, за исключеніемъ Бѣлостока, нѣтъ большихъ фабрикъ и заводовъ. «За то въ литовскихъ городахъ процвѣтаетъ мелкій ремесленный трудъ, особенно столярное и сапожное мастерства. Мѣщане литовскіе почти поголовно ремесленники, и кромѣ религіи, они во всемъ рознятся отъ литовскихъ крестьянъ. Говорятъ они по-польски, поютъ польскія пѣсни и вообще гораздо больше, чѣмъ крестьяне, сохранили на себѣ слѣды польскаго владычества, подъ которымъ столько лѣтъ находилась Литва. Собираются они въ цехи, и каждое мастерство имѣетъ своего выборнаго старосту, свою кассу на цеховые расходы и свой цеховой праздникъ. «Каждый цехъ имѣетъ своего избраннаго святого, день котораго празднуется великолѣпнымъ богослуженіемъ, а вечеромъ пьянствомъ и разгуломъ».

Такими мелкими ремеслами, которыя требуютъ недолгой выучки, занимаются здѣсь больше всего евреи. Жестянники, чулочницы—все это изъ евреевъ. Евреи довольствуются самымъ небольшимъ заработкомъ 4—10 рублей въ мѣсяцъ и ведутъ поистинѣ плачевную жизнь. Питаются они цѣлую недѣлю

ржавой селедкой и лукомъ, живутъ скученно, многими большими семьями, въ глубокихъ подвалахъ и болѣютъ и мрутъ, какъ мухи. Когда въ 1893 г. надъ Вильной прошелъ сильный ливень, въ одномъ подвалѣ залило водой изъ канавы 18 человѣкъ евреевъ, такъ что всѣ они потонули въ грязи. Бѣдняки-христіане, хотя живутъ не лучше, но селятся больше по окраинамъ города и, по крайней мѣрѣ, пользуются чистымъ воздухомъ; евреи же жмутся къ серединѣ города, въ самую вонь и грязь.

Я пріѣхалъ въ Вильну какъ разъ во время большой ежегодной крестьянской ярмарки въ день святого Казиміра. Святой этотъ былъ сыномъ великаго князя Литовскаго и католики считаютъ его покровителемъ Литвы. Тѣло его похоронено въ виленскомъ каѳедральномъ костелѣ и день его празднуется торжественно всѣми литовцами; на площади же передъ костеломъ въ этотъ день бываетъ ярмарка, гдѣ продаются всякія крестьянскія кустарныя издѣлія.

Уже наканунѣ, съ вечера, вся площадь была запружена возами; утромъ тысячи горожанъ потянулись на ярмарку, и торговля шла бойко. Одинъ уголъ площади заняли десятки огромныхъ возовъ съ баранками,— баранки эти сухіе, вродѣ сушекъ, привозятъ ихъ изъ мѣстечка Сморгонь, которое съ давнихъ поръ славится этимъ издѣліемъ. Тор-

говля баранками велась самая оживленная; каждый горожанинъ возвращался домой со связкой баранокъ на шеѣ.

Середину площади заняли деревянныя издѣлія литовцевъ: бадьи, ведра, корыта, боченки, свѣтились на солнцѣ бѣлизной своего дерева; тутъ ужъ больше хозяйки городскія вели оживленный торгъ съ крестьянами. По краямъ размѣстились бабы съ медовыми пряниками въ видѣ пѣтушковъ и лошадокъ съ золочеными головками,—желанный гостинецъ деревенскихъ дѣтей; горшечники съ горшками и дѣтскими глинянными игрушками, корзинщики, жестянники и прочіе. Тамъ и сямъ сновали крестьяне съ мѣшками, полными деревянныхъ ложекъ изъ грушеваго дерева, прялокъ, орѣховъ; деревенскія бабы расположились съ охапками сушеныхъ цѣлебныхъ травъ, отъ которыхъ далеко несло душистымъ запахомъ полей; у паперти же, гдѣ толпа народа постоянно двигалась изъ костела и обратно, видное мѣсто заняли продавцы разныхъ святостей: молитвенниковъ, образковъ, четокъ, крестиковъ и прочаго, — при нихъ больше толпились крестьяне. Шумъ людского говора, скрипъ возовъ, свистки дѣтскихъ игрушекъ, пѣсни нищихъ,—все это сливалось въ какой-то одуряющій и возбуждающій гамъ.

Къ вечеру толпа стала рѣдѣть и успокоиваться; горожане съ покупками вереницами возвращались домой, а крестьяне счи-

тали заработанныя деньги или шли въ городъ за покупками для деревни.

---

11. Виленскій Свято-Духовскій монастырь.

Церковь Св. Духа въ Вильнѣ, по преданію, основана великою княгинею Еленою Ивановною, супругою великаго князя литовскаго Александра. Представляется однако вѣроятнѣе отнести основаніе церкви къ болѣе позднему времени, именно къ концу XVI столѣтія, когда знаменитое Виленское Свято-Троицкое братство, тѣснимое уніатами въ пользованіи своею церковью, получило въ 1592 г. разрѣшеніе отъ короля на постройку для себя новаго храма. Съ положительною достовѣрностью извѣстно, что въ 1597 г. Свято-Духовская церковь уже строилась. Первоначально она была сооружена изъ дерева и въ такомъ видѣ существовала до 1633 г. Но когда уніаты захватили всѣ православныя виленскія церкви, деревянная церковь Св. Духа уже не могла вмѣщать въ себѣ множества православныхъ богомольцевъ, и граждане общими силами воздвигли въ 1640 году каменный храмъ. Въ 1749 году монастырь сгорѣлъ и отъ каменнаго храма остались однѣ только стѣны. Впослѣдствіи онъ возстановленъ въ томъ благолѣпномъ видѣ, въ какомъ представляется нынѣ.

Когда уніатскій митрополитъ Ипатій По-

цѣй отнялъ въ 1609 году у православныхъ Свято-Троицкій монастырь, назначивъ его настоятелемъ Іосифа Вельямина—Рутскаго на мѣсто изгнаннаго архимандрита Самуила Сенчилы, братство окончательно присоединилось къ Свято-Духовской церкви и съ своими училищемъ, богадѣльной и типографіей. Въ тоже-ли время или позднѣе образовался при этомъ храмѣ монастырь—свѣдѣній о томъ не имѣется; полагаютъ, что обитель учреждалась и организовалась постепенно, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Взамѣнъ того до насъ дошли извѣстія о неустанной дѣятельности братства. Это почтенное учрежденіе и съ переходомъ въ новое мѣсто вынуждено было вести сильную борьбу за свое существованіе съ митрополитомъ Поцѣемъ, который стремился лишить его всѣхъ правъ и перенести ихъ на уніатское братство, учрежденное при Троицкой церкви архимандритомъ Рутскимъ. То было время самаго сильнаго разгара уніатскаго фанатизма, не знавшаго въ своемъ проявленіи никакихъ предѣловъ. Церкви православныя отбирались уніатами одна за другой; непреклонные къ уніи подвергались разнымъ мученіямъ и заключенію въ тюрьмѣ; наносились оскорбленія даже тѣламъ усопшихъ православныхъ, Свято-Духовское братство въ эту пору жестокаго гоненія на православіе стояло на высотѣ своего призванія. Не ограничиваясь защитой православныхъ жителей г. Вильны,

оно разсылало по всей Литвѣ грамоты съ оповѣщеніемъ о томъ, что происходило въ Вильнѣ, и съ призывомъ на помощь, и тѣмъ укрѣпляло и воодушевляло настроеніе людей, стоявшихъ за вѣру своихъ предковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ члены братства возбуждали вопросъ о претерпѣваемыхъ бѣдствіяхъ на сеймикахъ и перенесли его на сеймъ, гдѣ, по настоянію православныхъ, въ 1609 году состоялось постановленіе, дабы православные и уніаты жили мирно и не нарушали общественнаго спокойствія подъ опасеніемъ штрафа, и возникающія при этомъ дѣла разбиралъ и рѣшалъ уголовный судъ.

Затѣмъ братство устроило большое училище, для котораго настоятель монастыря Мелетій Смотрицкій составилъ первую славянскую грамматику. Вообще Свято-Духовское братство пользовалось среди православнаго міра огромною славою и служило средоточіемъ религіозной жизни всего края.

Еще въ 1588 году Виленское Троицкое братство получило отъ Константинопольскаго патріарха право ставропигіи, т. е. непосредственное подчиненіе патріарху и независимость отъ мѣстной іерархіи; право это было неоднократно утверждаемо польскими королями. Въ силу такого права, Свято-Духовскому монастырю, основанному Троицкимъ братствомъ, подчинены были всѣ православныя обители въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, мужскія и женскія.

Удовлетворяя такимъ образомъ духовно-нравственнымъ потребностямъ гонимаго уніатами православнаго народа, Свято-Духовское братство озабочивалось также и возстановленіемъ высшей православной іерархіи въ краѣ. Воспользовавшись прибытіемъ въ 1620 году въ Кіевъ Іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, братство избрало и отправило въ Кіевъ своего настоятеля Мелетія, который и былъ посвященъ на Полоцкую каѳедру. Происшедшія затѣмъ оживленіе въ средѣ православныхъ, ихъ радость чаянія и ожиданія возродили въ уніатско-іезуитской партіи преслѣдованія твердыхъ въ русской вѣрѣ, а въ томъ числѣ и братчиковъ церкви Св. Духа. Посыпались жестокія гоненія: братчики, занимавшіе городскія должности, были лишены своихъ мѣстъ и подверглись тюремному заключенію; на улицахъ хватали всѣхъ, кто только подозрѣвался въ приверженности православію; въ монастырскія зданія бросались камни и горящія полѣнья. И все это безуміе не прекращалось даже въ такіе дни, какъ страстная недѣля (1621 года), когда воспоминались страданія Христа Спасителя...

Года черезъ два гоненіе на Свято-Духовское братство снова возникло. На этотъ разъ братчики были заподозрѣны въ подстрекательствѣ будто-бы жителей г. Витебска къ убійству уніатскаго епископа Іосафата Кунцевича. Но братство не унывало и все болѣе

и болѣе усиливало свою дѣятельность и въ протестаціи къ сейму отъ имени всѣхъ православныхъ съ твердостью заявило, что тогда только будетъ истреблена русская вѣра, когда не останется ни одного русскаго человѣка. Послѣднюю свою дѣятельность на пользу православія братство выразило сочиненіями: «Synopis» или обозрѣніе правъ западно-русскаго православія и «Supplementum» или дополненіе къ «Sinopis-у». Сочиненія эти, приготовленныя для сейма по случаю избранія короля Владислава, послужили руководствомъ для присутствовавшихъ на сеймѣ православныхъ. О дальнѣйшей дѣятельности Свято-Духовскаго братства и самомъ его существованіи теряется всякій слѣдъ. На смѣну его являются новыя силы, средоточіемъ коихъ дѣлается Кіевъ. Въ Вильнѣ же замѣчается обратное теченіе дѣлъ, съ преобладающимъ латино-польскимъ вліяніемъ. Одна лишь Свято-Духовская обитель уцѣлѣла отъ захвата уніатами и сдѣлалась единственнымъ убѣжищемъ для незначительнаго числа православныхъ.

Одинъ изъ настоятелей Свято-Духовскаго монастыря, Ѳеофанъ Леонтовичъ, оставилъ память о себѣ, между прочимъ, тѣмъ, что когда въ польской республикѣ возникли гоненія на диссидентовъ и протестанты, тѣснимые поляками, наравнѣ съ православными, призывали послѣднихъ къ покровительству польскаго короля, то Леонтовичъ стремился

вселить въ умы своей паствы единую надежду, надежду на помощь Русскаго государства, а въ донесеніи Св. Сvноду, ходатайствуя о защитѣ православныхъ, высказывалъ мысль о своевременности присоединенія къ Русской имперіи западнаго края, неправильно владѣемаго Польскою республикой. Изъ другихъ настоятелей знаменитой обители извѣстны: Мелетій Смотрицкій, краснорѣчивый апологетъ православія, увлекшійся впослѣдствіи льстивыми предложеніями перехода въ унію; Амвросій Юшкевичъ, извѣстный проповѣдникъ, занявшій потомъ архіепископскую каѳедру въ Новгородѣ, и др. Съ церковной каѳедры Свято-Духовскаго монастыря проповѣдывалъ боговдохновенный витія Димитрій, прославившійся впослѣдствіи святитель Ростовскій. Здѣсь же, въ стѣнахъ обители, имѣлъ временный пріютъ мужественный поборникъ обуреваемой церкви, архіепископъ Могилевскій, Георгій Конисскій, когда отправлялся на сеймъ для того, чтобы поднять свой одинокій, но мощный голосъ въ защиту православія. Наконецъ, обитель Св. Духа открыла врата свои для принятія мощей трехъ мучениковъ Виленскихъ: Антонія, Іоанна и Евстаѳія, возлегшихъ здѣсь сначала въ скромной пещерѣ подъ спудомъ, въ простомъ дубовомъ гробѣ, а потомъ открыто, въ богатой ракѣ, установленной предъ царскими вратами пещерной церкви. Высочайшимъ при-

казомъ 19 мая 1796 г. Свято-Духовскій монастырь назначенъ второкласснымъ; въ тоже время, по распоряженію Св. Синода, игуменъ Даніилъ произведенъ въ санъ архимандрита. 19 мая 1833 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о возведеніи монастыря въ первоклассный, съ предоставленіемъ архимандриту его нѣкоторыхъ отличій при богослужени. Въ 1845 г. преосвященному Литовскому и Виленскому предоставлено быть священно архимандритомъ Виленскаго Св. Духова монастыря. Съ возрожденіемъ въ краѣ русскихъ началъ, историческое братство Св. Духа, оказавшее незабвенныя услуги русской вѣрѣ и народности въ краѣ, возстановлено 6 августа 1865 г. и съ тѣхъ поръ благотворно продолжаетъ свою дѣятельность въ поддержаніи и украшеніи православныхъ церквей и развитіи духовнаго просвѣщенія среди мѣстнаго населенія. Въ 1868 г. братство было осчастливлено высокимъ вниманіемъ Государя Наслѣдника Цесаревича, нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III: въ этомъ году, 6 августа, въ общемъ собраніи братства, бывшій тогда попечителемъ Виленскаго учебнаго округа, П. Н. Батюшковъ, предъявилъ собранію о милостивомъ соизволеніи Государя Александра Александровича на принятіе званія почетнаго члена Свято-Духовскаго братства; въ память этого событія братство установило при Молодеченской учительской семинаріи

стипендію имени августѣйшаго своего члена и ассигновало изъ своихъ средствъ 1500 руб. на обновленіе Троицкаго собора въ Вильнѣ, при коемъ въ XVI вѣкѣ возникло братство.

Къ монастырю Св. Духа причисленъ Борунскій монастырь, Ошмянскаго уѣзда, основанный уніатами въ 1692 г., но, по случаю ветхости зданій и уменьшенія монашествующихъ, закрытый въ 1874 г.; въ видѣ отдѣленія монастыря Св. Духа, Борунская обитель возстановлена 2 января 1886 г. Въ церкви ея находится мѣстно-чтимая Борунская икона Божіей Матери, византійской живописи [1]).

---

12. Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь, Бѣлостокскаго уѣзда, Гродненской губерніи.

Въ 16-ти верстахъ отъ г. Бѣлостока, на берегу рѣки Супрасль, стоитъ древнѣйшій памятникъ православія въ западномъ краѣ,— Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь. Монастырь основанъ въ концѣ XV вѣка иждивеніемъ великаго маршала литовскаго Александра Ивановича Ходкевича, который, въ видахъ защиты православія отъ начинавшейся латинской пропаганды, пригласилъ иноковъ Кіево-Печерской лавры (по другимъ указаніямъ—аѳонскихъ монаховъ) и первоначально

---

[1]) Изъ книги „Бѣлоруссія и Литва“, изд. П. Н. Батюшковымъ.

устроилъ обитель въ мѣстности Городокъ, въ своемъ имѣніи, гдѣ была уже церковь во имя Іоанна Богослова. Иноки вели здѣсь жизнь совершенно пустынную, по образцу древнихъ обителей, въ отдѣльно расположенныхъ въ лѣсу келліяхъ. Около 1497 года для огражденія монастыря и своихъ владѣній отъ случайностей войны, которая велась тогда между княжествами литовскимъ и московскимъ, Ходкевичъ возвелъ въ Городкѣ обширное укрѣпленіе въ видѣ замка. Съ того времени здѣсь начало увеличиваться населеніе и пустынножительство оказалось неудобнымъ, вслѣдствіе чего иноки упросили Ходкевича перенести обитель въ другое болѣе уединенное мѣсто. Для избранія мѣстности былъ принятъ способъ, съ издавна практиковавшійся въ подобныхъ случаяхъ: на рѣку Супрасль было спущено деревянное распятіе съ частицею древа изъ животворящаго креста Господня, за теченіемъ креста слѣдили иноки въ ожиданіи, куда онъ пристанетъ, дабы это мѣсто считить избраннымъ Богомъ для основанія обители. Крестъ прибило къ берегу въ урочищѣ Сухой Грудъ, и здѣсь была построена небольшая деревянная церковь, освященная 22 мая 1505 г. Кіевскимъ митрополитомъ Іосифомъ Солтаномъ. Церковь эта впослѣдствіи сгорѣла и уже не возобновлялась.

Существованіе монастыря упрочено благословенною грамотою, данною въ 1505 году

Константинопольскимъ патріархомъ Іоакимомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ снабдилъ обитель строгимъ уставомъ иноческаго общежитія.

Находящаяся нынѣ въ монастырѣ каменная церковь заложена въ 1509 году. Кромѣ главнаго престола въ честь Благовѣщенія, въ храмѣ были придѣлы: одинъ во имя Бориса и Глѣба, а другой въ честь Антонія и Θеодосія печерскихъ. Оба эти придѣла упразднены во время нахожденія монастыря во владѣніи уніатовъ. За позднѣйшее время съ южной стороны храма пристроена придѣльная церковь во имя апостола Іоанна Богослова. Подобно многимъ церквамъ Литвы, Благовѣщенскій храмъ имѣетъ четыре круглыя угловыя башни, что вмѣстѣ съ общимъ характеромъ архитектуры представляетъ храмъ чрезвычайно красивымъ сооруженіемъ. Со всѣхъ его сторонъ, выше стѣнъ, выведены каменные фронтоны съ амбразурами. Кромѣ фронтоновъ и карнизовъ наружныя стѣны храма не штукатурены. Въ бытность въ Литвѣ и на Руси Константинопольскаго патріарха Іереміи II, въ 1589 году, первосвятитель обличилъ Супрасльскаго архимандрита Тимоθея Злобу въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ и, лишивъ его сана, поставилъ на его мѣсто Иларіона Масальскаго, ревностнаго защитника православія отъ зарождавшихся тогда стремленій къ уніи. Когда же унія появилась, Благовѣщенскій

монастырь, послѣ упорной борьбы архимандрита Иларіона съ Ипатіемъ Поцѣемъ, насильно былъ присвоенъ уніатами, причемъ архимандритъ Иларіонъ, за открытое провозглашеніе анаѳемы отступнику Поцѣю, былъ изгнанъ съ нѣсколькими иноками, оставшимися вѣрными православію, не только изъ монастыря, но и изъ предѣловъ Литовско-Польскаго королевства.

Введенію церковной уніи предшествовало, какъ извѣстно, совращеніе въ латинство почти всѣхъ литовско-русскихъ дворянъ и вельможъ. Исконно-православный родъ Ходкевичей не имѣлъ для себя въ этомъ отношеніи исключенія. Послѣдствіемъ этого было то, что Супрасльскій монастырь, не смотря на большія средства и на званіе лавры, началъ приходить въ упадокъ сначала въ нравственномъ, а потомъ и матеріальномъ отношеніяхъ. Потомки основателя и фундатора обители отнимали у нея имущества, врывались въ монастырь съ компаніей окружающихъ ихъ, изгоняли монаховъ изъ келлій и по долгу живали въ монастыряхъ. Жалобы иноковъ доходили до короля и папы и только при участіи папскаго нунція монастырю были возвращены его права.

Лучшей характеристикой Супрасльскаго монастыря во времена уніи служитъ письмо Кіевскаго митрополита Петра Могилы къ извѣстному отступнику отъ православія, быв-

шему ректору Кіевской академіи, Кассіану Саковичу.

«Посмотри,—пишетъ ревнитель православія, — на славный въ Литвѣ монастырь Супрасльскій! А нынѣ до чего онъ доведенъ? Гдѣ прежде, подъ управленіемъ православныхъ, было до ста или, по крайней мѣрѣ, до семидесяти человѣкъ братіи, тамъ нынѣ живетъ едва нѣсколько монаховъ, и что еще хуже, мірской господинъ обладаетъ церковнымъ богатствомъ и селами и черезъ своихъ рабовъ выдаетъ инокамъ жалованье, какое захочетъ. Спроси только кого-нибудь въ томъ же монастырѣ, гдѣ тѣ древнія иконы, которыя украшены были серебрянными позлащенными ризами, и узнаешь, что онѣ обращены уніатами на свои надобности; вмѣсто же серебряныхъ иконъ поставлены въ церкви полотняныя, итальянскія. Хорошо мѣняются съ Богомъ: Ему полотно писаное, а себѣ серебро вызолоченное». Упрекъ, сдѣланный Петромъ Могилой въ отношеніи серебряныхъ ризъ, не можетъ быть однако отнесенъ всецѣло къ алчности уніатовъ. Въ 1794 г. базиліане отправили въ казну польскаго правительства, на военныя надобности, 2.000 золотыхъ деньгами и 82 фунта серебра, а въ томъ числѣ кресты, сосуды, подсвѣчники и оклады съ иконъ. Значеніе Супрасльскаго монастыря нѣсколько возвысилось вслѣдствіе устройства въ немъ, въ концѣ XVII столѣтія, типографіи

и бумажной при ней фабрики. Типографія печатала, главнымъ образомъ, уніатскія богослужебныя книги на славянскомъ языкѣ, расходившіяся въ огромномъ числѣ экземцляровъ, причемъ изъ станковъ выходили также и другія книги на латинскомъ и польскомъ языкахъ. По присоединеніи въ 1796 году Бѣлостокской области къ Пруссіи, Супрасльскую типографію начали притѣснять Бѣлостокскіе королевскіе типографы. Не выдержавъ конкуренціи съ послѣдними, Супрасльскіе базиліане принуждены были продать типографскія принадлежности своимъ конкурентамъ. Въ этомъ монастырѣ была резиденція Супрасльскаго уніатскаго епископа, назначеннаго для отошедшихъ отъ Пруссіи уніатовъ.

Обладаніе Пруссіей Бѣлостокскою областію принесло Супрасльскому монастырю еще большія потери. Конфисковавъ монастырскія имѣнія въ казну, прусское правительство оказывало монастырю пособіе деньгами и дровами; но, по присоединеніи области къ Россіи, монастырю не удалось возвратить своихъ имѣній. При раздѣлѣ же Польши Супрасльскій монастырь лишился двухъ приписанныхъ монастырей: въ Варшавѣ, на Подвальной улицѣ, основаннаго въ 1781 году, и въ м. Кузницѣ, въ 23 верстахъ отъ Гродны, съ двумя при послѣднемъ имѣніями: Войновицы и Стерпѣйки. При общемъ возсоединеніи въ 1839 году западно-русскихъ уніатовъ съ православною

церковью, присоединенъ къ оной и Супрасльскій монастырь, которымъ тогда управлялъ архимандридтъ Никодимъ Марциновскій. Въ 1842 году монастырь причисленъ ко второму классу. До 1853 года при немъ находилось 4-хъ классное училище, перенесенное въ этомъ году въ Гродну. Съ 1865 года при монастырѣ устроено на собственныя его средства народное училище.

Въ спискѣ Супрасльскихъ архимандритовъ значатся имена митрополитовъ кіевскихъ, архіепископовъ и епископовъ владиміро-волынскихъ, брестскихъ и пинскихъ. Изъ нихъ многіе проживали въ Супраслѣ и, оканчивая свою жизнь, погребались въ монастырской усыпальницѣ—каменномъ склепѣ. Послѣдній архимандритъ изъ епископовъ Левъ Яворовскій, суффраганъ брестскій, скончался въ 1833 г. Въ Супраслѣ же скончался и погребенъ въ церковномъ склепѣ основатель обители А. И. Ходкевичъ. Въ стѣнахъ монастырской церкви нашелъ себѣ вѣчный покой также сенаторъ, тайный совѣтникъ, Игнатій Антоновичъ Тейсъ, принимавшій въ 1807 г. жителей Бѣлостокской области въ русское подданство.

Въ Супрасльскомъ монастырѣ находятся слѣдующія святыни и достопримѣчательности:

1. Мѣстно-чтимая Супрасльская икона Божіей Матери Одигитріи, украшенная серебряной вызолоченной ризой, устроенной въ 1557 году; только эта риза, а также серебряный

окладъ на образѣ Спасителя, уцѣлѣли отъ уніатскихъ временъ. Икона эта почитается чудотворною не только мѣстнымъ православнымъ населеніемъ, но и католиками. Писана икона въ византійскомъ стилѣ и составляетъ копію съ чудотворной Смоленской иконы Божіей Матери. Происхожденіе иконы неизвѣстно; предполагаютъ, что она привезена изъ Смоленска или же написана по распоряженію смоленскаго епископа, Іосифа Солтана, который былъ фундаторомъ Супрасльской обители. Въ древности икона помѣщалась въ иконостасѣ; при замѣнѣ же, въ первой половинѣ XVII столѣтія, иконостаса новымъ, икона установлена на колоннѣ, поддерживающей куполъ церкви съ лѣвой стороны, гдѣ находится и въ настоящее время.

2. Небольшая икона Божіей Матери, присланная въ монастырь чрезъ Іосифа Солтана княгинею Еленою Іоанновною, супругою великаго князя литовскаго Александра.

3. Крестъ съ частицею древа животворящаго креста Господня, сдѣланный въ 1510 году, при первомъ игуменѣ, Пафнутіи Сѣчень; вокругъ креста помѣщена славянская надпись.

4. Кости св. мученика Іустина и иже съ нимъ, данныя въ 1750 г. монастырю папою при особой грамотѣ. Реликвіи эти хранятся скрытно между стѣной и кіотомъ Супрасльской иконы Божіей Матери.

5. Массивный иконостасъ въ 3 яруса съ гербами Ходкевичей и Солтановъ, высокохудожественной работы данцигскихъ мастеровъ.

Въ ризницѣ монастырской хранился посохъ принадлежавшій св. Стефану, епископу пермскому. По распоряженію Св. Синода, посохъ этотъ переданъ въ 1849 г. въ Пермскій каѳедральный соборъ.

Въ церковно-археологическомъ отношеніи особенною рѣдкостью Супрасльскаго Благовѣщенскаго собора должна быть признана фресковая живопись.

За исключеніемъ купола и одного свода, вся внутренность собора была закрашена уніатами известью, а мѣстами заштукатурена. При развѣдкѣ купола и по снятіи со стѣнъ известковыхъ наслоеній, открылись фрески, несомнѣнно современныя постройкѣ храма, что доказывается и самымъ способомъ приготовленія штукатурки, нижній слой которой оказался смѣшаннымъ съ волокнистыми растеніями и соломой. Относясь къ первой половинѣ XVI вѣка, супрасльская фресковая живопись представляетъ собою образецъ лучшаго періода православной иконописи. Сводъ купола занимаетъ восьмиконечная звѣзда, въ серединѣ которой на голубомъ фонѣ, усѣянномъ золотыми звѣздами, изображенъ благословляющій Спаситель съ евангеліемъ въ лѣвой рукѣ, а въ оконечностяхъ звѣзды помѣ-

щены огненные херувимы; подъ этимъ изображеніемъ слѣдуетъ рядъ архангеловъ и серафимовъ, а подъ ними орнаменты; во второмъ ряду идутъ ветхозавѣтные цари и пророки, подъ ними орнаменты и славянскія надписи. Подъ куполомъ, въ парусахъ, изображены эмблемы евангелистовъ: ангелъ, телецъ, левъ и орелъ. Въ шестомъ ряду открыто три картины изъ жизни Спасителя, а въ седьмомъ — изъ жизни Божіей Матери и чудотворныя иконы (около хоръ и подъ ними). Въ восьмомъ и девятомъ рядахъ—святые, чтимые православною церковью. Внутренніе столбы храма также расписаны въ четыре яруса. Варварскія руки уніатовъ и латинянъ оставили слѣды кощунственнаго отношенія своего къ русской иконописи: вездѣ, гдѣ только можно достать рукой, фрески исцарапаны, сдѣланы на нихъ непозволительныя надписи на польскомъ и латинскомъ языкахъ и въ нѣкоторыхъ картинахъ выколоты глаза или выковыренъ ротъ...

Въ 1887 году фрески, закрытыя известью, очищены сухимъ способомъ и варварскія поврежденія исправлены... Но при этомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправленія сдѣланы не согласно со стилемъ древняго писанія. Къ возстановленію фресковой живописи, совершенно въ стилѣ первоначальнаго письма, были приняты архіепископомъ литовскимъ,

высокопреосвященнымъ Алексіемъ, надлежащія мѣры [1]).

13. Три сосѣда.

Уже въ г. Брянскѣ (Орловской губ.), на базарѣ, подлѣ нижняго собора, преобладаетъ *бѣлая магерка*—классическій бѣлорусскій колпакъ или низенькая шляпа безъ полей, и та коротенькая и узенькая свита, которая отличаетъ бѣлорусса отъ малорусса. Тѣ же колпаки, и непремѣнно бѣлые, продаются и въ лавкахъ, и во всемъ этомъ Орловскомъ полѣсьѣ издавна—бѣлая овечья шерсть въ оптовой покупкѣ всегда стоитъ дороже черной. Замѣчается впрочемъ здѣсь нѣкоторое стремленіе приблизить форму головного убора къ формѣ великорусской шляпы и выдѣлиться отъ коренныхъ бѣлоруссовъ черными и коричневыми (некрашенными) свитами. Въ 90 в. отъ Брянска на западъ, но еще въ уѣздѣ этого города, является на жителяхъ подлинный и безпримѣсный бѣлорусскій нарядъ у мужчинъ и женщинъ: тамъ бѣлый цвѣтъ исключителенъ. Та же встрѣча обуженнаго кверху колпака съ великорусской шляпой гречневикомъ и съ торчащими, въ защиту

---

[1]) Изъ книги „Бѣлоруссія и Литва“, изд. П. Батюшковымъ.

отъ солнца, полями происходитъ на всѣхъ базарахъ Калужскаго полѣсья и даже на ярмаркѣ въ Дорогобужѣ. На еженедѣльныхъ торжкахъ въ городѣ Смоленскѣ бѣлая магерка и свита очень примѣтны. Точно также круглая шляпа съ широкими полями или типическій малороссійскій «бриль» вступаетъ въ споръ съ узенькой магеркой по всему Черниговскому полѣсью. Такое же различіе замѣчается и въ говорѣ, въ произношеніи самыхъ обыденныхъ словъ. Самъ Бѣлоруссъ, прозванный «Литвиномъ», задисненскихъ жителей началъ звать «Хохликами», а на базарахъ носитъ общее бранное прозвище «хомутъ». Однимъ словомъ—на этихъ окраинахъ естественнымъ образомъ обликъ Бѣлорусскаго племени не могъ окончательно и цѣликомъ высказаться, и сосѣди, такъ сказать, сами еще не разобрались между собою. Скажемъ больше: они еще и сами себя не опознали въ смыслѣ самостоятельной племенной группы. Эта путаница тонко выражена въ присловьѣ, обращенномъ въ насмѣшку именно этимъ «ни то, ни се».

—Якой губерніи?—Смоленьской.—Якого уѣзда!—Города Дорогобужска.—Якой волости?—Демьяновой посады.—Якого села?—Съ Ивановой усадьбы.—Якого боярина?—Про то не вѣдамъ.

Названіе «Бѣлоруссъ» — искусственное, книжное, оффиціальное. Сами себя потомки

Кривичей этимъ именемъ не называютъ, хотя въ сущности ни одного названія нельзя подобрать болѣе удачнаго; такъ какъ бѣлый цвѣтъ преобладаетъ въ ихъ одеждѣ. Вопреки всему этому поличному, у Бѣлоруссовъ даже есть такая пѣсня:

Прилецѣли гуси
Да съ бѣленькой Руси;
Сѣли—пали на крыницы,
Стали они воду пици.

Значитъ, подъ именемъ Бѣлой Руси разумѣетъ тамошній народъ Великороссію. До времени послѣдняго польскаго востанія простой народъ считалъ и называлъ себя просто «хлопами». Только минскій полѣшукъ умѣлъ отвѣчать за себя на вопросъ: что ты за человѣкъ?—Я не человѣкъ, а «Пинчукъ» (т. е. уроженецъ пинскихъ или мазырскихъ болотъ). Именно здѣсь, въ Пинскомъ полѣсьѣ, гдѣ оно входитъ въ Гродненскую губернію и составляетъ естественную и дѣйствительную границу двухъ племенъ, Малороссійскаго и Бѣлорусскаго, въ особенности характерно выразилось въ народѣ разумѣніе племенной разницы. Выразилось же оно не только въ насмѣшливыхъ присловьяхъ, но и въ цѣльныхъ разсказахъ и анекдотахъ о простотѣ и наивности этихъ «темныхъ» людей. То же самое повторилось и на Днѣпрѣ, гдѣ южнѣе Гомеля, близъ устья Припети, кончается сѣверъ Украй-

ны и начинается южная граница Бѣлорусскаго племени. Народъ здѣшній также нѣчто среднее, отставшее отъ одного и не приставшее къ другому. Въ особенности зла насмѣшка и сильна сплетня на этой границѣ, гдѣ Бѣлоруссовъ одновременно спознали и старобрядцы Великороссы, и кіевскіе Малороссы, съ извѣстной народной привычкой своей «пожартоватъ», посмѣяться. Около слободы Добрянки, населенной раскольниками, лежитъ селеніе Марковичи — здѣшнее Пошехонье, сосѣднее также съ «Хохлами задрипанцами».

Про этихъ Марковцевъ разсказываютъ, между прочимъ, слѣдующее. Они, чтобы не трудиться ежегодно ѣздить въ Крымъ за солью, сыпали ее въ колодцы въ разсчетѣ сдѣлать воду навсегда соленой. Чтобы больше родилось воловъ, рубили на мелкіе куски одного вола и сѣяли куски по полю, и запахивали. Чтобы не трудиться толочь пшено, сѣяли его толченымъ, ибо по причинѣ безлѣсья, ступъ не изъ чего дѣлать.

Остановясь на встрѣчныхъ пунктахъ великорусскихъ Полѣховъ съ смоленскими Бѣлоруссами уѣздовъ Рославскаго, Ельнинскаго и Смоленскаго, мы очутилиль на той водораздѣльной возвышенности, гдѣ берутъ начало рѣки въ одномъ только направленіи въ Днѣпръ при посредствѣ Десны и Сожа. Около Смоленска мы вступаемъ въ ту область, гдѣ находятся истоки обѣихъ этихъ рѣкъ и са-

маго Днѣпра—главнѣйшей артеріи всего Бѣлорусскаго края и третьей по величинѣ рѣки во всей Европейской Россіи. Эта возвышенность залегла между Сожомъ и Десною и замѣчательна тѣмъ, что, начавшись (подъ Трубчевскомъ отъ поворота рѣки на юго-западъ), лежитъ въ области ея теченія съ правой стороны, бѣдной притоками. Собственно для насъ этотъ водораздѣлъ именно тѣмъ и замѣчателенъ, что представляетъ точную границу между двумя встрѣчными племенами. Здѣсь произошла встрѣча въ давнія, незапамятныя времена разселенія Славянскихъ племенъ по обширнымъ равнинамъ Русской Земли.... Въ сущности естественныхъ преградъ, въ смыслѣ указанія на прямыя границы, тутъ не было: ни высокихъ горъ, ни обширныхъ болотъ и озеръ, ни тѣхъ непролазныхъ лѣсовъ, которые владѣютъ, между прочимъ, замѣчательнымъ свойствомъ дѣлаться естественными племенными границами. Здѣсь возвышенія уровня почвы столь незначительны, что, безъ инструментальнаго измѣренія высотъ, они не могутъ быть отличены отъ равнинъ. Раздѣляющаго простѣнка нѣтъ, горба мы обыкновенно вовсе не замѣчаемъ, а напротивъ, видимъ, что самая ничтожная возвышенность въ состояніи раздѣлить области такихъ большихъ рѣкъ, какъ верховья Десны, Сожа и Днѣпра. Что касается болотъ, то они въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, по-

служили движенію и сближенію племенъ тѣмъ, что дали пищу и возможность прорѣзаться естественнымъ и легчайшимъ путямъ народныхъ переселеній, каковы во всѣхъ мѣстахъ—рѣки. Если даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ болотныя рѣки не сдѣлались мѣстами осѣдлости, то вездѣ оставались большими дорогами, передаточными пунктами, хотя бы и на тѣ водораздѣлы, которые носятъ простое народное имя «волоковъ». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ берега этихъ рѣкъ, какъ на большихъ моряхъ, или какъ высокія горы, сдѣлались племенными гранями. Такъ, между прочимъ, на западной бѣлорусской границѣ, въ Гродненской губ. около Бреста-Литовскаго, течетъ рѣчка Пелеса. Вся она заплыла грязью, покрыта тиной, едва движется. Крестьяне, живущіе на лѣвомъ ея берегу, вовсе не знаютъ по литовски, жители праваго берега—настоящіе Литовцы по языку и обычаямъ. Точно также въ Полоцкомъ уѣздѣ (Витебской губ.) на правомъ берегу рѣчки Пещаны—притока Западной Двины, живутъ Литвины, на лѣвомъ—Бѣлоруссы.

Волока—опять-таки на столько ничтожныя возвышенія, что черезъ нихъ безъ большого труда можно переносить челноки изъ одной рѣки въ другую. На этихъ волокахъ, впослѣдствіи, образовались естественные пункты встрѣчъ и сближеній, потомъ торговые центры, наконецъ мѣста племенной ассими-

ляціи (сліянія племенъ), гдѣ сильное и живое племя имѣетъ возможность взять перевѣсъ и дать ходъ и дальнѣйшее развитіе своей національности. Чѣмъ значительнѣе рѣки, сближающія свои верховья, тѣмъ скорѣе накопляется сила въ объединяющихъ пунктахъ и могущественнѣе дѣйствуетъ вліяніе ихъ дальше предѣловъ волока,—на все прирѣчное населеніе всѣхъ тѣхъ рѣкъ, которыя между собою сблизились истоками и устьями. Отсюда понятно народное и правительственное значеніе Смоленска. Возвышаясь надъ Днѣпромъ, онъ обязательно расположился вблизи истоковъ трехъ рѣкъ, изъ которыхъ Сожъ беретъ начало едва не подъ самымъ городомъ, а Десна въ разстояніи двухъ «лошадиныхъ перегоновъ» или «упряжекъ», достаточныхъ ровно на столько, чтобы, отправившись на мѣсто обмѣна, торга, или на совѣщанія, не утомить лошадь, ѣдучи не кормя, и покормивши ее, на вторыя сутки успѣть возвратиться домой. Рѣка Каспля, игравшая въ серединѣ прошлаго столѣтія весьма серьезную роль и теперь все еще судоходная, соединяетъ и привлекаетъ побережья Двины къ пущему возростанію самаго древнѣйшаго и коренного бѣлорусскаго города—Смоленска. Городъ Порѣчье, лежащій на этой послѣдней рѣкѣ, до сихъ поръ сохраняетъ огромное значеніе для всего Смоленскаго края, какъ пристань для склада пеньки и хлѣба и для за-

граничной торговли этими продуктами народнаго хозяйства Смоленской и Черниговской страны и Орловскаго полѣсья.

Разсмотрѣнный теперь водораздѣлъ дѣлитъ Смоленскую губернію на двѣ части. Въ восточной остаются уѣзды Сычевскій и Вяземскій, и если мы присоединимъ къ нимъ Гжатскій и Юхновскій и восточную (наибольшую) часть Бѣльскаго, то такимъ образомъ отдѣлимъ великорусскую Смоленщину. Затѣмъ уже все остальное, далеко за политическую границу губерніи, будетъ Бѣлоруссія. Великороссы живутъ плотнѣе, скученнѣе, нежели Бѣлоруссы. Это, впрочемъ, одна изъ самыхъ характерныхъ особенностей бѣлорусскаго племени, живущаго, на громадное большинство случаевъ, деревнями въ 4, 3, 2 двора, а иногда и въ одинъ дворъ гдѣ-нибудь въ лѣсу. По этой причинѣ у нихъ, во время работъ, домъ часто обокраденъ, ребята—калѣки, скотъ безъ надзора пастуховъ рѣжетъ волкъ и т. д.

Если мы поднимемся отъ Смоленска на сѣверъ, черезъ Духовщинскій уѣздъ въ Бѣльскій и Порѣчскій, мы вступимъ снова въ область громаднаго полѣсья, которому судила исторія стать естественною границею сѣверной Великороссіи съ Бѣлоруссами Смоленской и Витебской губерній. Лѣса эти настолько первозданны, мало доступны и пустынны, что Бѣльскій уѣздъ получилъ названіе Смолен-

ской «Сибири». Уже въ 8 верстахъ отъ уѣзднаго города—Бѣлаго—начинаются громадныя болота (по большей части носящія мѣстныя названія—«мховъ»). Эти болота, простираясь на сѣверъ, покрываютъ всю сѣверо-западную часть уѣзда и соединяются въ неизмѣримую даль съ таковыми же Порѣчскаго уѣзда. Между рѣчкою Тросною, Мглайкою и рѣкою Межей, такъ называемые, «мхи Пилецкіе» занимаютъ около 200 кв. верстъ. Эти мхи или чистыя болота покрыты рѣдкимъ сосновымъ кустарникомъ (мокрыя мѣста обросли смѣшаннымъ дровянымъ лѣсомъ). Мхи непроходимы во все лѣтнее время, и охотники, гоняющіеся за лосями въ сухое лѣто, здѣсь очень часто безвозвратно погибаютъ. Собственно болотомъ здѣсь зовутъ мокрыя мѣста, покрытыя мѣшанымъ дровянымъ лѣсомъ («пуща»), потому что слой моха очень не толстъ и корни деревьевъ могутъ проникать въ грунтъ земли,—мѣста въ сухое время проходимыя человѣкомъ. «Мхи» (Бѣлорусская «нимяреча») или «мяреча» поросли мохомъ въ толщину нѣсколькихъ саженъ и, кромѣ рѣдкаго сосняка, ничего не выращиваютъ. Окраины мховъ густо заростаютъ ивнякомъ и березнякомъ, и на нихъ-то цѣпляются немногія н рѣдкія селенія. Въ мяречахъ попадаются именно тѣ непроходимыя мѣстности, гдѣ гибнутъ заблудившіеся люди, и которыя носятъ званіе «нѣтры». Еще страшнѣе бываютъ

«твани»—самый безнадежный и ужасный видъ болотъ. Это бывшія нѣкогда озера, поверхность которыхъ заросла не особенно толстымъ моховымъ слоемъ, но густого сплетенія. На нихъ послѣ первыхъ поселенцевъ: водорослей, водныхъ мховъ и низшихъ растеній, вымершихъ и истлѣвшихъ, образовалась уже почва для другихъ болотныхъ растеній. Подъ мхомъ этихъ болотъ содержится разжиженная грязь, сквозь которую свободно проходятъ шесты въ 3—5 саж. длиною. Здѣсь и бездонныя пропасти, называемыя «виреями» или «окнами»; ничего древеснаго не растетъ и вся поверхность—«дрогва» настоящая, съ поразительнымъ подобіемъ киселя. Не говоримъ уже о богатыхъ «багнахъ», тѣхъ топкихъ мѣстахъ, которыми укрыта вся эта мокрая палестина, заросшая травою «ситникомъ»— мелкимъ камышемъ, употребляемымъ на постели. Озера не замерзаютъ вовсе, отчего прямыхъ сообщеній между селеніями не существуетъ: вмѣсто 5 верстъ прямика приходится дѣлать до 15—20 вер. объѣзда. Многія изъ этихъ мшистыхъ болотъ есть ничто иное, какъ скрытыя озера, затянутыя тонкимъ слоемъ мха и различныхъ водяныхъ растеній: добраться до дна ихъ шестами нѣтъ никакой возможности. Взоръ путника встрѣчаетъ лишь мѣшаный дровяной лѣсъ: мелкій березнякъ, ельникъ, ольшаникъ и вересковые кустарники, на болотахъ или мхахъ рѣденькій

сосновый кустарникъ да тѣ лужи, которыя носятъ характеристическое названіе «виръ или оконъ», въ сущности представляющихъ собою бездонныя пропасти. Отмѣтимъ и то немаловажное явленіе, что рѣки, направляющіяся въ бѣлорусскую сторону, имѣютъ быстрины и теченіе стремительное, дѣлающее вовсе невозможнымъ для плоскодонныхъ барокъ обратный путь.

Эти болота до такой степени стѣснили и обездолили всю страну, что только по берегамъ рѣкъ могло пріютиться осѣдлое населеніе и поставить жилья возлѣ узкихъ полосъ обработанныхъ полей. Жители этого полѣсья не могутъ дѣлать посѣвовъ свыше 5, 4, даже 3 мѣръ. Треть надѣла у нихъ залегаетъ подъ порослями, каменьями и болотами. Есть волости, въ которыхъ на ревизскую душу едва приходится по 1/2 лошади и по одной коровѣ.

Вся поверхность Порѣчскаго уѣзда наполнена озерами, образующими обширную водяную сѣть, почти непрерывную. Большая часть озеръ соединена между собою, такъ называемыми, «межитоками». Вообще обиліе стоячихъ, текущихъ и подземныхъ водъ во всемъ этомъ сѣверномъ Смоленскомъ Полѣсьѣ такъ громадно, что одна изъ величайшихъ рѣкъ Россіи—Днѣпръ, получила здѣсь свое начало въ болотѣ Мшара, между деревнями Клецевой и Аксюниной. Здѣсь же нашла

себѣ крупную поддержку въ рѣкѣ Касплѣ многоводная Западная Двина; попользовалась и матушка Волга, посредствомъ рѣки, носящей своеобразное названіе Молодого Туда. На этой рѣкѣ мы находимъ Бѣлоруссовъ, извѣстныхъ подъ мѣстнымъ названіемъ «Тудовлянъ». Рѣка эта вывела Бѣлоруссовъ съ верховьевъ Двины и Днѣпра на верховья Волги. (Въ Тверской губ. Бѣлоруссовъ насчитываютъ болѣе 100 т. чел.).

Рѣка Торопа (прит. Двины), Межа и Каспля, посредствомъ З. Двины вводятъ насъ въ ту губернію, жители которой давно уже бѣгутъ изъ своей родины, куда глаза глядятъ. Отсюда «копачи», т. е. землекопы ходятъ артелями, и выносятъ изъ дому только полотняные, а иные—суконные бѣлые штаны, небольшую сумку, рубаху (конечно, по-бѣлорусски съ прямымъ воротомъ), за поясомъ топоръ, на плечѣ заступъ, да дня на три печенаго хлѣба,—и только. Въ такомъ видѣ уходятъ витебскіе на работу верстъ за 500 въ качествѣ и званіи «грабарей», или землекоповъ. Другого промысла они не знаютъ, но зато этотъ исполняютъ, какъ никто. Пограничная черта приводитъ насъ сѣвернѣе мѣстечка Усвята (Велижскаго уѣзда Витебской губерніи) на политическую границу перваго изъ трехъ Инфляндскихъ уѣздовъ (Двинскій, Люцинскій, Рѣжицкій), населенныхъ Латышами. Эта линія захватываетъ верховья рѣкъ Ловати и Великой

и характерно выражается цѣлымъ рядомъ развалинъ крѣпостей и замковъ, выстроенныхъ польскими королями и московскими царями (послѣдними—Велижъ, Себежъ, Невель). Въ особенности этотъ сѣверный бѣлорусскій рубежъ замѣчателенъ тѣмъ, что опредѣлился по уѣздамъ Невельскому, Себежскому и Городецкому линіею поселеній, доживших до нашего времени, такъ называемыхъ, «панцырныхъ бояръ» — остатковъ древней польской земщины, обязанныхъ именно охранять границы и нести пограничную военную службу. Линія, идя на Себежъ, включаетъ въ Бѣлоруссію часть Опочецкаго уѣзда, Псковской губерніи и въ этой послѣдней совпадаетъ съ той прямой пограничной чертой, которою отдѣляется мѣстопребываніе Литовскаго племени. Замѣчательно при этомъ, что на границѣ Латышей и Великоруссовъ, въ бѣлорусскомъ Себежскомъ уѣздѣ (въ сѣверо-западной части), лежитъ болото въ 136 квадр. верстъ. [1]).

---

14. Бѣлоруссы.

Названіе Бѣлоруссіи.—Ея населеніе.—Особенности физической и духовной природы бѣлорусса.—Языкъ.

Неизвѣстно съ точностію, когда именно появилось въ первый разъ названіе «Бѣлая

---

[1]) *С. В. Максимовъ.* Извлеч. изъ его статьи „Бѣлорусская Смоленщина съ сосѣдями", Живоп. Россія, т. III, ч. II.

Русь». Въ латинскихъ документахъ Alba Russia извѣстна уже въ XVI вѣкѣ. Оффиціально, въ царскомъ титулѣ это имя начинаетъ употребляться съ половины XVII вѣка, съ литовскаго похода царя Алексѣя Михайловича. «Происхожденіе имени было, вѣроятно, народное: кромѣ Бѣлой, была и Русь Черная, Русь Красная, Червонная [1])». Точно также не существуетъ и теперь вполнѣ точнаго географическаго опредѣленія Бѣлоруссіи. Такъ напр., въ «Географическомъ Словарѣ Россійской Имперіи», изд. подъ редакціею П. Семенова (Спб. 1763 г. т. I.) сказано: «Подъ именемъ Бѣлоруссіи разумѣютъ губерніи Витебскую и Могилевскую». Въ настоящее время, по дѣленію, принятому Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а также Департаментомъ Земледѣлія и Сельской Промышленности Министерства Государственныхъ Имуществъ къ Бѣлорусскому краю отнесены губерніи: Могилевская, Минская, Витебская и Смоленская. Но бѣлоруссы живутъ также въ губерніи Гродненской, за исключеніемъ южныхъ уѣздовъ ея, занятыхъ малороссами, въ большей части Виленской губерніи, за исключеніемъ сѣверозападныхъ уѣздовъ и въ Суражскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи. Отдѣльными поселеніями бѣлоруссы встрѣчаются также въ губер-

---

[1]) А. Н. Пыпинъ, „Исторія русской этнографіи“, т. IV.

ніяхъ Сувалкской, Псковской, Тверской и даже въ Харьковской (Богодуховскій уѣздъ), Вологодской (Сольвычегодскій уѣздъ), Пензенской (Саранскій и Чембарскій уѣзды) и Пермской (Камышловскій уѣздъ). Но кореннымъ мѣстомъ обитанія бѣлоруссовъ служатъ смежныя части губерній Витебской, Могилевской, Минской, Смоленской, Гродненской и Виленской.

Представляя отрасль одного русскаго племени и находясь въ болѣе близкомъ родствѣ съ великоруссами, чѣмъ малорусское племя, бѣлоруссы, по своему языку и быту, сильно отличаются отъ великоруссовъ и малоруссовъ. Основой бѣлорусскаго племени были племена кривичей и дреговичей. Отпрыски этихъ племенъ въ древности, направляясь въ область бассейновъ Оки и Волги, несомнѣнно участвовали въ образованіи племени великорусскаго, но тѣ кривичи, которые остались на старомъ мѣстѣ, силою историческихъ обстоятельствъ (татарское нашествіе, возникновеніе Литовскаго государства) въ теченіе долгаго времени вынуждены были существовать при иныхъ условіяхъ, чѣмъ славяне Руси Сѣверо-Восточной. Историческія судьбы, которыя пришлось переживать бѣлоруссамъ, и природа занимаемаго ими края наложили на бѣлоруссовъ неизгладимую печать.

Какъ мы видѣли выше, дары бѣлорусской природы не имѣютъ прямого отношенія къ земледѣлію, составляющему главное занятіе

жителей. Почва, съ которою бѣлоруссу приходится имѣть дѣло, не отличается хорошимъ качествомъ и не вознаграждаетъ всѣхъ его трудовъ. Всю жизнь бѣлоруссъ проводитъ въ борьбѣ съ горькою нуждою. Борьба эта, изъ которой бѣлоруссу почти никогда не приходится выходить побѣдителемъ, имѣла крайне невыгодное вліяніе на его физическую и духовную природу. Къ этому нужно прибавить долговременный гнетъ поляковъ и евреевъ. «Въ бѣлорусскомъ краю наслоились одно на другое три различныхъ племени: русское, польское и еврейское; здѣсь наслоились три религіи, и эти племенныя и религіозныя различія совпали съ раздѣленіемъ по сословіямъ.

Такимъ образомъ вышло, что *высшій классъ* тутъ не только аристократія, но и сплошная Польша, не только Польша, но и католицизмъ; *нисшій классъ* есть не только низшій, но и русскій, не только русскій, но и православный; *средній классъ* есть опять-таки не только новое сословіе, но и новая національность, іудейская, и новая вѣра, Моисеева. Такимъ образомъ, между тремя племенами лежитъ различіе не только племенное, но и религіозное и сословное. Высшій классъ, т. е. польскій, относится къ низшему—русскому, составляющему большинство населенія, съ презрѣніемъ. Разобщенный съ нимъ богатствомъ, образованіемъ, національностью и религіею,

онъ смотритъ на него съ оскорбительною для человѣческаго достоинства презрительностью. Для него это большинство населенія есть просто *стадо, быдло* (bydlo), для него вѣра этого быдла есть мужичья вѣра (chłopska wiara), и языкъ этого населенія — холопскій. Какъ бы ни былъ правъ хлопъ, но всякое рѣшеніе въ его пользу въ этомъ краю разсматривается, какъ снисходительность; причемъ и тутъ не мудрено услышать даже отъ молодыхъ людей, что этотъ народъ не заслуживаетъ снисхожденія. Если такого рода взгляды существуютъ еще теперь, то въ старину, во времена самостоятельности Польши, когда Бѣлоруссія была подчинена полякамъ, русскому населенію края приходилось испытывать тяжелый гнетъ. Взирая на народъ съ высоты своего панскаго величія, поляки давили въ немъ всякое проявленіе самостоятельности. Отсюда понятна та забитость и та приниженность, которыя поражаютъ въ бѣлоруссѣ всякаго наблюдателя. Такую же участь испытали и тѣ малороссы, которыхъ судьба привела къ подчиненію польскимъ панамъ. Достаточно указать хоть на крестьянъ-малоруссовъ западныхъ частей Волынской и Подольской губерній [1]).

[1]) Весь волынско-подольскій край къ западу отъ р. Случи былъ мѣстомъ развитія крѣпостного права, и слѣды его вліянія сохранились еще до сихъ поръ въ мѣстномъ малорус-

Усердными помощниками цольскихъ пановъ въ порабощеніи и уничтоженіи въ бѣлоруссахъ самостоятельности были евреи. Водворясь въ Бѣлоруссіи въ раннія времена, они направили свою дѣятельность на выжиманіе сока изъ бѣднаго мужика. «Еврей, замѣчаетъ нашъ извѣстный этнографъ г. Максимовъ,—господинъ и основной рычагъ всего достоянія бѣлорусса. Онъ забралъ въ свои руки и жизнь и всѣ достатки народа: уродился хорошо хлѣбъ—еврей откупилъ его уже на корню; родился здоровый жеребенокъ — онъ будетъ въ рукахъ еврея. Запасся крестьянинъ на зиму сѣномъ — его возьметъ за безцѣнокъ еврей; завелся грошъ, полученный за возъ дровъ, проданныхъ въ городѣ—и грошъ будетъ въ рукахъ еврея, который умѣетъ держать этотъ грошъ крѣпко и выпускаетъ его съ осторожностью и оглядкой. Бѣлоруссъ — кабальный должникъ еврея, и долгъ, и рабство эти растутъ съ каждомъ годомъ, съ каждымъ днемъ».

Гнетъ, который приходилось испытывать бѣлоруссу отъ поляковъ и евреевъ, подавили въ немъ всякую энергію. Онъ привыкъ влачить жалкое существованіе, не помышляя о лучшемъ. Неблагопріятныя уловія жизни отра-

---

скомъ населеніи,—въ низкопоклонствѣ, раболѣпствѣ. Напротивъ, на востокъ отсюда, гдѣ сильна была казачина, охранявшая самостоятельность народа, населеніе отличается совсѣмъ иными чертами характера.

зились какъ на физической, такъ и на духовной природѣ бѣлорусса. Бѣлоруссъ поздно развивается и быстро старѣется. Въ 20 лѣтъ многіе изъ бѣлоруссовъ имѣютъ видъ 15 лѣтнихъ дѣтей, а въ 30 лѣтъ представляютъ уже стариковъ. Кожа у бѣлорусса морщиниста и шаршава. Онъ зачастую страдаетъ различными тѣлесными недостатками. Оттого къ военной службѣ большинство бѣлоруссовъ оказывается совершенно негодными. Такъ, одинъ разъ изъ 40 человѣкъ, очередныхъ къ рекрутскому набору, едва-едва набралось 8 чел. въ Слуцкѣ и 12 въ Бобруйскѣ. У большей части пальцы были сведены крючкомъ, лишены способности гнуться. Всѣ болѣзни бѣлоруссовъ, живущихъ въ одной и той-же губерніи съ великоруссами (напр., въ Смоленской) при одинакихъ условіяхъ, длительнѣе и сложнѣе.

Если мы отъ физическихъ качествъ бѣлорусса обратимся къ его умственнымъ способностямъ, то увидимъ, что онѣ находятся въ совершенной гармоніи съ физическою природою. Обладая слабымъ организмомъ, развиваясь очень медленно и скоро старѣясь, бѣлоруссъ носитъ въ умственномъ отношеніи отпечатокъ не то дѣтской недоразвитости, не то старческой слабости. Туповатость составляетъ едва-ли не главную умственную особенность бѣлоруссовъ. «Мнѣ извѣстны, говоритъ одинъ писатель,—парни лѣтъ 25, которые до

того тупы, что не въ состоянiи разсказать обыкновеннаго эпизода, затрудняются, сосчитывая десятки. Понятно, что такой парень уже не въ состоянiи самъ выбрать и сговорить себѣ невѣсту, поэтому и женитъ его отецъ. Мнѣ извѣстенъ случай даже, что, ставъ уже отцомъ, одинъ молодой глава возникающаго семейства на отрѣзъ отказался неумѣньемъ сговорить себѣ для своего ребенка крестнаго отца». Можно-ли отъ подобнаго человѣка ожидать какой-нибудь предпрiимчивости, внесенiя какихъ-либо улучшенiй въ свою практическую жизнь?

Обладая низкими умственными способностями, бѣлоруссъ очень простодушенъ. Правда, онъ старается «быть себѣ на умѣ», и гдѣ можно сплутовать, но плутоватость у него принимаетъ до крайности наивную форму. «При дѣлежѣ сѣна на лугахъ, бѣлоруссъ не упуститъ случая надуть васъ. Нѣкоторыя кучи складываетъ онъ какъ можно рыхлѣе и дѣлаетъ ихъ большими на видъ, другiя же тщательно утаптываетъ. Зная эту продѣлку, говоритъ одинъ хозяинъ,—бывало выбираешь на свою долю исключительно малыя кучи. Изумленiю бѣлорусса нѣтъ предѣловъ; ему и въ голову не приходитъ, что продѣлка его понятна; онъ теряется въ недоумѣнiяхъ». Или, вотъ еще примѣръ. Отправляясь на

толоку [1]) къ сосѣду, для возки навоза, бѣлоруссъ беретъ телѣгу для навоза самыхъ миніатюрныхъ размѣровъ, чтобы не пришлось накладывать возы большихъ размѣровъ и не заморить свою тощую лошаденку. Бѣлоруссъ никакъ не можетъ взять въ толкъ, что такая хитрость обращается къ его собственному ущербу: во-первыхъ, съ маленькою телѣгою придется сдѣлать большее число концовъ, во-вторыхъ, и ему придется подвергнуться такому надувательству, когда онъ самъ соберетъ толоку.

Такое простодушное надувательство можетъ вызвать только улыбку. Но у Бѣлорусса, говорятъ, есть недостатки покрупнѣе. Его винятъ въ томъ, что онъ воровагъ и любитъ предаваться пьянству. Но, терпя во всемъ нужду, при низкомъ уровнѣ умственныхъ способностей, бѣлоруссъ не можетъ сознавать преступности похищенія чужой собственности. Предметомъ воровства служитъ главнымъ образомъ лѣсъ [2]).

Что касается другого порока—пьянства, то оно представляетъ общій недостатокъ племенъ,

---

[1]) Толока—тоже, что помочи у великоруссовъ, т. е. даровая обработка крестьянами земли сообща у кого нибудь изъ сосѣдей.

[2]) Нужно прибавить, что крестьяне вообще, не одни только бѣлоруссы, не считаютъ преступленіемъ похищеніе чужого лѣса: лѣсъ они считаютъ даромъ божіимъ; его никто не ростилъ, разсуждаютъ крестьяне, и потому имъ можетъ пользоваться всякій.

стоящихъ на низкой ступени и влачащихъ жалкое существованіе.

Приводятъ, какъ хорошую черту характера бѣлорусса, его привязанность къ родинѣ. Не смотря на то, что земля бѣлорусса дурна, онъ съ неохотою покидаетъ ее и переходитъ на лучшую, предпочитая всему свою «батьковщину». Бывало много примѣровъ, что бѣлоруссовъ переводили на лучшія земли, но они предпочитали возвращаться на прежнія, плохія. Едвали, однако, такого рода привязанность можетъ считаться достоинствомъ. Скорѣе она можетъ служить свидѣтельствомъ мизерности требованій бѣлорусса, его привычки не жить, а «прозябать».

Языкъ бѣлоруссовъ, благодаря разнороднымъ вліяніямъ, которымъ онъ подвергался, представляетъ много особенностей. Въ бѣлорусское нарѣчіе вошло много польскихъ словъ. Но такъ какъ между бѣлоруссами существуютъ и православные, и католики, то въ языкѣ тѣхъ и другихъ есть особенности. Католики подверглись большему вліянію польскаго элемента, и потому въ ихъ языкъ вошло болѣе и польскихъ словъ. Конечно, какъ у православныхъ, такъ и католиковъ еще больше общихъ словъ, потому что польско-католическое вліяніе не могло изгладить между ними коренныя черты языка. Кромѣ многихъ польскихъ словъ, языкъ бѣлоруссовъ представляетъ другую характерную особенность — *дзеканіе.*

Приставка буквы *з* къ согласнымъ *д* и *т* замѣчается передъ всѣми мягкими гласными. Бѣлоруссъ говоритъ хадзиць вмѣсто ходить, будзь вм. будь и т. д. Впрочемъ, подобно тому, какъ въ языкѣ великоруссовъ и бѣлоруссовъ существуютъ разные говоры, такъ и къ югу, гдѣ бѣлорусское населеніе встрѣчается съ малорусскимъ, въ бѣлорусскомъ языкѣ представляются слѣды вліянія послѣдняго. Возьмемъ для примѣра приведенное выше слово ходить: въ прошедшемъ времени множ. число чисто по бѣлорусски будетъ хадзили: въ дер. Хотыничахъ, первой по тракту изъ Минска въ Пинскъ, говорятъ ходзили, въ слѣдующей деревнѣ, Бобрикѣ—ходили, еще далѣе, въ Плоскиняхъ—ходылы.

---

15. Бѣлоруссы.

II.

Жилище, одежда и пища бѣлоруссовъ.—Земледѣліе.—Скотоводство.—Побочные промыслы.

Отъ обитателей перейдемъ къ ихъ жилищамъ. Деревни у бѣлоруссовъ чаще всего представляютъ одну улицу, на которую выходятъ окна. Мѣсто для деревни избирается преимущественно близъ рѣки. Нерѣдко бываетъ, что деревня располагается среди бо-

лотъ, такъ что обитатели должны утопать въ грязи. Но они такъ свыклись съ этимъ положеніемъ, что о перенесеніи селитьбы на болѣе сухое мѣсто и не помышляютъ. Около многихъ деревень лѣпятся одинокія хижины бобылей и бобылокъ. Этотъ людъ (отставные солдаты или солдатки, безземельные дворовые) имѣетъ только хату, да на придачу иногда маленькій огородъ. Земли у него нѣтъ. Оттого онъ долженъ наниматься въ работу къ другимъ. Особенно печальна участь бобылокъ— зимою онѣ вынуждены побираться. Для бобылки, обремененной ребятами, сборъ подаянія— единственное средство не погибнуть съ голода. Селенія бѣлоруссовъ не велики. Восемь дворовъ составляютъ въ Бѣлоруссіи уже порядочную деревню. Несравненно чаще попадаются деревни по 3—4 двора. Однако, въ послѣднее время число дворовъ увеличивается. Это зависитъ не столько отъ приращенія населенія, сколько отъ семейныхъ дѣлежей. Прежде бѣлоруссы жили болѣе обширными семьями: подъ одною и тою-же кровлею нераздѣльно обитали старикъ-отецъ и его женатые сыновья. Но такъ какъ при этомъ между молодыми бабами постоянно возникали ссоры, то женатые стали отдѣляться отъ отцовъ. Отсюда селенія бѣлоруссовъ стали увеличиваться.

Селитьба бѣлорусса незавидна. Постройка вся деревянная, безъ фундамента, прямо на

землѣ. Срублены избы неумѣючи изъ тонкихъ бревенъ (вершка въ четыре-пять въ поперечникѣ); такихъ бревенъ кладется рядовъ 18, а иногда и менѣе; щели между ними забиваются кое-какъ мохомъ, который черезъ нѣсколько времени вываливается, особенно по угламъ. Крыша соломенная или изъ драни. Половъ внутри нѣтъ: ихъ замѣняетъ земля. Вообще бѣлоруссъ не мастеръ возводить постройки. Онъ не безъ удивленія смотритъ на работу захожаго калужскаго плотника, и о хорошо сдѣланномъ срубѣ говоритъ: «Это русскіе работали, гдѣ же намъ. Это русская работа». Внутреннее расположеніе бѣлорусскихъ избъ почти вездѣ одинаково: на право отъ входа—печь, на лѣво—ящикъ (судникъ) изъ неоструганныхъ досокъ, аршина въ полтора вышиной. Противъ печи помѣщается столъ изъ двухъ-трехъ грубыхъ, неоструганныхъ досокъ на осиновыхъ подпорахъ. Надъ столомъ въ углу образа, на украшеніе которыхъ обращается главное вниманіе: изображенія святыхъ вставляются въ божницы съ рѣзьбою; ихъ покрываютъ бѣлыми полотенцами, съ цвѣтными узорами по краямъ. Отъ передняго угла вдоль стѣнъ, направо и налѣво, идутъ грубыя скамьи. Кроватей вовсе нѣтъ; ихъ замѣняетъ или земляной полъ, или особый помостъ между печью и стѣною, аршина на два отъ земли, а надъ нимъ—полати. Пространство между нижнимъ по-

мостомъ и землею забирается досками и служитъ для храненія разныхъ вещей; тутъ же помѣщается зимою и мелкій скотъ (овцы, свиньи, особенно же ягнята). На стѣнахъ кое-гдѣ вбиты деревянные гвозди для вѣшанья платья и часто употребляемыхъ инструментовъ. Освѣщается изба крайне скудно: болѣе двухъ оконъ о шести крошечныхъ стеклахъ въ избѣ бываетъ рѣдко. Съ теченіемъ времени стекла разбиваются, и тогда ихъ замѣняютъ лучины или тряпки, такъ что часто свѣтъ пробивается всего двумя, тремя уцѣлѣвшими стеклами, пока не подвернется какой-нибудь прохожій еврей-стекольщикъ, который вставитъ стекла. У многихъ сохранились еще курныя избы. Кромѣ избы, принадлежность каждаго крестьянскаго двора составляетъ амбаръ (клець), гдѣ устраивается *закромъ* для ссыпки зерноваго хлѣба; тутъ же помѣщаются и съѣстные припасы, также платье, сбруя, словомъ—большая часть имущества. Между избою и «клецью»—сѣни, служащія въ зимнее время мѣстомъ для кормленія коровъ. Хлѣвъ состоитъ иногда изъ простого навѣса, обнесеннаго плетнемъ. Яслей вовсе нѣтъ, и кормъ бросается прямо наземь, возлѣ стѣнъ. Рядомъ съ хлѣвомъ ставится сарай (пуня) для сѣна и соломы. Между этими постройками устраивается погребъ-яма. Зимой здѣсь хранятъ заквашенную капусту и бураки.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ двора по-

мѣщается *гумно*. Бани бываютъ маленькія, безъ предбанника. Все вниманіе при устройствѣ бань обращается на кладку печи, поверхность которой стараются сдѣлать какъ можно обширнѣе. Баня играетъ одну изъ главныхъ ролей во время провожденіи бѣлорусса: спанье на полатяхъ, баня и сидѣнье въ кабакѣ составляютъ для него, вообще, самыя любимыя наслажденія.

Домашняя утварь у бѣлорусса такая же невзрачная, какъ и самое жилище. Она состоитъ изъ вещей крайней необходимости— и крайне грубой работы. Кушанья варятся обыкновенно въ глиняныхъ горшкахъ. Глиняная же посуда служитъ и для молочныхъ сконовъ. Единственная металлическая посуда въ нѣкоторыхъ избахъ—котелокъ для кипяченія воды. Тарелки, а тѣмъ паче вилки извѣстны только развѣ зажиточнымъ крестьянамъ, да и тѣ держатъ эти вещи для торжественныхъ случаевъ—для угощенія священника или волостнаго писаря. Единственное орудіе для ѣды—деревянная ложка, которою часто пользуются двое по очередно. Къ числу утвари принадлежитъ и ручной жерновъ, такъ какъ въ Бѣлоруссіи до сего времени мелятъ хлѣбъ на ручныхъ жерновахъ. Признакъ стремленія къ нѣкоторому комфорту представляетъ распространеніе самоваровъ, которые, въ качествѣ украшенія, выставляются въ избѣ бѣлорусса на болѣе видномъ мѣстѣ.

Одежда, головные уборы и обувь бѣлорусса неказисты видомъ. На головахъ мужчины носятъ «магерки»—шляпы, или вѣрнѣе, колпаки, валеные изъ домашней шерсти доморощенными «шаповалами», странствующими, подобно великорусскимъ шерстобитамъ, изъ деревни въ деревню. На ногахъ бѣлоруссы носятъ лапти безъ пятокъ, сдѣланные кое-какъ. Одеждою служитъ короткая суконная свита, суконныя панталоны и бѣлая рубаха съ прямымъ воротомъ. Роль пояса играетъ часто просто полотенце. Въ зимнее время носятъ бѣлые суконные зипуны, надѣваемые поверхъ бѣлаго дубленаго полушубка.

Верхняя одежда женщинъ не отличается отъ мужской. Въ бѣдныхъ семействахъ часто одинъ и тотъ же кафтанъ служитъ нѣсколькимъ членамъ, безъ различія пола, и надѣваетъ его тотъ, кому надо выйдти на улицу. Спеціально женская одежда состоитъ изъ юбки и безрукаваго краснаго лифа («кабатъ»). Головной уборъ у дѣвушекъ составляютъ ленты, вплетаемыя въ косы; сверху головы покрываются платками. Замужнія женщины носятъ на головѣ что-то въ родѣ турецкой чалмы изъ бѣлаго холста, съ опущенными на спину концами.

Преобладающій цвѣтъ бѣлорусскаго одѣянія—бѣлый: не только нижнее бѣлье, кафтаны и полушубки имѣютъ у нихъ этотъ

цвѣтъ, но даже шапки и головные уборы женщинъ.

Однако въ послѣднее время, къ бѣлоруссамъ, какъ и къ великоруссамъ, стали проникать «моды». Женскій полъ сталъ увлекаться ситцами, въ его нарядахъ теперь начинаетъ дѣлаться замѣтною пестрота. Молодые франты натягиваютъ на себя цвѣтные жилеты. Лапти, по крайней мѣрѣ, въ праздничное время. замѣняются сапогами. А недавно было время, что надъ парнемъ, явившемся въ деревенское общество въ сапогахъ, товарищи подсмѣивались, какъ надъ франтомъ вычурной моды.

Пища бѣлоруссовъ крайне плохая. Ихъ прозвали *мезговиками*: *мезга*, по-бѣлорусски— внутренняя оболочка сосновой коры, которую бѣлоруссы употребляютъ въ пищу. Молодая, еще не успѣвшая затвердѣть, оболочка внутренней части сосновой коры сушится, толчется и прибавляется къ мукѣ, потому что хлѣба хватило бы не болѣе какъ на $^3/_4$ года. Самый хлѣбъ плохого качества. Бѣлоруссы употребляютъ хлѣбныя зерна смолотыми съ шелухой или съ мякиной. Вслѣдствіе этого печеный хлѣбъ походитъ на высохшій комъ грязи. Употребляютъ еще хлѣбъ изъ смѣси овса, гречи, ячменя и ржи («субаръ», сборъ). Въ чистомъ видѣ муки бѣлоруссы, даже богатые, никогда не употребляютъ, но иногда лакомятся *кулѣшомъ*: разболтаютъ ржаной муки

въ горячей водѣ, сдѣлавъ нѣчто въ родѣ клейстера, и ѣдятъ эту неудобоваримую пищу. Оттого между бѣлоруссами замѣчается сильное развитіе брюшныхъ болѣзней, острый катарръ кишекъ, острое худосочіе, которое можно назвать *племеннымъ*, и, наконецъ, какъ результатъ всего — вырожденіе племени. (Къ этому нужно прибавить—сильно распространенную болѣзнь *колтунъ*). Другую необходимую принадлежность пищи бѣлорусса составляетъ *свиное сало*. Безъ сала и свинины не разгавливаются. Сало выговаривается рабочими при наймахъ. Дрянная колодезная или болотная вода служитъ для питья.

Недостатокъ хорошей, удобоваримой пищи бѣлоруссъ старается наверстать частою ѣдою [1]). Лѣтомъ онъ ѣстъ четыре раза въ день: по утру, часовъ въ 8, днемъ въ 11 (завтракъ) и въ 3 (обѣдъ), и вечеромъ (ужинъ) часовъ въ 8. Зимою ѣстъ три раза.

Чаепитіе мало-по-малу начинаетъ распространяться и въ средѣ бѣлоруссовъ. Чай обыкновенно употребляется не настоящій, а мѣстнаго приготовленія. Фабрикуется онъ въ г. Шкловѣ евреями изъ листьевъ иванъ-чая, съ

---

[1]) Тоже самое замѣчается въ Китаѣ. Китайцы, какъ извѣстно, питаются пищею преимущественно растительною. Поэтому, какъ сообщаетъ нашъ извѣстный путешественникъ по Китаю, докторъ Пясецкій, они прибѣгаютъ къ ѣдѣ очень часто. Случается, что китаянки ночью встаютъ для того, чтобы сварить что-нибудь на скорую руку и съѣсть.

подмѣсью спитаго настоящаго. Невзыскательному бѣлоруссу мало дѣла до того, какую мерзость сбываютъ ему жиды подъ видомъ чая: если потъ прошибаетъ—значитъ напитокъ удовлетворяетъ своему назначенію.

Можетъ быть, сколько отъ низкаго развитія, столько же вслѣдствіе недостатка хорошаго питанія бѣлоруссъ прибѣгаетъ часто къ водкѣ. Извѣстно, что спиртъ способствуетъ выдѣленію въ желудкѣ пищеварительной жидкости—желудочнаго сока. Употребляя разные неудобоваримые предметы, бѣлоруссъ долженъ усиливать дѣятельность желудка искусственнымъ образомъ, при помощи водки.

Земледѣліе для бѣлорусса—почти исключительное занятіе, промыслы, которые могли бы, какъ у великоруссовъ, служить подспорьемъ къ средствамъ, получаемымъ отъ хлѣбопашества, у него почти отсутствуютъ, а между тѣмъ и земледѣліе-то, по причинѣ плохой почвы и дурной ея обработки, находится въ очень печальномъ положеніи.

Уже по домашней обстановкѣ бѣлорусса, его жилищу, одеждѣ и пищѣ, можно заключить о томъ, что хозяйство его идетъ не важно.

Земледѣльческія орудія бѣлорусса представляютъ сходство съ великорусскими, если же и отличаются, то развѣ лишь тѣмъ, что они еще хуже. Поля воздѣлываются сохою и боронятся боронами, которыя въ нѣкоторыхъ

мѣстахъ дѣлаются изъ *смычья*, т. е. осколковъ еловаго дерева, на которыхъ оставляется нѣсколько сучьевъ. Такія бороны очень легки; онѣ употребляются на песчаныхъ боровыхъ почвахъ. Жнутъ хлѣбъ серпами. Лишь гречу и горохъ снимаютъ косою. Телѣги—съ деревянными осями и нерѣдко колесами безъ шинъ. Въ телѣгѣ, по большей части, не найдется ни одного гвоздя. Эти телѣги служатъ какъ для возки хлѣба и навоза, такъ и для ѣзды самихъ хозяевъ. У болѣе достаточныхъ есть телѣги двухъ родовъ: однѣ русскія съ расширяющимся спереди кузовомъ, другія спеціально навозныя. Первыя употребляются для ѣзды и извоза, вторыя же для навоза.

Въ зимнюю пору для возки соломы, сѣна и ѣзды употребляются розвальни, а для возки дровъ и бревенъ—дровни (похожія на первыя, лишь безъ откосовъ). Цѣна этихъ дровней еще недавно была баснословно дешева. Ихъ продавали въ ближайшемъ городѣ гривенъ за восемь.

Лошадиная упряжь такая же не хитрая. Хомутина очень часто просто свита изъ соломы. Вся остальная упряжь веревочная.

Лошади, на которыхъ производится обработка земли, отличаются безсиліемъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Могилевской и Минской губерніи обработываютъ землю и на волахъ, но работа на нихъ идетъ очень мед-

ленно. Изрѣдка употребляютъ въ работу и коровъ.

Хозяйство въ Бѣлоруссіи такое же, какъ въ Великорусскомъ краѣ, именно *трехпольное*. Полученный бѣлорусскимъ крестьяниномъ земельный надѣлъ, при практикуемой имъ системѣ хозяйства и при постоянномъ увеличеніи числа ѣдоковъ, въ видѣ нарождающихся дѣтей, не достаточенъ для пропитанія, а потому бѣлоруссъ вынужденъ часто «прихватывать» землю у помѣщиковъ въ аренду. Это, однако, не столько служитъ къ увеличенію его средствъ жизни, сколько ведетъ къ усложненію работы. Увеличивая земельное пространство, онъ въ тоже время затрудняетъ себѣ его обработку. Почва Бѣлоруссіи, какъ мы видѣли, не отличается доброкачественностью. Суглинокъ, болота да валуны—вотъ ея характерныя черты.

Въ губерніяхъ Смоленской, Могилевской, Витебской и Минской въ крестьянскомъ, преимущественно подворномъ наслѣдственномъ владѣніи находится около 40% всей земли. Пахотныя земли въ этихъ губерніяхъ распредѣляются довольно равномѣрно, составляя около 27% всего пространства. Всѣ вообще эти губерніи принадлежатъ къ мѣстностямъ, потребляющимъ, кромѣ своего, и привозный хлѣбъ, но не вездѣ нужда въ привозномъ хлѣбѣ одинаково ощутительна. Почти вся Могилевская губернія, бѣлорусскіе уѣзды (кромѣ

Велижскаго) Витебской и шесть южныхъ (бѣлорусскихъ) уѣздовъ Смоленской губерніи обладаютъ почвой очень неплодородной и потому, при среднихъ урожаяхъ, не имѣютъ избытка въ хлѣбѣ, хотя земледѣліе является главнымъ занятіемъ жителей и обработывающая промышленность слабо развита. Въ этой области общинный способъ пользованія землею рѣшительно преобладаетъ надъ подворнымъ. Другую область составляютъ лѣсистые и болотистые уѣзды Минской губерніи, расположенные по Припети и Березинѣ (Пинскій, Мозырскій, Рѣчицкій, Бобруйскій, Игуменскій, Борисовскій). Область эта имѣетъ очень рѣдкое населеніе, пахотныхъ земель среди здѣшнихъ лѣсовъ и болотъ немного и онѣ занимаютъ не болѣе одной пятой всего пространства. Но зато здѣшняя почва, иловатая и не такъ истощенная, какъ въ предыдущей области, при среднихъ урожаяхъ, даетъ нѣкоторые хлѣбные избытки. Отъ предыдущей области эта отличается тѣмъ, что здѣсь только одна двадцатая часть крестьянскихъ земель находится въ общинномъ владѣніи, а все остальное въ подворномъ.

Минскій, Новогрудскій и Слуцкій уѣзды Минской губерніи принадлежатъ къ самымъ плодороднымъ мѣстностямъ Бѣлорусской области, при среднихъ урожаяхъ даютъ постоянный избытокъ хлѣба, и потому сравнительно густо заселены. Всѣ крестьянскія земли этой

мѣстности находятся въ подворномъ владѣніи. Въ сѣверо-западномъ углу Бѣлорусскаго края находятся четыре, такъ называемыхъ, Инфлянтскихъ уѣзда Витебской губерніи (Двинскій, Дриссенскій, Люцинскій, Рѣжицкій), населенныхъ главнымъ образомъ латышами. Тщательно обработываемые и обладающіе довольно плодородной почвой, эти уѣзды не страдаютъ отъ безхлѣбья.

Уѣзды Порѣчскій и Бѣльскій Смоленской губерніи и Велижскій Витебской большею частію покрыты лѣсными зарослями, имѣютъ наименьшее во всей области количество пахатныхъ земель; почва здѣсь мало-плодородна, хлѣба въ обыкновенные годы не хватаетъ для прокормленія. Въ крайнемъ сѣверо-восточномъ углу Бѣлорусскаго края: Гжатскомъ, Сычевскомъ, Вяземскомъ и Юхновскомъ уѣздахъ Смоленской губерніи, населенныхъ почти исключительно великоруссами, площадь пахатныхъ земель очень значительна, лѣса, сильно истреблены и земледѣліе составляетъ главное занятіе жителей, но, при скудости почвы, прокормить оно не можетъ, и потому здѣсь развились отхожіе промыслы, чему способствуетъ и близость столицы. Въ послѣднихъ двухъ областяхъ крестьянскія земли, за весьма немногими исключеніями, находятся въ общинномъ владѣніи.

Изъ хлѣбныхъ растеній въ Бѣлоруссіи разводятся тѣ-же породы, какія и въ Велокорос-

сіи, а именно: *рожь*, *овесъ*, затѣмъ *ячмень*, *гречиха* и *пшеница*. Рожь составляетъ главное растеніе [1]). Пшеница, ячмень [2]) и овесъ разводятся въ количествѣ, необходимомъ для собственнаго крестьянскаго обихода. Изъ ячменя готовятъ крупу для каши, овесъ служитъ для приготовленія муки на кисель, или прокормленія скота. Лишь въ самые урожайные годы ячмень и овесъ родятся въ такомъ количествѣ, что земледѣлецъ можетъ продать ихъ на сумму, достаточную для уплаты податей. Деньги-же даетъ (изъ хлѣбныхъ растеній) главнымъ образомъ рожь.

Далѣе разводится: *греча* [3]), дающая, какъ неприхотливое къ почвѣ растеніе, превосходные урожаи, и *горохъ*, идущій, между прочимъ, на откармливаніе свиней. На западѣ Бѣлорусской области много сѣется *картофеля*, служащаго главною пищею въ зимнее время и сбываемаго на рынкахъ. Изъ другихъ корнеплодовъ воздѣлываются немногіе виды для домашняго употребленія. При плохой,

---

[1]) *Ржаные* посѣвы изъ всей засѣянной площади въ Смоленской губерніи занимаютъ—47,5%; въ Могилевской—48,3%; въ Витебской—32,8%; въ Минской—48,1%.

[2]) Посѣвы *ячменя* изъ всей засѣянной площали въ Смоленской губ. занимаютъ 8,6%; въ Витебской—14,9%; въ Могилевской—7,5%; въ Минской—7,9%. Посѣвы *овса:* въ Смоленской—28,6%; Витебской—20%; Минской—10%; Могилевской—19,2%.

[3]) Посѣвы *гречихи* изъ всей засѣянной площади занимаютъ въ Могилевской губ. 13,9%; въ Смоленской—3,1%; въ Витебской—0,8%; въ Минской—8,7%.

скудной почвѣ и неудовлетворительной ея обработкѣ, урожаи въ Бѣлоруссіи бываютъ очень скудные [1]). Поэтому бѣлоруссъ не можетъ заготовить потребное количество хлѣба на цѣлый годъ; хлѣба хватаетъ мѣсяцевъ на 8, такъ что на остальные четыре, а иногда и болѣе, онъ вынужденъ питаться самою скудною пищею. Рѣдкій домохозяинъ можетъ обойтись своимъ хлѣбомъ до начала лѣта, большая же часть крестьянъ въ концѣ зимы занимаетъ хлѣбъ. Въ муку при этомъ прибавляютъ чуть не половину мякины, все это превращается въ массу, даже не напоминающую своимъ видомъ тѣста. Хлѣбъ выходитъ крайнѣ плохой—черный, вредный для желудка. При такихъ условіяхъ семья бѣлорусса съ нетерпѣніемъ дожидается наступленія весны и теплыхъ дней. Какъ только появится зелень, бабы и дѣти пускаются толпой, собирая почти всякое растеніе, не исключая даже болотныхъ травъ, напримѣръ, корня бобовника (calla palustris), который опариваютъ кипяткомъ, сушатъ и, размоловъ, подсыпаютъ въ хлѣбъ.

Большую поддержку въ хозяйствѣ бѣло-

---

[1]) Урожайность *ржи* съ одной казенной десятины въ четвертяхъ: въ губ. Смоленской—4,5; Могилевской—3,6; Витебской—3,6; Минской—3,4.

Урожайность *овса*: въ Смоленской г.—6,9; Могилевской—6,8; Минской—5; Витебской—6,5 четвертей съ 1 казен. десятины.

русса тамъ, гдѣ разводится ленъ, даетъ послѣдній. Онъ не даетъ непосредственнаго продукта для питанія, какъ хлѣбъ, но за то приноситъ деньги. Десятина льна можетъ доставить рублей 40—50. Почва въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлорусскаго края вполнѣ благопріятствуетъ разведенію этого растенія. Наиболѣе значительное пространство посѣвы льна занимаютъ въ губерніяхъ Витебской и Смоленской [1]) и здѣсь крестьяне главное вниманіе обращаютъ на льноводство. Ленъ идетъ за границу подъ именъ рижскаго. Къ несчастію, значительная часть барышей проскользаетъ у бѣлорусса между пальцевъ. Дѣло въ томъ, что кредиторъ (обыкновенно еврей) во время нужды ссужаетъ крестьянина хлѣбомъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы ленъ былъ проданъ не кому иному, какъ только ему, кредитору. Нужда заставляетъ крестьянина согласиться на это условіе. Пользуясь этимъ, кредиторы назначаютъ цѣну на ленъ, какую вздумаютъ, и крестьянинъ поневолѣ долженъ на это согласиться. Кромѣ льна, крестьяне разводятъ *коноплю*. Посѣвы конопли болѣе значительны въ Смоленской и Могилевской губерніяхъ. Въ Смоленской губерніи конопля служитъ великимъ подспорьемъ въ крестьянскомъ хо-

[1]) Въ 1886 г. на 100 кв. верстъ общей площади подъ посѣвомъ льна находилось десятинъ: въ Смоленской—90; Витебской—96; Могилевской—38; Минской—26. *Конопли:* въ Смоленской—17; Могилевской—9; Минской—5; Витебской—2.

зяйствѣ. Пенька идетъ на веревки и на подати, сѣмя даетъ масло для домашняго употребленія и жмыхъ для скота. Не будь жмыха, то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при недостаткѣ покосовъ, рогатаго скота и лошадей пришлось бы убавить на двѣ трети. Въ жмыхѣ содержатся тѣ самыя соли, которыя составляютъ почвенное богатство и тѣ самыя органическія вещества, которыя нужны для правильнаго кормленія скота въ дополненіе къ сухимъ кормамъ. У зажиточныхъ крестьянъ Смоленской губерніи есть маслобойныя заведенія, устройство которыхъ стоитъ очень дешево, а между тѣмъ эти маслобойни перерабатываютъ за зиму пудовъ по 700 конопли, оставляя хозяевамъ деньгами или жмыхомъ около 20 к. съ пуда [1]).

Огородничество и садоводство мало развиты въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, хотя коегдѣ играютъ нѣкоторую роль. Такъ Могилевская губернія извѣстна своими яблоками сорта «антоновки», дающими здѣсь лучшіе плоды, нежели въ другихъ мѣстностяхъ. Въ Вяземскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи садоводство сдѣлалось крестьянскимъ, народнымъ промысломъ и пригородныя селенія города Вязьмы занимаются продажею не только плодовъ, но и садовыхъ деревьевъ.

Если судить по количеству скота, то ското-

---

1) С. Ѳ. Шараповъ, „По русск. хозяйствамъ". М. 1893 г.

водство въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, находится не въ худшемъ положеніи, чѣмъ во многихъ другихъ частяхъ Имперіи. Здѣсь приходится лошадей на 100 жителей 21 голова, крупнаго рогатаго скота 26 головъ, овецъ 24 головы. Но качественно бѣлорусское скотоводство стоитъ на очень низкой степени. Лошадь здѣсь мала и безсильна. Больше 10 пудовъ она не всегда въ состояніи свезти. Стащить 10 пудовъ на возу—для нея уже тяжкое бремя. Косматая, съ грязною растрепанною шерстью, тощая и нескладная, она напоминаетъ своего хозяина. Въ довершеніе всего, подобно ему, она подвергается мѣстной болѣзни—колтуну. Единственное достоинство бѣлорусской лошади составляетъ ея выносливость, довольство самымъ негоднымъ кормомъ. Прочія домашнія животныя бѣлорусса также плохи. Онъ держитъ коровъ, овецъ и свиней, но всѣ онѣ принадлежатъ къ такимъ породамъ, хуже которыхъ едва-ли что-нибудь можно себѣ представить. Иная бѣлорусская корова вѣсомъ не болѣе 8 пуд., т. е. немного болѣе, чѣмъ хорошая англійская овца. Даже при старательномъ за нею уходѣ она во все лѣто не даетъ пуда масла. Впрочемъ, въ послѣднее время кое-гдѣ начали улучшать породу рогатаго скота и въ Смоленской губерніи и нѣкоторыхъ мѣстахъ другихъ губерній начало развиваться молочное хозяйство и сыровареніе. Овцеводство въ бѣлорусскихъ гу-

берніяхъ слабо развито, такъ какъ лѣсисто-болотистый характеръ мѣстности не представляетъ большихъ удобствъ для этой отрасли скотоводства. Свиноводство развито сильнѣе, потому что безъ сала бѣлоруссъ обойтись не можетъ, но все-таки оно уступаетъ свиноводству въ литовскихъ губерніяхъ.

Послѣ хлѣбопашества и скотоводства первую роль въ хозяйственной жизни Бѣлорусской области играютъ промыслы лѣсные: рубка и сплавъ лѣса, гонка смолы, дегтя, приготовленіе поташа и т. д. Лѣсные промыслы во всей области занимаютъ десятки тысячъ рукъ. Смолу («колоницу») гонятъ изъ выкорчеванныхъ пней, главнымъ образомъ хвойныхъ, а деготь добывается изъ бересты. Добываніе смолы и дегтя производится самымъ первобытнымъ способомъ. Въ землѣ дѣлается яма, и въ нее кладется матеріалъ. Продукты перегонки не отводятся при помощи трубокъ, по мѣрѣ образованія, какъ это дѣлается въ сѣверныхъ губерніяхъ Великороссіи, а оставляются въ самой ямѣ, откуда и вычерпываются послѣ очищенія отъ перегорѣвшаго матеріала. Прочіе лѣсные промыслы—дранье лыкъ и бересты на продажу.

Главные лѣсные промыслы—гонка и сплавъ лѣса. Но бѣлоруссамъ, нанимающимся на эти промыслы, нерѣдко приходится испытывать всевозможныя прижимки отъ лѣсоторговцевъ, большею частію евреевъ. Въ Могилевской гу-

бернiи евреи законтрактовываютъ для весенняго сплава лѣса цѣлыя крестьянскiя общества. Половина платы идетъ на взносъ недоимокъ, а другую еврей обязуется отдать по прибытiи лѣса на мѣсто. Ранней весною, по колѣна въ водѣ, рабочiй вяжетъ плоты, а потомъ пускается въ путь—къ Херсону. По причинѣ плохихъ условiй рабочiе во время пути часто хвораютъ, условленная плата забирается впередъ на харчи и на водку и, по прибытiи на мѣсто, сплавщикъ остается съ однимъ паспортомъ въ рукахъ, безъ копейки денегъ и нерѣдко еще больной.

Больницы Херсона, Кременчуга и другихъ приднѣпровскихъ городовъ часто бываютъ наполнены такими несчастными. Густая сѣть сплавныхъ рѣкъ и желѣзныя дороги облегчаютъ вывозъ лѣса и лѣсныхъ произведенiй во всѣ стороны, и потому лѣса Бѣлоруссiи уже сильно порѣдѣли. Только въ болотистомъ Пинско - Березинскомъ Полѣсьѣ бѣлорусскiе лѣса сохранились въ ихъ первобытномъ видѣ, съ ихъ растительнымъ и животнымъ мiромъ. Въ этихъ лѣсахъ *охота* имѣетъ еще значенiе промысла. Кромѣ птицъ, здѣсь бьютъ медвѣдей, волковъ, зайцевъ, кабановъ, лосей, сернъ, выдръ, куницъ, рысей, барсуковъ и даже бобровъ, и этотъ промыселъ даетъ заработки многимъ жителямъ Полѣсья.

Гораздо менѣе значенiя имѣетъ *рыболовство*. Какъ промыселъ, оно существуетъ только

въ Витебской губерніи, гдѣ озера отдаются въ аренду. Впрочемъ, выловленная рыба, оцѣниваемая въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, расходится только въ предѣлахъ самой области.

Минеральныя богатства края мало разрабатываются. Въ Бѣлоруссіи много болотной желѣзной руды, но только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ изъ нея добываютъ первобытнымъ способомъ довольно плохого качества желѣзо. Большія залежи торфа также почти совсѣмъ не разрабатываются, такъ какъ, вслѣдствіе малаго количества фабрикъ и заводовъ, еще нѣтъ недостатка въ топливѣ. Изъ минераловъ предметомъ добычи служатъ только: охра, глины (кирпичныя, горшечныя, фаянсовыя), а всего болѣе—известь въ Могилевской и Смоленской губерніяхъ. Особенно славится своею доброкачественностью Оршанская известь, которая ежегодно въ огромномъ количествѣ сплавляется изъ Орши внизъ по Днѣпру.

Въ то время, какъ въ великорусскомъ краѣ, въ мѣстностяхъ бѣдныхъ почвою, развились разнородные кустарные промыслы, у бѣлоруссовъ мы видимъ только слабые признаки существованія послѣднихъ. Бѣлоруссы ограничиваются производствомъ разныхъ предметовъ необходимости лично для себя.

Если какія кустарныя производства и существуютъ въ Бѣлоруссіи, то состоятъ главнымъ

образомъ въ выдѣлкѣ издѣлій изъ дерева. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Витебской и Могилевской губерній выдѣлываютъ телѣги, сани, колеса, дуги, лопаты. Въ первой изъ этихъ губерній занимаются, кромѣ того, производствомъ заслонокъ для печей изъ *осиноваго дерева*, «лучиницъ» (коробокъ изъ тонкихъ еловыхъ лучинъ) и лубянокъ (круглыя коробки изъ луба). Въ другихъ мѣстахъ крестьяне занимаются изготовленіемъ мочалы, лыка, рогожъ, судостроеніемъ и т. п. Обиліе глинянаго матеріала способствовало появленію и распространенію въ Бѣлоруссіи гончарнаго и кирпичнаго производства. Хотя производства эти не играютъ особенно важной роли въ краѣ, тѣмъ не менѣе въ рѣдкой деревнѣ не найдется крестьянина, который не умѣлъ бы дѣлать и обжигать кирпичи и даже класть изъ нихъ печи, а также выдѣлывать и обжигать горшки.

Въ губерніяхъ Могилевской, Смоленской и бѣлорусскихъ уѣздахъ Витебской сильно развиты *отхожіе* промыслы. Главный отхожій промыселъ—гонка и сплавъ лѣса. Смоленская губернія высылаетъ на заработки камнетесовъ, штукатуровъ, плотниковъ, но всего болѣе землекоповъ, чѣмъ въ особенности прославился Юхновскій уѣздъ.

Фабрично-заводская промышленность бѣлорусскихъ губерій занимаетъ весьма скромное мѣсто среди другихъ областей Европейской

Россіи. Первое мѣсто по фабрично-заводскому производству занимаетъ Смоленская губернія, далѣе слѣдуютъ Витебская, Могилевская и Минская. Въ Смоленской губерніи наиболѣе развито *бумаго-прядильное* и *стеклянное* производства, въ Минской и Могилевской—*винокуренное*. Въ Пинскѣ находится одинъ изъ крупнѣйшихъ въ Россіи стеариновыхъ заводовъ.

Бѣлорусскія губерніи, хотя и поставлены по отношенію къ торговлѣ и торговымъ путямъ въ менѣе выгодное положеніе, чѣмъ Литовскія, однако обладаютъ весьма хорошею сѣтью водныхъ и желѣзныхъ путей [1]).

[1]) Желѣзныя дороги Бѣлорусско-Литовскаго Полѣсья: 1) *С.-Петербурго-Варшавская* (средняя часть), выйдя изъ г. Двинска, направляется черезъ г. Вильно, станцію Ландварово, г. Гродно, г. Бѣлостокъ и далѣе на юго-западъ. Такимъ образомъ эта дорога пересѣкаетъ губерніи Витебскую, Виленскую и Гродненскую. 2) *Либаво-Роменская* ж. д., выйдя изъ Либавы, прорѣзавъ въ юго-восточномъ направленіи всю Ковенскую губернію, доходитъ до ст. Ландварово (Варш. ж. д.), близъ города Вильна. Отъ Вильны она идетъ черезъ Минскъ, Бобруйскъ, Гомель и далѣе на юго-востокъ до г. Ромны (Полтавской губ.). 3) *Московско-Брестская* ж. д. соединяетъ Москву съ Брестъ-Литовскомъ черезъ Гжатскъ, Вязьму, Смоленскъ, Оршу, Борисовъ и Минскъ. 4) *Бресто-Граевская* ж. д., начавшись на Прусской границѣ (отъ границы она продолжается въ Пруссіи до города Кенигсберга) со станціи Граево, идетъ на Бѣлостокъ и Брестъ-Литовскъ. Отъ Бреста она выходитъ за предѣлы Гродненской губерніи и идетъ на Кіевъ подъ именемъ *Кіево-Брестской* ж. д. 5) *Двинско-Витебская* и продолженіе ея *Орловско-Витебская* направляется изъ Двинска черезъ Полоцкъ, Витебскъ, Смоленскъ, Рославль и Брянскъ на г. Орелъ. 6) *Полѣсскія ж. дороги:* а) Вильно—Лида—Барановичи — Лунинецъ — Ровно; б) Брестъ—Пинскъ — Лининецъ—Мозырь—Гомель и далѣе—Клинцы—Брянскъ; в) Бѣлостокъ—Волковыскъ—Барановичи.

Перечисленныя нами выше различныя отрасли народнаго труда не обезпечивають въ достаточной мѣрѣ жителей Бѣлорусскаго Полѣсья. Но во всякомъ случаѣ теперь трудъ гораздо лучше оплачивается и хозяйственное благосостоянiе бѣлорусса неизмѣримо выше стоитъ того, что было до освобожденiя бѣлорусскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. По словамъ П. П. Семенова, «всякiй, кто только былъ знакомъ съ бытомъ сельскаго населенiя до и послѣ 1863 года поражается неимовѣрнымъ улучшенiемъ этого быта, особливо въ Минской и Витебской губернiяхъ, а отчасти и въ Могилевской. Не только среднiй уровень благосостоянiя бѣлорусскихъ крестьянъ повысился, но выдвинулись между ними такiя зажиточныя семьи, какихъ не бывало прежде. Проведенiе прекрасной сѣти желѣзныхъ путей еще болѣе подняло экономическое благосостоянiе страны и крѣпко связало ее въ ея экономическихъ интересахъ съ остальными частями Россiи — Великою и Малою Русью. Народная школа должна довершить въ дѣлѣ умственнаго развитiя то, что уже совершилось въ дѣлѣ развитiя экономическаго, а какъ только умственное развитiе будетъ идти рука объ руку съ экономическимъ, то для Бѣлорусской области настанетъ лучшее время и, не смотря на скудость своей почвы, Бѣлоруссъ займетъ въ своей родной

русской землѣ принадлежащее по праву происхожденія мѣсто, не между ея пасынками, а между родными ея сынами».

16. Бѣлоруссы.

III.

Вѣрованія бѣлоруссовъ. — Явные остатки язычества въ христіанствѣ.—Праздники бѣлоруссовъ.

Въ религіозномъ отношеніи бѣлоруссы принадлежатъ частію къ православному, частію къ католическому исповѣданію, первыхъ, впрочемъ, гораздо болѣе. Различие религіи наложило печать особенности и на языкъ тѣхъ и другихъ. Въ языкѣ бѣлоруссовъ католиковъ замѣчается болѣе словъ польскаго происхожденія. Праздники же, чтимые тѣми и другими, носятъ у нихъ точно также неодинаковыя названія. Такъ, Срѣтеніе Господне (12-го февраля) называется у католиковъ «Грамницы», Благовѣщеніе Пресвятой Богородицы (25-го марта) — «Звяставаня Найсвѣнтшай Панны», Рождество Іоанна Предтечи (24-го іюня)—«Яна», Успеніе Пресвятой Богородицы (15-го августа) — «Внебавзенца Найсвѣнтшай Маріи Панны», Рождество Богородицы (8-го сентября), «Нарадзеня найсвѣнтшай Панны», Рождество Христово «Нарадзеня

Христуса», Пасха — «Вельканоцъ», Вознесеніе — «Внебавстанценя Панске», день Св. Троицы «Зялёне свёнтки». Многіе праздники, почитаемые православными бѣлоруссами, католиками вовсе не празднуются (напр., великомученика Георгія, ап. Іоанна Богослова, Николая Чудотворца и пр.). Но есть праздники и обряды, которыхъ и католики придерживаются очень крѣпко. Послѣ Пасхи въ православныхъ церквахъ, какъ извѣстно, раздаются кусочки артоса; случалось, что за нимъ приходили и католики. Почитаніе католиками нѣкоторыхъ праздниковъ и обрядовъ православія объясняется остатками старины, остатками того времени, когда у бѣлорусскаго населенія была одна религія—православная.

Въ религіозномъ отношеніи бѣлоруссъ проявляетъ не менѣе усердія, чѣмъ великоруссъ, но къ его религіознымъ понятіямъ примѣшивается еще болѣе суевѣрій, обломковъ язычества, чѣмъ у великорусса.

Причина этого явленія заключается въ томъ, что великоруссъ, какъ бы то ни было, обладаетъ бо̀льшими умственными способностями, большею воспріимчивостью къ цивилизаціи, и потому бо̀льшимъ развитіемъ. Въ Бѣлоруссіи, при введеніи христіанства, вся масса коснѣвшаго въ язычествѣ народа, весьма поверхностно затронутая его высокими истинами, для избѣжанія нарѣканій и преслѣдованій со стороны своихъ новыхъ духовныхъ па-

стырей, ухитрилась подвести свои старыя вѣрованія подъ новыя заглавія, пріурочивъ ихъ только къ святымъ и угодникамъ непривычной, непонятной ей религіи. У бѣлоруссовъ и теперь еще встрѣчается употребленіе слова «боги». У нихъ сохранились даже названія языческихъ божествъ, вовсе неизвѣстныхъ великоруссамъ. Такъ, во многихъ «дожиночныхъ» пѣсняхъ встрѣчается имя божества «Рай». Это былъ богъ добра, достатка. Въ разныхъ варіантахъ бѣлорусскихъ пѣсенъ онъ является, то подъ своимъ собственнымъ наименованіемъ, то подъ именемъ просто добра.

Затѣмъ въ Бѣлоруссіи христіанскому Богу, Божіей Матери и святымъ присвоены черты простыхъ смертныхъ, которыми надѣляютъ своихъ боговъ язычники.

Удерживая въ себѣ остатки язычества, примѣшивая ихъ къ христіанству, бѣлоруссъ имѣетъ нелѣпыя представленія о мірѣ, добрыхъ и злыхъ силахъ.

Небо бѣлоруссы считаютъ шарообразною горой, сдѣланною изъ льда и опирающеюся концами на моря. На небѣ устроены чертоги для Бога и его святыхъ. Богъ въ этихъ чертогахъ записываетъ всѣ добрыя и злыя дѣянія людей для всеобщаго и страшнаго суда. Солнце и мѣсяцъ (братъ и сестра)—освѣщеніе чертоговъ Божіихъ. Радуга—дорога, по которой вода переходитъ изъ моря на небо и разрѣшается потомъ дождемъ или дѣвица,

несущая воду на небо. Молнія—мечъ Божій, громъ и буря—гнѣвъ Божій; нѣкоторые думаютъ, что Богъ разъѣзжаетъ по небу, преслѣдуя нечистую силу, почему и считаютъ опаснымъ укрываться отъ грозы и бури подъ деревомъ, въ особенности же подъ вербою, такъ какъ подъ нее прячутся въ это время всѣ черти.

Бѣлоруссы увѣрены, что нѣкоторые люди обладаютъ сверхъестественною силою. Таковы чаровники или чародѣи. Это люди, дѣлающіе зло другимъ, какъ знахари и знахарки—люди, помогающіе отъ чародѣйства и дурного глаза. Кромѣ нихъ, есть еще ворожки или ворожбиты—предугадывающіе будущее, открывающіе потерянныя или похищенныя вещи. Чаровники передаютъ свои знанія другимъ. Дѣлаютъ это они такимъ образомъ: идутъ въ лѣсъ, берутъ икону и, положивъ эту икону на землю, становятся на нее и отрекаются отъ Бога; въ это время являются черти, и если тотъ, кому передается чародѣйная сила не испугается, то дѣлается чаровникомъ. Мельниковъ всѣхъ вообще считаютъ чаровниками. Когда чаровникъ умираетъ, то онъ не кончается до тѣхъ поръ, пока не продерутъ крышу и потолокъ (рога, которыми бываетъ украшена душа чаровника, препятствуетъ выходу ея изъ тѣла). Тѣло чаровника не принимаетъ и земля, и онъ

шатается по ночамъ, пока ему не пробьютъ голову осиновымъ коломъ.

Суевѣрія бѣлоруссы примѣшиваютъ и къ христіанскимъ праздникамъ. Если отъ этого не свободны и великоруссы, то у бѣлоруссовъ, во всякомъ случаѣ, примѣсь эта сильнѣе. Такъ, полуязыческій обрядъ колядованія, уже давно исчезнувшій во многихъ мѣстахъ великорусскаго края, упорно держится въ Бѣлоруссіи. Рождественскія святки начинаются, впрочемъ, христіанскимъ обрядомъ. Вечеромъ, въ рождественскій сочевникъ, послѣ бани, все семейство бѣлорусса собирается вмѣстѣ, молится и усаживается за столъ, на который предварительно стелется сѣно [1]), а поверхъ сѣна—чистая скатерть. На столѣ появляется «сочиво» или кутья. Послѣ выпивки, все семейство приступаетъ къ кутьѣ, вспоминая при этомъ отсутствующихъ, преимущественно же умершихъ, съ пожеланіями имъ жизни въ свѣтломъ раю. Въ тоже время ребятишки начинаютъ колядованіе, бѣгая по деревнѣ и распѣвая колядскія пѣсни. Такъ какъ обычай колядованія держится въ Бѣлоруссіи крѣпче и сохраняется цѣльнѣе, чѣмъ въ Великоруссіи, то и колядскихъ пѣсенъ тамъ болѣе [2]). За

[1]) Въ воспоминаніе того, что Іисусъ Христосъ, по рожденіи, былъ положенъ въ ясли.

[2]) Въ Бѣлоруссіи названіе коляды усвоено и сбору разныхъ хозяйственныхъ продуктовъ, которое дѣлаетъ духовенство съ прихожанъ, разъѣзжая по деревнямъ. Подобную же

свое пѣніе ребятишки получаютъ подачки, напр., орѣхи, которые нарочно запасаются про этотъ случай.

Въ день Рождества Христова всѣ, а въ особенности хозяйки-стряпухи, стараются подняться какъ можно ранѣе, чтобы успѣть побывать въ церкви или справиться со стряпнею и разговѣться еще до наступленія зари. Есть повѣрье, что кто въ Рождество встанетъ раньше, у того работа будетъ спорѣе. Бываетъ, что стряпуха позаспится и не успѣетъ во время отстряпаться, такъ что разговляться приходится при дневномъ уже свѣтѣ; тогда окна избы завѣшиваются и закрываются ставнями, чтобъ было такъ-же темно, какъ ночью. Главное кушанье при розговеньи составляетъ, такъ называемая, «прижанина». Когда убранство стола перемѣнится, т. е. съ него уберутъ сѣно и посуду, оставшіяся отъ сочельника, вся семья, послѣ молитвы, занимаетъ за столомъ мѣста по старшинству. Хозяинъ, выпивъ водки, надѣляетъ ею всѣхъ членовъ семьи, и тогда уже принимаются за «прижанину».

Въ Рождество ходятъ поздравлять съ празд-

коляду сбираютъ съ крестьянъ и евреи, преимущественно корчмари, но сборъ этотъ носитъ уже иной характеръ. Пріѣхавъ за колядою, корчмарь первымъ дѣломъ напаиваетъ мужика водкой и затѣмъ своею рукою забираетъ у него хлѣбъ изъ закрома. Ни на брань жены, ни на плачъ ребятъ въ это время мужикъ не обращаетъ никакого вниманія, и охотно дозволяетъ еврею за водку обирать послѣднее.

никомъ взрослые и при этомъ читаютъ «рацеи» въ родѣ слѣдующихъ:

Христосъ родися
Звѣзда явися.
Ангели хвалятъ,
Младенца славятъ,
Волсви приходятъ,
Дары приносятъ и пр.
Я, маленькій хлопчикъ,
Сѣу на стопчикъ,
У дудочку играю,
Христа величаю,
А васъ, господа,
Съ праздникомъ поздравляю.

Характеръ колядскихъ праздниковъ въ Бѣлоруссіи всюду одинаковъ: считая работу въ это время недозволенною, народъ проводитъ время въ развлеченіяхъ, игрищахъ. Поэтому, какъ только наступаетъ время колядъ, всѣ рабочіе требуютъ разсчета у хозяевъ и покидаютъ службу. только нѣкоторые остаются на прежнихъ мѣстахъ. Многіе хозяева средняго класса, оставаясь въ эту пору безъ души въ людской, должны бываютъ сами справлять всѣ работы—поить и кормить, напр., скотъ и т. п. Получившіе разсчетъ рабочіе, между тѣмъ, собираются гдѣ-нибудь въ корчмѣ, или если она мала—въ наиболѣе помѣстительной избѣ у кого-нибудь изъ однодеревенцевъ, и тогда устраивается «пиръ на весь

міръ»—съ музыкой, плясомъ и пѣснями. Содержаніе этихъ пѣсенъ очень разнообразно. Приводимъ двѣ изъ нихъ:

Тыдзень, тыдзень (недѣля) до колядъ
Панъ съ челядзи да и не радъ.
Скажу, панъ, тобѣ безъ спорокъ (споровъ):
Мнѣ ужь твой хлѣбъ ставъ горекъ,
Отдай панъ мнѣ коляду,
Уже я отъ цебе пойду.

Идзи прочь, не морочь, съ своимъ залецаннемъ (увѣреньемъ)
Отдай мою шириночку съ разнымъ вышиваннемъ;
Отдай мое два персцёнка, трещцю закоклюшку,
Коли мене ты не любишь, люби хоць лягушку.
Идзи прочь, не морочь, идзи собѣ къ бѣсу:
Не для цебе веселюся, свою бѣду цѣшу.

На святкахъ устраиваются въ Бѣлоруссіи такія же ряженья и гаданья, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Очень распространенъ въ Бѣлоруссіи обычай рядиться въ «Козу». Козу изображаетъ кто-нибудь, вырядившійся наизнанку въ овчинный кожухъ, съ коровьими рогами на головѣ. Гаданья начинаются еще съ сочевника. Такъ, дѣвушки, моясь въ сочевникъ въ банѣ, выскакиваютъ оттуда и катаются по

снѣгу: если отпечатокъ тѣла на снѣгѣ выдетъ негладкій, то значитъ мужъ будетъ придирчивый. Другія, выйдя на улицу, прислушиваются откуда несется лай собакъ: съ той стороны, откуда онъ слышится, придетъ и суженый. Третьи ставятъ на окно стаканы съ водою: если вода не прольется—мужъ будетъ трезвый, если же прольется—онъ будетъ пьяница и т. д.

Канунъ Новаго года носитъ названіе «богатыя», «жирныя или толстыя кыляды», такъ какъ весь этотъ день, а особенно вечеръ, проводятся исключительно въ ѣдѣ всевозможныхъ мясныхъ кушаньевъ (между которыми первую роль играетъ свиная голова), въ противуположность «голодной кылядѣ», бывающей въ крещенскій сочевникъ, когда употребляется исключительно постная пища, да и та въ ограниченныхъ размѣрахъ. Въ «голодную кыляду» набожные люди, главнымъ же образомъ пчеловоды, до вечерней зари не берутъ ничего въ ротъ; пчеловоды соблюдаютъ такой строгій постъ, чтобы пчелы лучше велись.

Праздникъ *Крещенія Господня* у крестьянъ носитъ названіе «Кщенія» или «Хрищенья». Въ день этого праздника бѣлоруссъ не возьметъ никакой пищи, не выпивъ предварительно освященной воды. Но такъ какъ онъ привыкъ къ ранней ѣдѣ, то для того, чтобъ поскорѣе приступить къ ней, въ каждой семьѣ

сохраняется немного крещенской воды отъ прошлаго года. Въ случаѣ, если запасъ крещенской воды не сохранится до крещенья, достаются изъ кіота образа, обмываются чистою водою, которая послѣ этого считается одинаковою съ крещенскою, почему ее и пьютъ вмѣсто послѣдней.

Праздникомъ «кщеньня» заканчивается циклъ рождественскихъ празднествъ. Въ празднествахъ наступаетъ перерывъ до масляницы. Масляница справляется очень широко и весело, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленныя бѣлорусскія пѣсни. Вотъ одна изъ нихъ:

Мы масляную дожидали,
Насъ масляная подманила,
Люли, люли подманила.
Мы думали семь нядзѣликъ,
Ажно масляница семь дзянечкоу!
Наша масляница зъ горъ катлива,
Наши горушки усё крутыя,
Наши дѣвушки усё гулливы,
А молодушки усё смяшливы,
Стары бабушки брюзгливы:
На пячи седзяць, усё на насъ брюзжаць.

Съ наступленіемъ великаго поста прекращается веселье и разгулъ. Церковные праздники, бывающіе въ этомъ посту, проводятся съ подобающимъ степенствомъ. Изъ этихъ праздниковъ самый главный Благовѣщеніе (25 марта). Какъ и великоруссы, бѣлоруссы

говорятъ, что въ этотъ день работать великій грѣхъ: «и птушка на Благовѣщенье не кладзець гнѣзда». Подъ вечеръ этого дня дѣвушки собираются на какую-нибудь горку «гукаць» (кликать, зазывать) весну. Начавъ обращеніемъ: «Благослови, Божія Маци, весну гукаци, зиму замыкаци, лѣто отмыкаци», онѣ поютъ затѣмъ пѣсни. Вотъ одна изъ нихъ:

Благовѣщенко святое,
Пошли совнико золотое,
Штобъ земелька отошла,
Да красна весна къ намъ пришла,
Штобъ распустилися вѣточки,
Штобъ раскраснѣлися квѣточки
Штобъ луги зазеленѣлися,
Наши пашеньки одзѣлися.

Въ Вербное воскресенье или «Вербницу» считается непремѣннымъ условіемъ побывать въ церкви хоть одному члену изъ каждой семьи, чтобъ получить освященную вербу. Вербой этой потомъ выгоняютъ первый разъ въ поле скотъ.

На страстной недѣлѣ особымъ значеніемъ пользуется четвергъ. Въ великій четвергъ бѣлоруссы считаютъ своею непремѣнною обязанностью еще до свѣта вымыться въ банѣ. Многія женщины въ ночь на этотъ день выкладываютъ на открытый воздухъ мыло и потомъ бережно хранятъ эти снадобья какъ средство отъ «сглаза».

Свѣтлое воскресенье, «Великодне», проводится въ скромныхъ развлеченіяхъ—посѣщеніяхъ другъ друга и играхъ. Въ прежнюю пору по всей Бѣлоруссіи былъ очень распространенъ обычай ходить къ «панамъ» и поздравлять ихъ съ праздникомъ, съ пѣніемъ разныхъ стиховъ. Для такихъ поздравленій составлялись партіи изъ нѣсколькихъ человѣкъ («волочебники»), причемъ на одного возлагалась обязанность запѣвала, на другого—скрипача или дудочника, на третьяго—сборщика подаяній (яицъ, сыра, сала, колбасъ и т. п.), а на остальныхъ — подпѣвалъ. Духовенство уничтожило этотъ обычай.

На Ѳоминой недѣлѣ, какъ и великоруссы, бѣлоруссы справляютъ *радоницу*—поминовеніе усопшихъ родныхъ. Утромъ въ этотъ день бѣлоруссы проводятъ въ работѣ; пообѣдавъ, отправляются на кладбище, гдѣ кладутъ на могилы родныхъ яица, служатъ панихиды, и, угостившись водкою и разными явствами, возвращаются домой. Вечеромъ молодежь собирается въ корчмѣ и устраиваетъ танцы. Соотвѣтственно такому времяпровожденію въ радоницу, у бѣлоруссовъ сложилась поговорка: «на радоницу д'обѣда пашуць, п'обѣдзи плачуць, а у вечери скачуць».

Большимъ почтеніемъ пользуется въ Бѣлоруссіи *Юрьевъ день вешній* (23 апрѣля). Это въ полномъ смыслѣ весенній праздникъ. Уже наканунѣ его на улицахъ привѣтствуютъ весну

пѣснями: «Да поможи, Боже, весну заспѣваци, и лѣто закликаци, на цеплое лѣто и на буйное жито, на ядренистое и на колосистое» и т. д. Какъ и великоруссы, бѣлоруссы считаютъ Св. Георгія покровителемъ растительности, отмыкающимъ землю и выпускающимъ теплую росу, а также охранителемъ стадъ. Поэтому, утромъ въ день Св. Георгія хозяева выпускаютъ лошадей на «юрьеву росу», а хозяйки выгоняютъ въ поле коровъ, передъ чѣмъ окропляютъ ихъ крещенскою водою и ударяютъ слегка по крестцу вѣтвью, сохраняемою въ каждомъ домѣ отъ вербной недѣли. Пастуховъ встрѣчаютъ хлѣбомъ солью, даютъ имъ яица, или сыръ, или кусокъ свиного сала.

Въ *Духовъ день* приносятъ къ обѣдни пучки травъ и цвѣтовъ и освящаютъ ихъ. Травы эти должны играть роль медикаментовъ отъ всякаго рода болѣзней на цѣлый годъ. Вечеромъ дѣвушки завиваютъ вѣнки, а на заговенье передъ Петровымъ постомъ развиваютъ ихъ: если вѣнокъ окажется не высохшимъ, то желаніе гадавшей исполнится.

Канунъ на *Ивановъ день* (Иванъ Купала) также соединяется съ повѣрьями и обрядами, отчасти сходными съ великорусскими. Такъ, напр., бѣлоруссы вѣрятъ, что въ полночь на Ивановъ день разцвѣтаетъ папоротникъ, добывъ который, можно овладѣть какимъ угодно кладомъ. Кромѣ этого повѣрья, есть другое—

думаютъ, что на Ивановъ день волшебницы и вѣдьмы выходятъ изъ своихъ жилищъ, чтобы причинять разный вредъ людямъ и скоту. Нѣкоторыя хозяйки, по совѣту знахарей, для огражденія своей скотины отъ вѣдьмъ, вѣшаютъ надъ воротами хлѣва «страстныя свѣчи»: вѣдьма со злостью искусаетъ свѣчу, но въ хлѣвъ не проникнетъ. Въ канунъ Иванова дня, сдѣлавъ костеръ и зажегши его, пляшутъ вокругъ и прыгаютъ чрезъ огонь. При этомъ поются особыя «купальскія пѣсни».

На *Петровки* (29) іюня дѣвушки кумятся, мѣняясь чѣмъ-нибудь изъ своей одежды.

Слѣдующій за Петровками праздникъ— *Ильинъ день* (20 іюля). Память этого пророка очень чествуется въ Бѣлоруссіи. Въ Ильинъ день бѣлоруссы непремѣнно ожидаютъ грозы, которую пророкъ производитъ, разъѣзжая на огненной колесницѣ по небу.

За днемъ Иліи пророка слѣдуетъ уже цѣлый рядъ праздниковъ—*Спасовъ день* (6 августа) «*Спленье*» (Успеніе Богородицы, 15 августа), «Чуды» (6 сентября), *Рождество Богородицы* (8 сентября), *Здвиженіе* (Воздвиженіе, 14 сентября), *Покровъ* (1 октября). Въ Спасовъ день приносятъ въ церкви для освященія, вмѣстѣ съ фруктами, сѣмена ржи, предназначенной для посѣва. На день Успенія многіе дѣлаютъ приношенія сыра и хлѣба въ церковь на пользу причта. 6 сентября существуетъ у бѣлоруссовъ особый праздникъ

«Чуды». Въ этотъ день церковью воспоминается «Чудеса въ Хонехъ отъ архистратига Михаила». Отсюда народное названіе «Чуды». Бѣлоруссы такъ уважаютъ этотъ праздникъ, что во время него ни пашутъ, ни жнутъ, ни рубятъ, въ особенности же не молотятъ. По повѣрью нѣкоторыхъ, въ этотъ день бываетъ такой сильный вѣтеръ, что рѣшетки, устраиваемыя для провѣтриванія сноповъ, опрокидываются подъ его напоромъ. Рождество Богородицы зовется «Госпожею Богатою», такъ какъ къ этому времени у хозяевъ собрана бываетъ пшеница, изъ которой печется громадный пирогъ. «Здвиженіе», хотя относится церковью къ числу большихъ праздниковъ, не особенно чтится бѣлоруссами. Они даже не прекращаютъ въ этотъ день работы, можетъ быть, по привычкѣ: въ прежнюю пору помѣщики, большею частію католики, заставляли въ Воздвиженье справлять барщину. Постъ, однако, установленный въ этотъ праздникъ, соблюдается даже бѣлоруссами-католиками.

Съ праздникомъ Покрова (1 окт.) не связывается никакихъ особыхъ обрядовъ. Но за то съ большою обрядностью соединено справленіе поминокъ по всѣмъ умершимъ, такъ называемые «дзяды», которые бываютъ въ одномъ мѣсяцѣ съ Покровомъ. «Дзядами» называются вообще поминки по умершимъ родителямъ; дзяды очень чтутся бѣлоруссами.

Отъ «дзядовъ» они считаютъ время. Выраженія: «ета було у перши дзѣды», «ни далеко ды Пятровскихъ дзѣдовъ», часто можно слышать въ разговорѣ бѣлоруссовъ. Всѣ эти «дзѣды» сопровождаются обильными угощеніями. Трапезы, устраиваемыя по случаю «дзядовъ», въ разные дни поминовенія, носятъ въ Бѣлоруссіи различныя названія: трапеза въ субботу передъ масляницею называется «палудзинъ па радзициляхъ» въ радоницу—«снѣданье па радзициляхъ», въ субботу передъ Троицынымъ днемъ—«абѣдъ парадзициляхъ», въ Дмитровскую субботу — «вечеря па радзициляхъ».

Дмитровскіе дзѣды пользуются особымъ почтеніемъ. Дзяды эти тянутся довольно долго. Такъ, *первые дзѣды* бываютъ въ четвергъ послѣ Дмитріева дня, *вторые*—въ субботу, *третьи*—въ воскресенье и *послѣдніе*—въ субботу передъ Рождественскимъ заговѣньемъ (14-го ноября). Дмитровскимъ дзядамъ предшествуетъ чистка избъ, прибиранье и приготовленіе обильныхъ явствъ. Опрятность въ избахъ и обиліе кушаній, по мнѣнію бѣлоруссовъ, доставляетъ особое удовольствіе душамъ умершихъ. Кушанья, приготовляемыя въ эти дни поминовенія, тѣ-же, что и при похоронахъ: кутьтя (кутья), блины, сочни (тонкія лепешки изъ хлѣбнаго тѣста), кисель и каша. Всѣ эти кушанья, или, по крайней мѣрѣ, значительная часть ихъ, подаются за

вечернимъ столомъ. Какъ только наступитъ вечеръ, семья, вмѣстѣ съ родственниками и гостями, собираются къ вечерней трапезѣ. Послѣ молитвы всѣ усаживаются за столомъ, и хозяинъ обращается къ умершимъ съ слѣдующими словами:

Святые дзяды, зовемъ васъ: ходзите до насъ!
«Есць тутъ усе, што Богъ дау,
Чимъ только хата богата.
Просимъ васъ: ляцице до насъ»!..

Съ этими словами онъ наливаетъ рюмку водки такъ, чтобъ изъ нея полилось черезъ края (это предназначается для «дзядоу») и выпиваетъ; за нимъ пьютъ прочіе, проливая точно также водку на столъ. Послѣ этого отъ каждаго изъ кушаній отдѣляется для «дзядоу» часто на особую тарелку или въ миску, которая ставится на окно. Только надѣливъ пищею умершихъ, приступаютъ за ѣду и питье, сохраняя при этомъ молчаніе. Если заводятся разговоры, то болѣе или менѣе грустные. Темою ихъ служатъ отшедшіе на тотъ свѣтъ отцы и дѣды, ихъ житье-бытье. «Наши дзяды, замѣчаютъ иногда старики,— не знали бяды, а унуки набралися муки». «Што-жъ робиць? отвѣчаетъ хозяйка, — ня оттого зголѣли, што сладко пили и ѣли, а такъ Богъ дау». По окончаніи ужина всѣ поднимаются изъ за стола, молятся Богу и расходятся говоря: «Святые дзяды, ляцице

цяперь до неба». Дѣти отвѣчаютъ: «Аминь». Отдѣленіе кушаній для умершихъ и, наконецъ, эти послѣдніе слова указываютъ на то, что поминальщики увѣрены въ невидимомъ присутствіи среди нихъ умершихъ. Говорятъ, что послѣднихъ можно даже увидѣть, но для этого нужно соблюдать предварительно долгое молчаніе и удерживаться отъ смѣха. Одна хозяйка, выдержавъ долгій обѣтъ молчанія, дождалась, наконецъ, того, что увидѣла «радзицелей», входящихъ въ избу, и, обрадовавшись ихъ появленію, вскрикнула, а загробные гости въ одно мгновеніе исчезли. Другой разсказъ о явленіи умершихъ отличается еще большею наивностью. Одинъ крестьянинъ цѣлый годъ воздерживался отъ смѣха, пребывая въ молчаніи, и, наконецъ, въ день «дзядовъ» увидѣлъ, что чрезъ вершокъ [1] курной избы лезутъ его отецъ, дѣдъ и прадѣдъ; за ними слѣдуетъ дядя: вотъ онъ уже просунулся въ вершокъ, но дальше податься не можетъ — его задерживаетъ прицѣпившаяся къ нему *борона*, которую онъ укралъ во время своей земной жизни и не сознался въ этой кражѣ на исповѣди. Увидѣвъ тщетныя усилія дяди проникнуть въ избу, зритель расхохотался,—и всѣ «дзяды» вылетѣли черезъ вершокъ обратно.

---

[1])Вершокъ—оконце, сдѣланное въ потолкѣ для выхода дыма.

Послѣ такихъ дзѣдовъ у одного хозяина отправляются къ другому, потомъ къ третьему, такъ что поминовеніе своихъ и чужихъ родителей продолжается иной разъ до утренней зари. Такъ какъ вездѣ угощеніе идетъ своимъ порядкомъ, то иные изъ поминальщиковъ наѣдаются до того, что впадаютъ въ болѣзнь.

Юрьевъ день осеннiй (26 ноября) чтится подобно весеннему. Въ день ап. Андрея (30 ноября) дѣвушки гадаютъ о суженомъ. Они до заката солнца соблюдаютъ постъ и ничего не говорятъ, а когда наступитъ вечеръ, то сѣятъ ленъ и коноплю на прорубѣ или колодцѣ, приговаривая: «Дай, Боже, знаць, съ кѣмъ вѣкъ коротаць», — и послѣ того ждутъ, кого увидятъ во снѣ. Николинъ день (6 дек.) пользуется въ Бѣлоруссіи большимъ уваженіемъ, хотя и не такимъ, какъ въ Великоруссіи.

---

17. Бѣлоруссы.

IV.

Сельскіе кирмаши и сопровождающія ихъ увеселенія.—Увеселенія по поводу уборки хлѣба (зажинки, талоки, дожинки).—Семейныя празднества (крестины и свадьбы).—Похороны.

Кромѣ общихъ годовыхъ церковныхъ праздниковъ, чтимыхъ всѣми бѣлоруссами, у нихъ существуютъ еще праздники мѣстные.

Таковы праздники храмовые и устраиваемые по случаю ярмарокъ, называемыхъ, по мѣстному, *кирмашами* [1]). Деревенскія ярмарки—самыя пріятныя развлеченія бѣлоруссовъ. Онѣ обыкновенно бываютъ тамъ, гдѣ есть церкви или часовенки. Рано утромъ духовенство служитъ обѣдни или молебны, на которые стекается большинство ярмарочныхъ посѣтителей, а послѣ нихъ открывается уже торговля. Часовъ въ 11 торговля эта въ полномъ разгарѣ: хозяева покупаютъ здѣсь колеса, желѣзо, топоры, косы, серпы, лыки, рѣшота, ведры и пр. и пр. Женщины покупаютъ себѣ наряды: ситцы, платки, бисеръ и т. д. Между тѣмъ гдѣ нибудь въ корчмѣ, въ стодолѣ [2]) или на корчемномъ дворѣ, собираются любители музыки и начинаютъ игру. Эта музыка мало-по-молу привлекаетъ толпы народа—мужчинъ и женщинъ, которыя пускаются въ плясъ. Любители пѣнія затѣваютъ пѣсни. При этомъ, конечно, въ развлеченіяхъ видную роль играетъ горѣлка (водка), пиво, медъ. Такъ проходитъ время до поздней ночи. На кирмашахъ молодые парни высматриваютъ себѣ невѣстъ, а дѣвушки—жениховъ: родители точно также стараются примѣтить будущихъ зятей и невѣстокъ и разузнать объ ихъ качествахъ.

---

[1]) Кирмашъ есть испорченное слово Kirchmesse, сложившееся изъ нѣмецкихъ словъ Kirche—церковь и Messe—обѣдня.

[2]) Сарай при корчмѣ для кормленія лошадей.

Праздничнымъ характеромъ отличается и справленіе нѣкоторыхъ сельскихъ работъ. Такъ какъ въ крестьянскомъ быту земледѣліе имѣетъ первостепенное значеніе, то урожай хлѣба встрѣчается бѣлоруссами, какъ праздникъ. Жатва хлѣба сопровождается разными пѣснями и обрядами. Когда рожь достаточно созрѣла, изъ каждой крестьянской семьи, хозяйка съ дочерьми, невѣстками или снохами отправляется въ поле для *зажинокъ*, т. е. починка жатвы. При этомъ хозяйка беретъ хлѣба съ солью, сыръ и водку. Придя на поле, всѣ крестятся‘ говоря: «Поможи, намъ, Божа, ниуку сжать». Первый снопъ хозяйка, со словами: «стой, мой снопъ, на сто копъ, на тысячу бабокъ», ставитъ на землю стоймя. Нажавъ еще снопъ, она беретъ оба и кладетъ ихъ крестообразно и угощаетъ всѣхъ водкой и закуской. Первый снопъ приносится домой и ставится у божницы, оставшійся же отъ завтрака хлѣбъ, какъ святыня, дѣлится между членами семьи, не бывшими въ полѣ. Спустя три дня, этотъ снопъ обмолачивается, а полученныя при этомъ зерна сохраняются до Преображенія (6 августа), когда приносятся въ храмъ для освященія. При посѣвѣ зерна эти смѣшиваются съ тѣми, которыя назначаются на сѣвъ.

Окончаніе жатвы, такъ называемыя, *дожинки,* сопровождается особыми обрядами. На эти дожинки собирается «талока». Тало-

ка—это то же что «помочь» у великоруссовъ: когда крестьянину нужно поскорѣе управиться съ работою, онъ созываетъ для содѣйствія ему сосѣдей. Это и есть талока.

Талоки бываютъ мужскія и женскія, и ими пользуются не для одной жатвы, а также для косьбы, свозки съ полей хлѣба, вывозки навоза. Такъ какъ жатва производится женщинами, а косьба, свозка хлѣба и вывозъ навоза—мужчинами, то для перваго рода работъ устраиваются женскія талоки, для втораго же мужскія. Наиболѣе оживленныя и веселыя бываютъ талоки дожиночныя — онѣ соединяются съ разными церемоніями. Самая замѣчательная изъ этихъ церемоній—«завиваніе бороды». Оставивъ лучшія колосья на корню, жницы садятся кругомъ нихъ. На выполонное мѣсто главная жница кладетъ кусокъ хлѣба съ солью, беретъ нѣсколько стеблей, надламливаетъ и закручиваетъ ихъ вмѣстѣ съ хлѣбной краюшкой и затѣмъ все это прижимаетъ къ землѣ, чтобъ крѣпче держалось. Послѣ этого, а чаще и одновременно, завиваютъ изъ колосьевъ «вя(ѣ)нокъ». Затѣмъ всѣ жницы, и впереди ихъ старшая или избранная, съ вѣнкомъ на головѣ и послѣднимъ снопомъ въ рукахъ, медленною процессіею отправляются къ хозяйскому дому, распѣвая дорогою особыя *спорышовыя* пѣсни. Хозяинъ со всею своею семьею встрѣчаетъ ихъ у сѣней или на крыльцѣ съ хлѣбомъ солью

и водкой. Избранная жница передаетъ ему снопъ, а «вянокъ» надѣваетъ на голову. На дворѣ устраиваются изъ бочекъ и досокъ импровизованные столы, которые уставляются разными яствами. Заключительнымъ блюдомъ на этомъ ужинѣ служитъ каша изъ ржи, сваренная очень густо для того, чтобъ и въ будущемъ году посѣвы взошли такіе же густые. Во время угощенья за столомъ поютъ пѣсни.

Эти обычаи свидѣтельствуютъ о томъ, какую важную роль въ жизни бѣлорусса играетъ земледѣліе. Бѣлоруссъ, можно сказать, исключительно пахарь: всѣ другіе промыслы имѣютъ въ его жизни небольшое значеніе. Оттого-то онъ съ такою радостью привѣтствуетъ урожай, обставляя уборку хлѣбовъ рядомъ торжественныхъ обрядовъ.

Особымъ характеромъ отличаются праздники семейные—рожденіе и заключеніе браковъ, при которыхъ соблюдается множество разныхъ церемоній.

Лишь только младенецъ появится на свѣтъ Божій, повивальная бабка немедленно заставляетъ отца новорожденнаго принести «горѣлки (водки) для родихи». Послѣдняя, по настоянію бабки, должна непремѣнно выпить добрую рюмку и порядочно закусить, чтобъ подкрѣпить упавшія силы. Затѣмъ родиха отправляется въ баню. Нѣкоторыя бабки и самаго младенца, едва узрѣвшаго свѣтъ, но-

сятъ въ баню. Въ день «крестьбинъ» воспріемники (кумовья) везутъ или, если близко, несутъ младенца къ священнику для совершенія надъ нимъ таинства крещенія. Послѣ крещенія воспріемникъ и воспріемница, возвращаясь съ младенцемъ къ родильницѣ, поздравляютъ ее. При этомъ воспріемникъ обязанъ положить подъ подушку родильницѣ деньги на мыло; обязанность же воспріемницы— поднесть ей платокъ. За симъ слѣдуетъ обѣдъ. Бѣлоруссы любятъ угощать и угощаться на крестинахъ, и устраиваемые при этомъ обѣды бываютъ лучше свадебныхъ. Обильная выпивка и разнообразныя яства составляютъ непремѣнную принадлежность стола на крестинахъ. Въ самомъ концѣ обѣда бабка приноситъ на столъ горшокъ съ кашей и тарелку. Кумъ, разбивъ горшокъ о столъ, беретъ ложку каши и кладетъ на тарелку въ пользу бабки деньги; его примѣру слѣдуютъ и другіе.

Послѣ крестинъ, обыкновенно бываютъ, такъ называемые, «*муровины*», или «*муровинки*». Слово муровины происходитъ отъ слова мѵро [1]). Муровины эти состоятъ въ томъ, что къ новорожденному приходитъ бабка съ водою, оставленною отъ погруженія его послѣ мѵропомазанія, и этою водою кропитъ всѣхъ по-

---

[1]) Въ бѣлорусскомъ языкѣ въ тѣхъ словахъ, которыя въ славянскомъ языкѣ имѣютъ букву ѵ, буква эта замѣняется буквою у. Такъ бѣлоруссы говорятъ вмѣсто Кѵрила—Курила, вм. Евтихій—Автухъ, вм. мѵро—муро.

сѣтителей и посѣтительницъ, за что каждый долженъ удѣлить въ пользу бабки нѣсколько денегъ. Существуетъ обычай купать въ водѣ и самого новорожденнаго.

Само собою разумѣется, что въ различныхъ мѣстностяхъ есть свои особенности въ крестьбинныхъ обрядахъ. Мы указали только наиболѣе общія черты этихъ послѣднихъ.

Большими церемоніями, какъ вездѣ и всюду, сопровождается заключеніе браковъ. Задумавъ женить сына, родители выбираютъ для этого подходящаго свата. Такъ какъ обязанность свата весьма важна, и отъ находчивости и ловкости его зависитъ исходъ дѣла, то въ сваты избирается всегда человѣкъ опытный, пожилой, но и не старый—лѣтъ за сорокъ. Человѣкъ молодой не можетъ пользоваться тѣмъ почтеніемъ, которое прилично такому лицу, какъ сватъ, старый же не въ силахъ исполнить довольно сложныя и трудныя обязанности, соединенныя съ положеніемъ свата. Кромѣ того, отъ свата требуется трезвость, почетъ среди сосѣдей, живость характера и бойкость рѣчи. Въ виду того, что людей, соединяющихъ въ себѣ всѣ эти качества, бываетъ не много, часто въ одномъ бѣлорусскомъ селеніи (селенія бѣлорусскія, къ слову сказать, очень необширны—нерѣдко всего изъ нѣсколькихъ дворовъ) одинъ и тотъ же выполняетъ ремесло свата для всѣхъ. Лица, занимающіяся такимъ ремесломъ, знаютъ на

перечетъ всю холостежь своего околотка, всѣхъ дѣвицъ: имъ бываютъ извѣстны всѣ хорошія и слабыя стороны молодежи обоего пола. Поэтому и парни и дѣвицы одинаково стараются пріобрѣсти расположеніе свата.

Въ домѣ, гдѣ находится невѣста, въ ожиданіи свата стараются привесть все въ порядокъ, чтобъ сватъ ничего не нашелъ предосудительнымъ. Придя въ домъ невѣсты и поздоровавшись, сватъ заводитъ рѣчь обиняками, обращаясь къ невѣстину отцу:

У цебе, господаръ, есцъ товаръ-ледзенецъ,
А у мене есцъ купецъ-молодецъ.

Нѣвеста въ это время обыкновенно скрывается.

— А йдзѣ жь невѣста?—спрашиваетъ сватъ.—Треба ее попытаць, ци согласна ёна выйци за нашего молойца?

— Вѣдомо, альбо соромицца (стыдится) альбо за дзѣлоиъ пошла; ёна у насъ рукодзѣльница,—отвѣчаетъ хозяинъ.—А вотъ матка позовецъ ее.

Когда невѣста явится, ее спрашиваютъ—согласна она выдти замужъ, или нѣтъ. Вопросы эти предлагаются только ради приличія, такъ какъ невѣста должна быть всегда покорна родительской волѣ. Поэтому на вопросъ родителей она должна отвѣчать: «Коли бацька и маци хочуць—дакъ пойду».—Нѣ! коли любишь, то скажи; а не любишь—от-

кажи, говоряць добрые людзи.—«Штожъ дзѣлаць, пойду, коли такъ треба», отвѣчаетъ невѣста.

Послѣ этого сватъ вынимаетъ и ставитъ на столъ принесенную имъ бутылку или штофъ водки, и начинается угощеніе. Это называется «дзѣвку запиць».

Въ случаѣ, если послѣ этого свадьба почему нибудь разстроится, невѣстинъ отецъ обязанъ заплатить свату за выпитую водку; тѣмъ все дѣло и кончается.

Когда же предложеніе свата принято, назначается день для постановленія условій между родителями брачущихся и «великихъ запоинъ» или «змовинъ». Для этого всѣ, не исключая самого жениха, съѣзжаются въ домъ невѣсты. Устраивается попойка и танцы.

Наканунѣ дня свадьбы бываетъ у невѣсты «сборный вечеръ».

Въ сборный вечеръ принято мѣсить коровай. Для этой длинной церемоніи избирается нѣсколько «коровайницъ», во главѣ которыхъ одна заправляетъ всей операціей. Соблюдаемые при этомъ обряды довольно разнообразны. Въ Борисовскомъ уѣздѣ Минской губерніи дѣло дѣлается такимъ образомъ. Посреди пола ставится наполненная рожью корзина, накрываемая шубою, а поверхъ ея дзежа (квашня). Муку просѣваютъ по очереди всѣ коровайницы. Когда работа приходитъ къ концу, дѣвицы и парни становятся въ ряды

около квашни, и лишь только старшая коровайница возьметъ квашню, чтобъ переставить ее, всѣ присутствующіе кидаются взять корзину. Начинается упорная борьба: парни стараются отнять корзину у дѣвицъ — съ цѣлью забросить въ печь, а дѣвицы силятся завладѣть ею, чтобъ выкинуть за порогъ. Если перевѣсъ останется на сторонѣ парней, то дѣвицамъ не удастся въ томъ же году выдти замужъ, если же на сторонѣ дѣвицъ, то парнямъ не удастся пожениться. Часто случается, что корзина разрывается на части. Изъ приготовленнаго тѣста печется коровай, весьма почтенныхъ размѣровъ: часто для того, чтобъ извлечь его назадъ изъ печи, выламываютъ нѣсколько кирпичей изъ устья. Въ печь онъ сажается, когда женихъ и невѣста уѣзжаютъ въ церковь. Удачное испеченіе коровая предвѣщаетъ счастливое хозяйство молодыхъ. На другой или третій день коровай разрѣзается на части, и молодые одѣляютъ имъ всѣхъ, получая отъ нихъ за это деньги.

Въ другихъ мѣстахъ обрядъ печенія короваевъ предшествуетъ сборному дню. Пекутся короваи не только у невѣсты, но и у жениха, и коровай, испеченный у послѣдняго, отвозится торжественнымъ образомъ къ невѣстѣ, причемъ парни ѣдутъ верхами, а дѣвицы на телѣгахъ или въ саняхъ.

Самый сборный вечеръ проводится также неодинаково. Въ однихъ мѣстахъ у невѣсты

собираются только дѣвицы, поютъ предсвадебныя пѣсни, забавляются играми. Никто изъ посторонних мужчинъ, кромѣ своихъ домашнихъ, не можетъ присутствовать при этомъ. Въ другихъ мѣстахъ на сборный вечеръ сходятся не только дѣвушки, но и всѣ родные, сосѣди, знакомые. Дѣвицы вьютъ вѣнки и поютъ пѣсни. Наконецъ, прiѣзжаетъ женихъ въ сопровожденiи своего отца, дружка и пр. Онъ останавливается на нѣкоторое время въ сѣняхъ. Только когда будутъ переданы невѣстѣ его подарки, онъ входитъ въ избу. Ему нашпиливаютъ на шапку вѣнокъ, за что онъ дѣлаетъ глубокiй поклонъ родителямъ невѣсты и свахѣ. Затѣмъ слѣдуетъ церемонiя *выкупа* невѣсты: женихъ даетъ дружкамъ по нѣскольку копѣекъ. Выкупивъ невѣсту, женихъ обходитъ съ нею три раза вокругъ стола, держась за концы платка, и послѣ каждаго обхода кланяется всему невѣстину роду. При этомъ играетъ музыка и поются пѣсни. Совершивъ обходъ, брачащiеся садятся за столъ и начинается угощенiе, продолжающееся до полуночи.

Въ самый день свадьбы, называемой по бѣлорусски «веселля», производится обрядъ расплетенiя косы у невѣсты. Косы расплетаютъ братья невѣсты, а если ихъ нѣтъ, то двое родственниковъ. За симъ всѣ отправляются въ церковь, невѣста ѣдетъ на подводѣ, а женихъ съ дружкою верхами. Отъ вѣнца

молодая возвращается къ своимъ роднымъ, молодой къ своимъ, но спустя нѣкоторое время ѣдетъ въ домъ невѣсты. Бываетъ и такъ, что молодые ѣдутъ отъ вѣнца вмѣстѣ. По ихъ пріѣздѣ начинается ужинъ, съ окончаніемъ котораго дѣвичій костюмъ молодухи перемѣняютъ на одѣяніе замужней женщины. Такъ, ей стараются надѣть на голову чепецъ и тканку. Молодая, схвативъ чепецъ, бросаетъ его на печь, но свахи, подхвативъ, надѣваютъ снова, а за нимъ надѣваютъ и тканку, которую молодая кидаетъ подъ лавку; въ то время, какъ свахи поднимаютъ тканку, молодая бросаетъ чепецъ въ окно, но свахи съ пѣснями снова надѣваютъ то и другое на голову молодухи, а потомъ завязываютъ наметку [1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ молодую выводятъ въ сѣни, по повѣрью, что ее не слѣдуетъ одѣвать въ избѣ (потому что потолокъ избы покрытъ землею), и тамъ уже облекаютъ ее въ костюмъ замужней женщины.

Послѣ убора дочери отецъ ея обращается къ зятю и говоритъ: «Зяцечекъ, даю цебѣ дочку свою въ жену не хромую, не слѣпую. Давши ей льню — проси сорочекъ, давши жита — спрашивай хлѣба; давши ячменю — спрашивай крупеню, альбо (или) каши; давши

---

[1]) Намётка—головная повязка изъ холста, длиною аршина въ четыре.

пшеницы — спрашивай пирога, а коли не послушаецъ, возьми шовковинку (шелковинку), повяжи на соломенку, да дай ей хорошенько; а коли и того не послухаець, возми гужъ, да дай ей, дай гужемъ и чтобъ цебе почитала мужемъ».

Послѣ этого всѣ, начиная съ ея отца, одариваютъ невѣсту, кто чѣмъ можетъ.

На третій день послѣ свадьбы молодые ѣдутъ въ домъ молодого. Но въ иныхъ мѣстахъ молодой съ молодухой уѣзжаетъ въ свой домъ тотчасъ послѣ окончанія брачнаго ужина, и вслѣдъ за ними привозятъ сундукъ или «кубель» [1]) съ приданымъ молодой.

Такъ справляются у бѣлоруссовъ брачныя церемоніи. Хотя церемоніи эти какъ мы видѣли, представляютъ особенности, смотря по мѣстности, но тѣмъ не менѣе въ нихъ замѣчается много общаго. Запоины и выкупъ невѣсты существуютъ повсемѣстно, указывая на слѣды древности,—того времени, когда невѣста пріобрѣталась какъ вещь. Всѣ брачные обряды связываются съ пѣснями. Каждому періоду заключенія брака соотвѣтствуетъ особый циклъ пѣсенъ.

На сколько появленіе на свѣтъ ребенка

---

[1]) Кубель—большой ушатъ съ крышкою, замѣняющій сундукъ и употребляемый для храненія одежды, въ особенности женской.

и заключенiе брака составляютъ радостныя событiя, на столько кончина является событiемъ печальнымъ. Чувства, испытываемыя при потерѣ близкаго человѣка его родными или даже знакомыми, выражаются въ похоронной поэзiи—причитаньяхъ, голошеньяхъ.

Похороны у бѣлоруссовъ называются хаутурами. Въ Витебскомъ уѣздѣ хаутуры справляются такимъ образомъ. Когда кто нибудь изъ семьи умретъ, его облачаюъ въ чистое бѣлье и кладутъ на лавку противъ дверей. Начинаются причитанья, голошенья. Эти причитанья разнообразятся, смотря по тому, кто скончался —отецъ, мать, дочь... Вотъ образчики такихъ причитанiй:

По отцѣ:

Ахъ! татулька нашъ,
Ахъ сизый голубь нашъ,
Ты жъ насъ годовау [1])
Ты жъ насъ спогодау
А цяперь покидаешь,
Ци ты жъ жалосци не маешь?
Хто жъ у насъ цяперь порадокъ завядзецъ,
Хто жъ насъ цяперь да присцяражецъ?

По матери:

А моя жъ ты матушка!
А моя же ты зязюлечка [2])

---

[1]) Гадовацъ—кормить, воспитывать.
[2]) Зязюлечка—кукушка, кукушечка.

Чамужъ ты, чаму померла,
Свою дочку осироцила?
А кабъ ты видзила, знала
И кая мяне доля споткала. [1])

Ахъ устала (встала) жъ бы ты устала!

По «нябощику» (покойнику) голосятъ не только его близкie родные, но и постороннiя женщины, пришедшiя изъ другихъ домовъ и деревень.

При выносѣ тѣла изъ дому, на гробъ кидаютъ зерна ржи, а на мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, кладутъ хлѣбъ и соль, чтобъ умершiй оставилъ своихъ домашнихъ съ хлѣбомъ солью, на томъ же свѣтѣ молилъ Бога о ниспосланiи довольства семьѣ, къ которой принадлежалъ. При отвозѣ «нябощика» для отпѣванiя и погребанiя впрягаютъ лошадь, которую онъ особенно любилъ. Лошадь эта повсемѣстно въ Витебской губернiи пользуется особымъ почетомъ: ее ведутъ не за поводъ, а за полотенце, или поясъ, которые нарочно прикрѣпляются вмѣсто повода. Въ Себежскомъ и Лепельскомъ уѣздахъ существуетъ даже поклоненiе этой лошади: въ первомъ уѣздѣ ей кланяются до земли, во второмъ хозяинъ цѣлуетъ ей копыта.

Послѣ погребенiя гости, родственники и священникъ приглашаются на поминки. При

[1]) Споткаць—встрѣчать.

этомъ, конечно, прежде всего подается «куцья», а за нею и прочія кушанья, между которыми блины составляютъ непремѣнную принадлежность стола. Если на поминки соберется народу столько, что всѣмъ умѣститься за столомъ разомъ нельзя, то непомѣстившихся сажаютъ послѣ, продолжая такъ до тѣхъ поръ, пока не накормятъ всѣхъ пришедшихъ. Послѣ обѣда всѣ расходятся по домамъ.

Память умершихъ бѣлоруссы чтутъ очень сильно, и извѣстные дни въ году посвящаютъ спеціально воспоминанію усопшихъ предковъ, которое справляется весьма торжественно. (См. гл. III).

---

18. Стукачка на р. Сожѣ.

Августъ. Давно свернуло съ полуденъ.

...Какая то особенная, свойственная только этому времени дня и года, чистота и какое-то ровное, живое спокойствіе разлиты по всей природѣ. Ничего туманнаго; нѣтъ и свѣжести въ воздухѣ, не наводитъ онъ и дремы. Не вѣетъ вѣтеръ; рѣка, кажется, не течетъ; не слышно шума ея движенія и птицы безшумно летаютъ.... Что-то гдѣ-то плеснуло вдругъ! Щука-прожоръ, вѣроятно, бросилась за живцомъ; а можетъ, окунь изъ подъ корча грянулъ на приблизившуюся добычу.... И опять тишина.. Солнце заходитъ; его уже не видно:

скрылось за буграми: луна на горизонтѣ не показывается. Вечеръ будетъ темный, тихій...

А рыбакамъ такой вечеръ и нуженъ: съ сегодняшней ночи они гонятъ стукачку.

..... Сварился ужинъ. Всѣ встали, сняли, у кого они были на головѣ, картузы, обратились лицомъ къ востоку, перекрестились по нѣскольку разъ, потомъ усѣлись: Артемъ съ Корнеемъ и Крутолобомъ за одну чашку, а остальные всѣ за другую. И молитву и ужинъ они совершили какъ то торжественно-молча.

Похлебавши кондеру-супу изъ гречневой крупы, поѣли рыбы, потомъ опять встали, обратились къ востоку, поблагодарили Бога.

Въ это время закипѣлъ глечокъ, поставленный съ водой передъ ужиномъ къ огню. Артемъ бросилъ туда щепотку чаю, и черезъ нѣсколько минутъ они съ Крутолобомъ пили чай.

Не успѣли они выпить по стакану, какъ прибѣжалъ Рожокъ отъ рѣки съ крикомъ: «Стукачка!» Онъ былъ взволнованъ.

— Ну, ребята готовься!

Быстро всѣ приготовились: надѣли лямки, захватили весла; Рожокъ стоялъ у спода [1]). Тихонъ съ концомъ веревки остался на берегу; восьмилѣтній Корней ему помогалъ; Лонцовъ, Ничипоръ и Митенька сѣли на гребки, а Артемъ самъ взялъ правильное весло.

---

[1]) Сподъ—нижняя часть невода, идущая по дну.

Водворилась тишина, нарушаемая изрѣдка потухавшимъ костромъ, по временамъ издававшимъ трескъ.

***

Вдали, по рѣкѣ внизу, гдѣ-то видно было свѣтлое зарево, зарево начало увеличиваться, потомъ, не вдругъ, скрылось; опять явилось... уменьшилось... вдругъ увеличилось... Послышался глухой, неопредѣленный шумъ, изъ котораго, какъ бы интервалами, выдѣлялись стукъ и человѣческіе возгласы.

Все это неясное, неопредѣленное, при ночномъ мракѣ, наводило на мысль о большомъ пожарѣ...

Это выступала стукачка.

Вдругъ показался, какъ яркая звѣзда, огонь, бросившій впереди себя по мигомъ образовавшейся зеркальной водяной поверхности блестящій яркій пучокъ свѣта, въ видѣ волшебной громадной ленты...

За первымъ огнемъ показался другой, тамъ третій, четвертый... И все это быстро, точно чародѣйственной силой...

Вмѣстѣ съ появившимися огнями послышались крики: «Гони, гони, ребята»!

Крики внезапно смѣнились ударами двухъ сухихъ деревяшекъ другъ о друга, звонкіе звуки которыхъ опять смѣнились криками и плескомъ о воду... И поперекъ всей рѣки образовалась изъ четырнадцати огней стѣна;

воздухъ огласился здоровенными голосами на разные тоны и лады, звонкимъ стукомъ, плесканьемъ о воду; а вся окрестность вторила своимъ эхомъ...

Медленно, ровно, какъ бы по командѣ—оно такъ и было—подвигались впередъ пловучіе огни.

По мѣрѣ ихъ приближенія, обнаруживались скрытыя огнями и мракомъ чудовища: подобно Нептуну, держали они трезубцы-ости (острога) семизубыя; взъерошенные волосы, энергичныя, возбужденныя лица, раскрытые рты, жестикулирующій корпусъ, махающія руки....

Дно рѣки видно; перепуганная, ошеломленная, стронутая съ мѣста отдыха, неслась стаями рыба.

Мель.

Горбы рыбьихъ спинъ бороздятъ воду.

Ости пришли въ движеніе.

— «Гони, гони, ребята!»

И широкіе горбатые лещи неуклюже вертѣлись на остяхъ и съ глухими звуками падали на дно челноковъ.

— «Гони, гони, хлопчики! О! О! О! Бросай ости! Гони, гони!»

Мель прошла, и всѣ бросаютъ свои трезубцы, садятся въ челноки, и мѣрно раздается ихъ глухой стукъ веслами о борты. Крики стихаютъ; только и слышенъ стукъ, да такое же глухое эхо.

Стукачка приближается къ тонѣ.

*
* *

«Пильно» [1]) наблюдаетъ Артемъ ея приближеніе, боится пропустить моментъ. Сердце сжалось у хлопчатъ; первый разъ видятъ они такое зрѣлище. Рожокъ—весь вниманіе: ему предстоитъ трудная работа.

— «Ребята! за ости!» раздалась команда въ средѣ стукачей. «Вотъ тоня! гони, гони ребята!»

— Ну, хлопчики, пора! съ Богомъ! сказалъ Артемъ и перекрестился.

— Разомъ, дружно опустили гребцы весла въ воду. Лодка дрогнула. «Пильнуй (внимательно смотри) тутъ, братъ Тихонъ! не прозѣвай, родной!»

— Добре, не въ первой.

Лодка не пошла, а полетѣла. Всѣ точно священнодѣйствовали. Мѣрно опускали весла въ воду гребцы, дружно нажимали ихъ на воду.

Торжественно стоялъ Рожокъ у спода и смотрѣлъ, какъ веревка змѣйкою вилась съ невода по борту въ воду; теперь пока его обязанностью было наблюдать, чтобы она какъ нибудь не спуталась. Чѣмъ сильнѣе гребцы налегали на весла, тѣмъ быстрѣе «гна-

---

[1]) Внимательно.

лась» лодка, тѣмъ старательнѣе нужно было присматривать за веревкой.

Вдругъ Рожокъ, не торопясь, нагибается, быстро подымаетъ тяжелый клячъ и изо всей силы бросаетъ его отъ борта; натянувшаяся веревка помогла ему. Лодка сотряслась, какъ бы остановилась, пошла медленнѣе: но гребцы и Рожокъ за дѣломъ этого не замѣтили.

Хоть и трудно править во время тони, да Артему это дѣло привычное: одной рукой онъ держитъ правильное весло, а другой далеко отбрасываетъ отъ себя »верхъ», употребляя въ работу и ноги. «Ну, хлопчики, разомъ!» изрѣдка произноситъ онъ.

Добрались до кормы; стукачи приблизились, уже окружили тоню. Сдѣлалось совсѣмъ свѣтло отъ огней. Охрипшими голосами нѣкоторые изъ стукачей уже здоровались съ Артемомъ. Спустили и куль и корму въ воду. Рожокъ весь мокръ, въ поту: рубашку хоть выжми, по красному отъ напряженія лицу катятся крупныя капли. Лодка пошла легче!

— Ну, хлопчики, разомъ! пошло легче, поощрялъ Артемъ и тутъ же самъ, взявши весло обѣими руками, потянулъ имъ разокъ, но потянулъ такъ, что лодка встрепенулась и быстро двинулась впередъ.

Ходъ лодки началъ увеличиваться. Рожокъ выбивался изъ силъ: едва успѣвалъ онъ нагибаться, безсознательно хваталъ нити невода и машинально бросалъ ихъ за бортъ

челна. Когда же и другой клячъ съ сильнымъ плескомъ, обдавъ мелкими брызгами сидящихъ въ лодкѣ, упалъ въ воду, лодка, точно сорвавшаяся съ цѣпи собака, помчалась.

— Еще разъ, ребятки!

А стукачи знаютъ свое дѣло. Не успѣли неводъ опустить въ воду, какъ онъ уже былъ окруженъ ихъ челнами: нужно было не допустить рыбу перепрыгивать черезъ верхъ невода, а еще болѣе не дать прошибить самаго крыла. Они не кричали болѣе: остями они проникали въ глубину рѣки или же веслами на ребро разрѣзывали ея поверхность, стараясь избѣжать обильныхъ брызгъ.

Стрѣлой летѣла лодка, свободная отъ невода, и, какъ стрѣла, врѣзалась въ берегъ. Гребцы опрокинулись навзничь; а Рожокъ, успѣвшій передохнуть, и Артемъ, заранѣе предвидѣвшіе это, съ веревкой въ рукахъ выскочили на ходу лодки прямо въ воду.

Красивый видъ представлялся съ берега; плотною стѣною окружали стукачи неводъ по изогнутой линіи поплавовъ. Мракъ увеличивалъ яркость свѣта; освѣщенная поверхность рѣки переливалась золотистымъ блескомъ, сильно волнуясь отъ невода, челновъ, ударовъ веселъ и остей; дымъ наклонно поднимавшійся волнистыми столбами съ козъ, укрѣпленныхъ на носахъ челновъ, придавалъ всей картинѣ фантастическій видъ.

По мѣрѣ того какъ неводъ подтягивали

къ берегу, полукругъ съуживался, стукачи приставали, выходили на сушу и помогали тянуть неводъ. Все дѣлалось молча. По мѣрѣ приближенія къ клячамъ, подходилъ къ выволокѣ и старый Тихонъ. На выволокѣ на самый берегъ вытащили и оба кляца.

— Митенька и Лонцовъ! топить!—командовалъ Артемъ, и оба парня, погрузившись въ воду, начали притаптывать по дну сподъ невода.

По мѣрѣ приближенія къ кормѣ, стала похаживать по неводу рыба. Всѣ напряженно слѣдили. Стукачи столпили челны у кормы и по крыламъ невода.... Вотъ и корма уже. Затрепетала рыба: лещи, сомы, изрѣдка щуки.

Вытащили и корму, да подальше отъ воды на сухое. Всеобщее молчаніе разрѣшилось всеобщимъ говоромъ.

Стукачи мужики всѣ были чисто одѣты, какъ на праздникъ: все народъ крѣпкій, бодрый; на каждомъ челнокѣ сидѣло по два человѣка: одинъ гналъ челнъ, обыкновенно подростокъ лѣтъ 14 или женщина, а другой орудовалъ острогой [1]).

---

[1]) *Д. Е. Лаппа.* „Бѣлорусскія разсказы". Казань. 1895 г.

19. Витебскъ.

Витебскъ лежитъ по обоимъ берегамъ Западной Двины и впадающей въ нее рѣчки Витьбы. Въ лѣтописи Витебскъ упоминается подъ 1021 г., когда Ярославъ Кіевскій уступилъ этотъ городъ Брячиславу Полоцкому. Нѣтъ сомнѣнія, что городъ и прежде принадлежалъ Полоцкому княжеству и только временно подпалъ власти князей кіевскихъ. Въ началѣ XII столѣтія возникло особое Витебское удѣльное княжество, подвластное Полоцкому столу. Въ 1320 г. Витебское княженіе перешло къ Ольгерду Гедиминовичу, который былъ женатъ на дочери послѣдняго Витебскаго князя Ярослава, Маріи. Ольгердъ съ супругою Маріею построили въ Витебскѣ двѣ церкви: во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы и во имя Св. Духа. При Свято-Духовской церкви вторая супруга Ольгерда, Іуліанія Тверская, основала дѣвичій монастырь. По смерти Ольгерда эта-же Іуліанія нѣкоторое время жила въ Витебскѣ и основала здѣсь церковь Св. Іоанна Богослова.

Во время междоусобной борьбы преемниковъ Ольгерда въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка городъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Въ 1436 году Витебскомъ овладѣлъ Сигизмундъ Кейстутовичъ. Жители Витебска всегда отличались своимъ мужествомъ и предан-

ностью князьямъ литовскимъ и королямъ польскимъ, но при этомъ крѣпко держались своей вѣры и народности. Почти всѣ князья и короли давали городу разныя привиллегіи и преимущества. Въ XV и началѣ XVI столѣтій городъ находился въ цвѣтущемъ состояніи и считался въ числѣ пятнадцати значительнѣйшихъ городовъ Литовскаго княжества. Благосостояніе города постепенно увеличивалось; торговля процвѣтала. Жители Витебска Двиною сплавляли звѣриныя кожи, мѣха, а равно другія произведенія въ Ригу, откуда эти товары шли въ Лейпцигъ. Въ составъ Витебскаго воеводства входили самыя обширныя и богатыя староства, снабжавшія городъ хлѣбомъ и разными произведеніями

Въ 1562 г., во время Ливонской войны, князь Курбскій напалъ на городъ и выжегъ предмѣстья. Послѣ этого городъ еще два раза былъ разоряемъ русскими войсками и, кромѣ того, въ 1563 г. былъ сильно опустошенъ моровой язвой. Жители Витебска самоотверженно защищали городъ, устраивали свои дружины, нападали на непріятеля и дрались отчаянно. Въ 1597 г. Сигизмундъ III возложилъ на храбрыхъ жителей Витебска обязанность защиты города отъ непріятеля и вообще исполненіе разныхъ воинскихъ повинностей. За это король подтвердилъ за городомъ Магдебургское право, подарилъ городу собственный загородный дворецъ Лукишки съ при-

надлежащими къ нему деревнями, отдалъ перевозъ на р. Лучосѣ и, по желанію жителей, воспретилъ евреямъ право жительства въ Витебскѣ. Сигизмундъ же утвердилъ гербъ для города: на голубомъ полѣ Спаситель, а подъ нимъ обнаженный красный мечъ. Запрещеніе евреямъ селиться въ Витебскѣ существовало до 1679 г., когда король Янъ Собѣсскій разрѣшилъ имъ строить синагоги, жить въ городѣ и заниматься торговлею. Съ этого времени еврейское населеніе въ городѣ стало постепенно увеличиваться.

Введеніе уніи сопровождалось горестными послѣдствіями для Витебска. Невыносимыя притѣсненія уніатскаго архіепископа Іосафата Кунцевича, запечатавшаго въ Витебскѣ всѣ православныя церкви, вызвали въ городѣ бунтъ. Архіепископъ былъ убитъ, трупъ его брошенъ въ Двину въ мѣшкѣ съ камнями, архіепископскія палаты и уніатская Пречистенская церковь разрушены (1623 г.). Жители были строго за это наказаны: городъ былъ лишенъ Магдебургскаго права, зданіе ратуши разрушено, изъ вѣчевого колокола и колоколовъ другихъ церквей приказано отлить одинъ большой колоколъ съ надписью и о карѣ за преступленіе, 74 человѣка были приговорены къ смерти, 55-ть спаслись бѣгствомъ, а остальнымъ 19 отрубили головы и трупы бросили въ Двину.

Въ 1641 г. король Владиславъ IV за по-

бѣду надъ русскими войсками подъ Кашевичами простилъ жителей Витебска и возвратилъ городу Магдебургское право, но церкви, обращенныя въ уніатскія, остались въ прежнемъ видѣ.

Въ 1654 г. воевода Шереметевъ почти 4 мѣсяца осаждалъ Витебскъ и, наконецъ, овладѣлъ замками. По Андрусовскому договору Витебское воеводство цѣликомъ было возвращено Польшѣ. Во время великой Сѣверной войны витебскіе граждане держали сторону Станислава Лещинскаго и Карла XII и даже отправили въ шведскій лагерь 7000 талеровъ, собранныхъ въ складчину. Петръ Великій, чтобы не имѣть въ тылу сильнаго врага, приказалъ калмыкамъ сжечь городъ, что и было исполнено. Съ тѣхъ поръ городъ никогда уже не возстановлялся въ своемъ прежнемъ величіи. Число жителей уменьшилось, торговое его значеніе упало.

Въ 1772 г. Витебскъ былъ присоединенъ къ Россіи и причисленъ, какъ провинціальный городъ, къ Псковской губерніи; въ 1777 г., когда были учреждены бѣлорусскія губерніи, онъ отошелъ къ Полоцкой. Въ 1796 г., по соединеніи Полоцкой губерніи съ Могилевскою въ одну Бѣлорусскую губернію, сдѣланъ губернскимъ городомъ. Въ 1802 г. Бѣлорусская губернія была раздѣлена на Могилевскую и Витебскую, и Витебскъ сдѣланъ губернскимъ городомъ послѣдней.

16-го іюля 1812 г. Витебскъ былъ занятъ французскими войсками. Наполеонъ, окруженный блестящею свитой, торжественно въѣхалъ въ городъ. Польское дворянство истолковавъ слова Наполеона: «я здѣсь устрою Польшу» въ смыслѣ желанія возстановить польское государство, всецѣло передалось французскому императору, но мѣстныя власти, духовенство и купцы заблаговременно бѣжали въ Невель. Дворяне и всѣ вообще жители Витебска обязаны были присягнуть на вѣрноподданство Наполеону. Присягнувшій получалъ цвѣтную кокарду и носилъ ее на рукавѣ. У кого кокарды не было, тотъ подвергался всяческимъ оскорбленіямъ и побоямъ отъ солдатъ. Наполеонъ 16 дней пробылъ въ городѣ. Онъ приказалъ укрѣпить Витебскъ баррикадами: поперекъ улицъ ставили высокій частоколъ съ насыпнымъ валомъ впереди. Даже храмы обращены были въ крѣпости: изъ окошекъ подѣлали амбразуры и ставили въ нихъ орудія. Въ концѣ октября 1812 г. отрядъ графа Витгенштейна, послѣ непродолжительнаго кровопролитнаго боя, вытѣснилъ французовъ изъ города, и овладѣлъ здѣсь провіантскимъ магазиномъ съ большимъ количествомъ запасовъ. Опустошенія, произведенныя войною, довели городъ до отчаяннаго положенія и много потребовалось времени, чтобы заживить нанесенныя раны. Возстановленію города послѣ французскаго на-

шествія много содѣйствовали старанія генералъ-губернатора Бѣлоруссіи, герцога Александра Виртембергскаго. Въ 1831 г. въ Витебскѣ, въ гостяхъ у генералъ-губернатора, князя Хованскаго, скоропостижно скончался Великій Князь Цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Въ послѣднее время Витебскъ постепенно улучшается, число жителей въ немъ увеличивается и теперь превышаетъ 58,000 человѣкъ. Торговля и теперь довольно значительна. Витебскъ находится какъ бы на перепутьи между Москвою, Ригою и Одессою. Благодаря желѣзной дорогѣ и своему положенію при судоходной рѣкѣ, онъ служитъ важной пристанью и складомъ хлѣба, льна и пеньки [1]).

20.—Могилевъ.—Орша.—Мимо Смоленска.

Ясное утро. Вдали вырисовываются высокіе берега Могилева. Могилевскій видъ очень похожъ на гомельскій, только здѣсь и Днѣпръ поуже Сожа, и берега сомкнуты тѣснѣй. Масса зелени, изъ которой выглядываютъ пестрыя крыши и стѣны домовъ.

Пароходъ подходитъ къ пристани. Начинается суета. Палубная публика, классные пас-

---

[1]) Извлечено изъ ст. А. Киркора въ „Живописн. Россіи“, Ш т.

сажиры, носильщики съ багажемъ—все это перемѣшалось въ пеструю кучу; давка, толкотня, шумный говоръ. На пристани обступаютъ комиссіонеры изъ гостинницъ, подавая карточки и выкрикивая ломаннымъ русскимъ языкомъ съ еврейскимъ акцентомъ:

—Грандъ - Отель! Отель де Пари - Пассэ... Готель Дэвропъ.

Пароходъ только въ полночь отойдетъ въ Оршу. Ѣду обозрѣвать городъ. Экипажъ медленно ползетъ въ гору по булыжной мостовой. Выѣзжаемъ на площадь; слѣва, надъ зеленымъ обрывомъ берега, возвышается красивый розовой замокъ—губернаторскій домъ, справа—бѣлое зданіе ратуши съ башней и часами, далѣе старинная церковь, еще нѣсколько церквей...

Гуляю по городу. Чтобъ оріентироваться, захожу въ одинъ два книжныхъ магазина—спрашиваю путеводитель. Евреи—приказчики смотрятъ на меня не безъ улыбки и недоумѣнья. Спрашиваю планъ—тоже не оказывается; спрашиваю о достопримѣчательностяхъ—говорятъ, никакихъ достопримѣчательностей нѣтъ. Чтобы пояснить вопросъ, спрашиваю о старинѣ и древностяхъ: никакой старины и древностей, говорятъ, тоже не имѣется. И это понятно: то прошлое, которое пронеслось здѣсь, для нихъ не интересно, а ихъ прошлое не оставило никакого слѣда. Впрочемъ, подъ конецъ-таки вспо-

минаютъ, что есть, кажется, этнографическій и археологическій музей, учрежденный губернаторомъ, но какъ и когда туда можно попасть, никто не знаетъ. Другая достопримѣчательность, которой нѣтъ пока, но которая будетъ, это «Могилевскій Листокъ»; подписка на него уже принимается въ редакціонной молочной, или молочной редакціи. Больше, увѣряютъ, рѣшительно никакихъ достопримѣчательностей нѣтъ. И не надо. Одного разспросы мои видимо наводятъ на подозрѣнье.

Никто ничего у нихъ, кромѣ учебниковъ и романовъ, не спрашивалъ, а тутъ вдругъ— подавай достопримѣчательности. Любопытствуютъ, зачѣмъ онѣ мнѣ понадобились. Объясненіе мое не удовлетворяетъ, взгляды— скептическіе: такъ и пытаются прочитать, не для молочной ли газеты собираются эти свѣдѣнія. Благодарю и ухожу.

Чрезъ часъ безъ всякаго плана знакомъ уже съ планомъ. Онъ очень простъ. Разставьте большой и указательный палецъ—и вотъ вамъ двѣ главныхъ улицы—Днѣпровскій проспектъ и Большая Садовая. Онѣ собственно и составляютъ городъ. Въ центрѣ, отъ котораго расходятся эти улицы, площадь съ магазинами, чистенькимъ скверомъ и театромъ, немного далѣе—другая площадь, ближе къ берегу, съ губернаторскимъ домомъ и живописнымъ садомъ »Валомъ», разбитымъ надъ отвѣснымъ высокимъ обрывомъ, подъ кото-

рымъ протекаетъ Днѣпръ, изгибаясь вдоль высокихъ зеленыхъ горъ въ садахъ и лѣсахъ. Лѣвый берегъ—гладкая равнина, вышитая узоромъ пестрыхъ нивъ съ темнозеленой бахрамой лѣсовъ и синеватой каемкой вдоль горизонта.

Съ «Вала» открывается чудный видъ на Днѣпръ, предмѣстье Могилева, Лопуловъ, разбросанное въ зелени садовъ пестрыми кубиками, надъ которыми высится нѣсколько зеленокуполыхъ церквей и безконечную равнину съ сѣрымъ московскимъ шоссе, тоже Николаевской эпохи.

На окраинѣ предмѣстья еще возвышается застава, напоминая тріумфальную арку. Городъ соединенъ съ предмѣстьемъ мостомъ. Населеніе Могилева, преимущественно еврейское. Русскихъ магазиновъ почти нѣтъ. Въ общемъ чувствуется какой-то особенный колоритъ городовъ Сѣверо-Западнаго края, наложенный другимъ, чуждымъ современному, строемъ исторической жизни.

Вечеромъ я на «Валу».

Гуляющихъ немного; двѣ трети публики—евреи. На обществѣ печать провинціализма и скуки жизни. Меня оглядываютъ съ ногъ до головы съ провинціальнымъ любопытствомъ. Любуюсь видомъ. Подо мной, въ глубинѣ, пристань; у нея лѣниво отдыхаетъ «Рогачевъ». Долѣе нѣсколько баржъ, плоты... Движенья мало.

Трубачи бойко играютъ маршъ «Птичка».

Меня охватываетъ какая-то таинственная атмосфера прошлаго этого города, пронесшагося надъ нимъ за пять вѣковъ его жизни... Литва, Польша, Магдебургское право, осада и взятіе его русскими въ XVII вѣкѣ, измѣна населенія и избіеніе русскаго гарнизона, истребленіе города пожаромъ въ XVIII вѣкѣ—съ ярко освѣщенной заревомъ величественной фигурой Петра Великаго, сраженіе между войсками Даву и Багратіона въ двѣнадцатомъ году—борьба, кровь, огонь, смерть, весь ужасъ ненависти и вражды...

А Днѣпръ все такъ же тихо и величаво катитъ изъ вѣка въ вѣкъ свои воды, отражая въ зеркальной глади выросшій надъ нимъ неугомонный людской муравейникъ и навѣвая своимъ покоемъ сознаніе какой-то вѣчной правды, предъ которой и злоба, и вражда, и всѣ дикія страсти этого муравейника кажутся такими ничтожными и безумными. Около полуночи переселяюсь съ «Рогачева» на «Гомель». Льетъ тропическій дождь; парусный навѣсъ не выдерживаетъ его напора; грязная палуба вся въ лужахъ.

Пароходъ совсѣмъ маленькій. Въ каютѣ тѣснота. Гдѣ-то въ темнотѣ, изрѣдка озаряемой огнемъ молніи, слышится другой свистокъ, будто перекликающійся съ «Гомелемъ». Это пароходъ «Воробей», конкуррирующій съ русскимъ обществомъ пароходства. На

«Воробьѣ» до Орщи вдвое дешевле. Евреи почти всѣ хлынули туда. А въ нашу каюту набивается все больше и больше публики. Становится очевиднымъ, что негдѣ будетъ не только спать, а и сидѣть.

Пароходъ покачиваетъ. Плывемъ. Дождь. Громъ и молнія. Становится жутко. Публика все новая. Подлѣ меня пьютъ чай два еврея культурнаго облика. Одинъ изъ нихъ, Давидъ Львовичъ, оказывается писателемъ изъ Шклова. Онъ имѣетъ видъ отставного военнаго; лицо, испорченное оспой, выбрито; рыжеватые усы съ подусниками закручены лихо; на глазахъ темные очки. Собесѣдникъ его, пожилой полный брюнетъ, глядитъ поверхъ очковъ въ золотой оправѣ въ записную книжку и читаетъ что-то. Прислушиваюсь. Оказывается, что онъ объясняетъ ключъ сначала къ дешифрированью языка цвѣтовъ, а потомъ и цифръ... Мнѣ представляется картина пантофельной почты и тайной еврейской переписки, охватившей весь западъ Россіи паутиной неуловимой, но прочной, какъ стальная сѣть, какъ проволока мышеловки...

Составляется винтъ. Часть публики окружаетъ играющихъ. Остальные пассажиры пытаются заснуть,—кто изогнувшись калачикомъ, на диванѣ, кто на стульяхъ и чемоданахъ, кто на полу. Духота. Дышать нечѣмъ. Закрываю глаза—заснуть нѣтъ мочи; дви-

нуться тоже нельзя; подъ ногами чья-то голова, надо мной тоже какая-то косматая голова и рука, которая вотъ-вотъ вцѣпится въ мою физіономію. А въ ушахъ безпрерывно звучитъ: пять бубенъ, пасъ, вамъ ходить, маленькій шлемъ... Кошмаръ какой-то. И такъ до утра.

На разсвѣтѣ Давидъ Львовичъ съ половиной пассажировъ высаживается въ Шкловѣ.

Выхожу на капитанскую площадку. Свѣжо. Небо ясно. Съ рѣки вздымается туманъ, кажущійся розоватымъ отъ лучей восхода.

Вдали видна Орша.

Днѣпръ здѣсь совсѣмъ узкій; курица въ бродъ перейдетъ. Берега низкіе. Тамъ и сямъ темнѣетъ боръ. Пароходъ идетъ медленно, и кажется вотъ-вотъ врѣжется носомъ въ берегъ. Даже повернуться ему негдѣ. Не вѣрится какъ-то что это тотъ самый могучій красавецъ Днѣпръ, который разливается такимъ широкимъ потокомъ подъ Кіевомъ, Кременчугомъ или Екатеринославомъ, тотъ самый Борисѳенъ, который игралъ такую роль въ жизни человѣчества.

Справа бѣлѣетъ на фонѣ лѣса монастырь; медленно огибаемъ его, полземъ мимо кладбища—и мы въ Оршѣ. Опять суета, разсчеты, «на чай», просительское ожиданіе на лицахъ. Наконецъ, багажъ мой на извозчикѣ. Проѣзжаю грязной базарной площадью мимо Покровскаго монастыря и какого-то стран-

наго чернаго, неуклюжаго, точно пирамидами на сваяхъ, зданія къ центру города, довольно опрятному, съ двухъ-этажными домами и соборомъ. Словно въ панорамѣ проносятся улицы, гдѣ рядомъ со щеголеватыми зданіями скромно лѣпятся, какъ будто сконфуженныя такой компаніей, лачужки. До вокзала три версты. Городъ остается позади. Опять поле съ ковромъ нивъ и рощей, изъ которой выглядываетъ кирпичная крыша станціи. Проѣзжаю мимо ряда веселыхъ домиковъ съ уютными цвѣтниками, гдѣ кисти рябины склоняются къ пышнымъ георгинамъ, и пересѣкаю полотно со стальной нитью рельсъ. Я у главной артеріи, соединяющей сердце Россіи съ Европой.

Въ шесть часовъ вечера поѣздъ останавливается у Смоленскаго вокзала. Здѣсь узелъ Московo-Брестской и Орлово-Витебской дорогъ.

Гляжу въ путеводитель. Отъ Минска всего триста десять верстъ. А между тѣмъ вѣетъ какой-то иной жизнію. На крытомъ дебаркадерѣ суетится густая толпа; но это уже не толпа минскихъ вокзаловъ; еврей покажется изрѣдка и затеряется въ массѣ; въ гулѣ голосовъ преобладаетъ отчетливый говоръ великоросса; даже бѣлоруссъ какъ будто отчеканиваетъ слова бойчѣй и не «цокаетъ», какъ обыкновенно.

Въ залѣ такая же толкотня, какъ и на платформѣ. У кіота съ образами и тепля-

щейся лампадкой нѣсколько молящихся: крестятся двѣ дамы, какой то пассажиръ; въ залѣ третьяго класса предъ образомъ тоже молятся. Уже замѣтно, что общая религія преобладаетъ въ публикѣ, и она не стѣсняется осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ, какъ среди иновѣрцевъ.

Туманно. Чуть моросить.

Поѣздъ отходитъ. Стою у окна. На холмахъ, на фонѣ темныхъ лѣсовъ, вырисовывается Смоленскъ съ нѣсколькими церквами оригинальной старинной архитектуры, одна красновато-кирпичнаго цвѣта, остальныя синеватыя и голубыя, съ зелеными крышами. Городъ сползаетъ до самаго полотна дороги; въ концѣ крѣпость съ ломанной линіей стѣнъ, огибающихъ Смоленскъ пяти верстнымъ кольцомъ; въ крѣпости тоже голубая церковь. Зеленыя крыши и голубыя стѣны образуютъ какое-то странное цвѣтное сочетанье, производящее, болѣзненное впечатленіе.

Днѣпръ, который я оставилъ у Орши, за сто верстъ, извивается гдѣ-то вдоль этихъ холмовъ, но его не видать.

Публики въ вагонѣ немного и все не интересная: настоящая публика втораго класса, съ ея необщительностью, подозрительнымъ оглядываніемъ и мрачно-озлобленнымъ видомъ въ готовности отстаивать занятый диванъ.

Продолжаю глядѣть на убѣгающій и исчезающій въ туманѣ Смоленскъ. Опять вспо-

минается прошлое съ мрачной эпохой удѣльныхъ раздоровъ, осада и разоренiе города въ XIV и XV вѣкѣ—литовцами, въ началѣ шеснадцатаго—русскими, въ началѣ семнадцатаго—поляками и, наконецъ, въ 1812 году—французами... Если бы всѣ тѣ сотни тысячъ людей, которые когда-то глядѣли отсюда на эти холмы въ ожиданiи побѣды, могли бы хоть на мигъ воскреснуть, какой жестокой насмѣшкой показалась бы имъ теперь надъ всей ихъ жизнью та борьба, какой мелкой—племенная вражда предъ этимъ скованнымъ въ океанъ славянскимъ мiромъ. Темнѣетъ. Гдѣ-то изъ мглы выступаетъ ярко освѣщенный пятиэтажный корпусъ Ярцевской фабрики; точно какая-то гигантская вафля съ длинными рядами свѣтящихся клѣтокъ. Это громадная Хлудовская мануфактура, производящая миткаль [1]).

---

21. Сожиганiе ужей въ Полѣсьѣ.

До третьяго Спаса, т. е. до 20—25 августа, въ Полѣсьѣ продолжаются работы въ полѣ по уборкѣ хлѣба, съ окончанiемъ которой начинается и «великое обратное» переселенiе полѣщуковъ съ острововъ въ свои хаты.

---

[1]) *П. Крушеванъ.* „Что такое Россiя?“ Москва 1896 года.

Снова лодки, чайки и шугалеи снують по Припети взадъ и впередъ, отвозя домашній скарбъ полѣсянъ, а паромы снова гнутся, но на этотъ разъ не подъ гуртомъ скота, а подъ тяжестью возовъ, нагруженныхъ разнымъ хлѣбомъ. За Припетью и нерѣдко въ калинникѣ, на Ксендзовкѣ [1]), въ ясный полдень слышится какая-то кононада, какое-то шипѣніе и трескъ, словно отъ руженыхъ выстрѣловъ, и черный дымъ, пробиваясь сквозь густую листву, взвивается высоко то тамъ, то здѣсь надъ лѣсомъ; за рѣкою, въ полѣ, свѣтятся огни громадныхъ костровъ, и вся зарѣчная даль дрожитъ и колеблется отъ увеличившейся вибраціи воздуха, не дающей возможности разсмотрѣть, чтобы то ни было, даже на близкомъ разстояніи. Это работаютъ мѣщане и пастухи надъ истребленіемъ ужей. Въ концѣ августа или началѣ сентября, когда уже начинаются холодныя и туманныя ночи, громадное количество ужей выползаетъ изъ своихъ притоновъ, а въ солнечный день, собравшись въ отдѣльныя кучи, штукъ по тридцати и сорока, лежатъ гдѣ-нибудь на сухомъ холмикѣ, грѣясь на солнышкѣ. Какъ только найдется такая куча ужей, сейчасъ же обкладываютъ ее кругомъ хворостомъ и поджигаютъ. Сначала пресмыкающимся хорошо, тепло, и они выворачиваются своими

[1]) Пригородные лѣса около г. Мозыря.

бѣлыми брюшками къ огню. Но когда пламя, съ минуты на минуту, начинаетъ увеличиваться и нестерпимо грѣть—въ кучѣ ужей поднимается страшная тревога: лежавшіе сверху стараются проползти въ середину кучи, тѣ, въ свою очередь, извиваясь и шипя, кусая другъ друга и чувствуя боль отъ огня, сами стараются спрятаться, и черный клубокъ заволновался сильнѣй, сматывается все тѣснѣе и тѣснѣе, пока, наконецъ, нестерпимый жаръ отъ огня и дымъ не одуряетъ ужей; тогда они начинаютъ разматываться и ползутъ прямо въ огонь. Какъ попадаетъ ужъ въ огонь,—тотчасъ лопается, производя трескъ, подобный ружейному выстрѣлу. Къ вечеру костры потухаютъ, и если изъ-за рѣки подуетъ вѣтеръ, то по окрестностямъ разносится удушливый и весьма непріятный запахъ горѣлой кожи и мяса. Пригородные мѣщане, даже бабы и дѣти, дня два—три только и говорятъ о томъ, кто и сколько кучъ нашелъ ужей и ежегъ ихъ. Но если бы кто вздумалъ сосчитать, то навѣрно оказались бы цѣлыя сотни кучъ сожженныхъ ужей, а во всемъ Полѣсьѣ набралось бы ихъ тысячи и десятки тысячъ. Не смотря на это ежегодное истребленіе, цѣлые миріады гадовъ и пресмыкающихся гнѣздятся въ полѣсскихъ болотахъ, а ящерицы своимъ звонкимъ, дребезжащимъ покрикомъ оглашаютъ мертвую пустыню окопъ и бочаговъ. Кромѣ этихъ искусныхъ

истребителей пресмыкающихся, въ Полѣсьѣ живутъ цѣлыя стаи аистовъ, которые, летая весь день надъ болотами, истребляютъ громадное количество гадовъ. Около Кимборовскаго, напримѣръ, монастыря, въ одной изъ тополевыхъ аллей, гнѣздится до 500 штукъ аистовъ. Передъ закатомъ солнца на каждомъ изъ высокихъ тополей и на шпицахъ монастыря неподвижно, поджавъ одну ногу, стоятъ въ своихъ гнѣздахъ аисты, то вытянувъ шею впередъ, то запрятавъ голову подъ крыло; въ такомъ положенiи проводятъ они цѣлую ночь. Но чуть занялась заря, какъ, по крику сторожевого аиста, они, одинъ за однимъ, начинаютъ покидать свои гнѣзда, разлетаясь во всѣ стороны за добычею для себя, самки и дѣтенышей, а спустя десять—пятнадцать минутъ, возвращаются назадъ, принося въ клювахъ ужей, конвульсивно извивающихся въ воздухѣ. Есть еще въ Полѣсьѣ одинъ родъ птицъ—«рыболовокъ», покрывающихъ черными тучами полѣсскiя болота, озера, рѣчки. Эта птица истребляетъ въ «затокахъ [1])» издохлую рыбу и всякiй оводъ.

---

[1]) Затоками наз. въ Полѣсьѣ болотные луга и песчаныя мѣста, затопляемыя весеннимъ разливомъ рѣкъ.

22. Полѣсье и полѣшуки.

Полѣсье лежитъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Припети и ея притоковъ, хотя границы его нигдѣ не обозначены строго. Эта страна древлянъ, кривичей и ятвяговъ: съ самой незапамятной старины она находилась подъ вліяніемъ Кіева; рѣка Припеть была путемъ, по коему нѣкогда Кіевскія богатыя колоніи—Туровъ, Давидъ-Городокъ и другія—сносились съ Кіевомъ и черезъ него вели значительную торговлю даже съ Византіей; теперь это жалкія деревни, гдѣ среди славянскихъ туземцевъ весьма много евреевъ...

Въ древности же, еще со временъ Владиміра Святаго, изъ Кіева начали распространяться въ Полѣсьѣ христіанская православная вѣра и просвѣщеніе; православіе, не смотря на всѣ превратныя судьбы этого края, испытавшаго долгую неволю и религіозное гоненіе отъ польскихъ католиковъ, сохранено доселѣ народомъ въ древней чистотѣ. Путешествіе мое было не особенно удобно: зима долго не устанавливалась; дороги были ужасныя; медленность пути раздражала мое нетерпѣніе: мнѣ хотѣлось скорѣе переправиться за Припеть и видѣть глухое Полѣсье. Но уже и приближаясь къ нему, я встрѣчалъ мѣстами громадныя деревья: они предвѣщали, что меня ожидаютъ исполины растительнаго царства

нашего сѣвера. «Что это за дерево, вонъ тамъ на полянѣ, одиноко стоитъ?» спрашиваю у ямщика: «дубъ что-ли?» «Не, паночку, то не дубъ, то груша!» Какимъ образомъ она попала на поляну? Оказывается, что когда мужики рубятъ лѣсъ, то, встрѣтя грушу, не срубаютъ ея, а покидаютъ на полѣ—пусть растетъ. Нигдѣ я не видалъ такихъ громадныхъ грушъ, какъ на Полѣсьѣ. На встрѣчу намъ безпрестанно попадаются—то огромные рыдваны, то крошечныя телѣжки, запряженныя исхудалыми волами и медленно двигающіяся по грязи. Я вижу на одномъ деревѣ большую кучу хвороста; допытываюсь о ней у своего возницы. «А это жъ, паночку, гнѣздо бусла». — Какого бусла? — «Буселъ, бочанъ, паночку, — птица такая». Это гнѣздо аиста, особенно почитаемой, чуть не священной, птицы здѣшняго края.

Аистъ прилетаетъ весною, около Благовѣщенья: къ той порѣ иные крестьяне втаскиваютъ на сломанную верхушку дерева старое колесо, либо негодную къ употребленію борону; аистъ натаскиваетъ на борону или на колесо кучу хвороста и поселяется въ этомъ устроенномъ гнѣздѣ. Въ Полѣсьѣ существуетъ множество разсказовъ изъ жизни крестьянина, въ коихъ выступаетъ участвующимъ буселъ. Если буселъ выкинетъ изъ гнѣзда яйцо, то, по убѣжденію крестьянъ, быть году урожайному; если выброситъ птенца — будетъ годъ

голодный. По Мозырскому Полѣсью аисты живутъ большею частію на деревьяхъ; въ Пинскомъ Полѣсьѣ — на избахъ крестьянъ. Все лѣто аистъ неутомимо собираетъ змѣй и лягушекъ по болотамъ. Около 6-го августа аисты собираются гдѣ-нибудь на луговинѣ громадными стаями, приготовляются къ отлету дня два и потомъ пускаются на югъ. Въ Полѣсьѣ существуетъ повѣрье, что передъ отлетомъ аисты убиваютъ своихъ слабыхъ товарищей.

Рано утромъ мы подъѣзжали къ Припети противъ Мозыря; песчаные, низкіе берега ея покрыты песчаными холмами, поросшими густымъ непроходимымъ лознякомъ. Припеть уже покрылась тонкимъ льдомъ; онъ былъ пробитъ въ видѣ узкой полосы, гдѣ ходилъ паромъ. Мозырь, маленькій жалкій городишко, лежитъ въ оврагѣ. На берегу куча евреевъ, по поясъ въ водѣ, вытаскивала изъ грази увязшія телѣги.

Оставивъ скучный Мозырь, я спѣшилъ въ глубь Полѣсья. На цѣлыя сотни верстъ тянулись предо мной безконечные сосновые лѣса; ели я пока нигдѣ не видалъ — до самаго Князь-Озера. Однообразіе картины нарушается изрѣдка попадающимися смолокурнями; да гдѣ-нибудь на прогалинѣ перелетитъ съ одного дерева на другое пестрый дятелъ. И снова пойдутъ безконечные сосновые лѣса, до невѣроятія загроможденные свалившимися

и срубленными деревьями. Но вотъ вдали показались двѣ, три лачуги. Что это за избы?— «Будники, паночку, тутъ живутъ, что буду дѣлаютъ».

По глухимъ мѣстамъ Полѣсья живутъ почти въ дикомъ состояніи семейства будниковъ и рудниковъ. Первые добываютъ поташъ, вторые желѣзную руду.

Разобщенные съ остальнымъ міромъ непроходимыми болотами, поселившись среди угрюмыхъ лѣсовъ, они зарабатываютъ здѣсь себѣ скудное пропитаніе: они добываютъ золу и руду; кромѣ того на небольшихъ клочкахъ земли, разсѣянныхъ по лѣсамъ, они сѣютъ рожь и ячмень.

Впрочемъ, въ настоящую пору промыселъ этотъ все больше упадаетъ. По мѣрѣ углубленія моего въ Полѣсье наступала зима. Выпалъ довольно глубокій снѣгъ, прикрывшій топи и болота; дорога сдѣлалась еще опаснѣе. Мы въѣзжали въ предѣлы рѣки Уборти, окруженной огромными непроходимыми болотами; нѣкоторыя изъ нихъ никогда не замерзаютъ. Среди этихъ болотъ, поросшихъ камышомъ, кустарникомъ, кривою березою выдаются ольховыя рощи; издали при закатѣ солнца онѣ представляютъ весьма живописныя группы темно-краснаго цвѣта. Въ лѣсу среди сосенъ разбросаны дубы, грабъ, ясень и груша. Такимъ образомъ дорога идетъ или по небольшимъ полянамъ, расчищеннымъ подъ

посѣвы ячменя и ржи и непремѣнно украшеннымъ двумя, тремя одиноко стоящими грушами, или по кочковатому, либо топкому болоту, покрытому цѣлымъ лѣсомъ сухого желтаго тростника, или сосновымъ боромъ, или, наконецъ, ольховою рощей. Вправо и влѣво по молодому снѣгу вы видите безчисленные слѣды зайцевъ, волковъ и другихъ обитателей лѣсовъ. Лѣса всюду загромождены свалившимися и срубленными деревьями.

По всему Полѣсью на высокихъ деревьяхъ вы встрѣтите ульи; нерѣдко улей или два вмѣстѣ укрѣплены между двумя близко стоящими деревьями. Это—*борти*, древнѣйшій первобытный способъ пчеловодства, любимаго занятія древнихъ славянъ—обитателей лѣсовъ. Здѣшній крестьянинъ считаетъ грѣхомъ ловить рои: «пчела—Божья тварь, вольная, грѣхъ принуждать ее»—говоритъ онъ. Поэтому здѣсь нигдѣ нѣтъ пчельниковъ; пчела совершенно дикая и не станетъ держаться, напримѣръ, въ саду. Пчеловодство издревле составляло здѣсь значительный промыселъ: воскъ вывозился черезъ Днѣпръ въ Грецію. Мѣстомъ кормленія пчеламъ служатъ здѣсь многочисленныя поляны, покрытыя *верескомъ*. Верескъ цвѣтетъ съ 1-го августа по 15-е сентября; въ это время милліоны пчелъ издаютъ гулъ, кружась надъ верескомъ и собирая пыльцу его. Лучшими пчеловодами

по всему Мозырскому Полѣсью считаются жители села *Стодоличи*.

Полѣшукъ глубокаго Полѣсья—это уцѣлѣвшій типъ древнеславянскаго обитателя лѣсовъ: невысокаго роста, молчаливый, медленный въ движеніяхъ, закалившійся въ самомъ негостепріимномъ климатѣ, даже зимой съ открытою грудью, онъ или тащится на своихъ еле-движущихся волахъ, или бродитъ по лѣсу съ неразлучной сѣкирой; суевѣрный, но честный и безхитростный; неутомимый охотникъ, мѣткій стрѣлокъ и отважный и искусный рыболовъ. Онъ оторванъ отъ остального міра, большею частію и отъ церкви, ибо храмы здѣсь рѣдки; загнанный, забитый бывшимъ польскимъ игомъ, онъ будто равнодушенъ ко всему; онъ не интересуется ничѣмъ, что дѣлается за предѣлами его болотъ и лѣсовъ; но онъ не лишенъ юмора и ума, что доказываютъ его поговорки, анекдоты, пѣсни и разсказы. Юморъ этотъ сближаетъ полѣшука съ малороссомъ ибо въ полѣшукѣ течетъ кровь малоросса. Новое, молодое поколѣніе увидитъ здѣсь лучшее будущее: вездѣ начинаютъ строиться церкви и училища—и просвѣщеніе разбудитъ полѣшука, нѣсколько столѣтій бывшаго въ тяжкомъ снѣ...

Деревни Полѣсья—это рядъ разбросанныхъ, жалкихъ, на живую руку собранныхъ избъ. Изба въ одно и два окна, но окна не выходятъ прямо на улицу, а передъ ними изъ

грудъ расколотыхъ бревенъ стоитъ частоколъ. Крытаго двора нѣтъ. Самая изба своею архитектурой очень напоминаетъ швейцарскія избушки: изба съ огромными спереди нависшими кровлями, конечно, не изъ теса, а изъ расколотыхъ пополамъ деревьевъ, нагроможденныхъ въ безпорядкѣ одно на другое. Въ довершеніе сходства нерѣдко на кровлѣ лежатъ большіе камни. Вдоль улицъ изрѣдка стоятъ дикія груши и громадныя сосны съ непремѣннымъ украшеніемъ—гнѣздомъ *бусла*; большія, черныя, съ желтыми подпалинами, собаки, обиліе свиней, тощіе волы, оборванные, нерѣдко, колтуноватые ребятишки—вотъ картина деревни въ Полѣсьѣ.

Полѣшуки живутъ необыкновенно грязно: не умываются и не чешутся; не смотря на обиліе дровъ—бань здѣсь не существуетъ. Окруженный лѣсомъ, полѣшукъ часто нуждается въ дровахъ, ибо онъ только тогда тронется въ лѣсъ нарубить дровъ, когда сожжетъ послѣдній сукъ. Промысловъ у полѣшука почти нѣтъ, ремеселъ онъ не знаетъ. Въ Полѣсьѣ вообще нѣтъ кузнецовъ—не евреевъ, а полѣшуковъ. Такимъ образомъ крестьянинъ, чтобы сдѣлать подкову или какой-нибудь гвоздь долженъ ѣхать къ жиду-кузнецу нерѣдко за пятьдесятъ и болѣе верстъ. Богатства полѣшука состоятъ изъ естественныхъ произведеній его страны: лѣса, сѣна, грибовъ, ягодъ и рыбы; полѣшукъ—усерд-

ный земледѣлецъ; всѣ годныя мѣста среди болотъ и лѣсовъ воздѣлываются подъ рожь, ячмень и гречиху. Обширныя топкія болота, кромѣ сѣна и ягодъ даютъ ему нерѣдко богатую добычу *вьюнами.*

Полѣсье служитъ убѣжищемъ для животныхъ, хотя и не многочисленныхъ, но почти уже исчезнувшихъ изъ другихъ мѣстъ, гдѣ они давно прежде тоже водились. Въ Полѣсьѣ живутъ выдры, бобры, медвѣди, лоси, серны, множество дикихъ свиней, и въ Бѣловѣжской Пущѣ еще сохранился допотопный быкъ-зубръ.

Лѣса Полѣсья также наполнены тетеревами, рябчиками и зайцами. Въ болотахъ безчисленное множество черепахъ, вьюновъ и утокъ.

Однажды, рано утромъ, я пустился въ путь. Утро было ясное, воздухъ чистый, мы ѣхали негустымъ смѣшаннымъ лѣсомъ: вдругъ шагахъ въ десяти отъ насъ поднялась стая чернышей штукъ въ 40 или 50. Неожиданный, порывистый шумъ испугалъ лошадей, и я очутился въ сугробѣ снѣга. Но все-таки встрѣча эта среди безмолвнаго лѣса, освѣщеннаго яркимъ утреннимъ солнцемъ, была мнѣ очень пріятна. Впослѣдствіи мнѣ ни разу не попадалось такой большой стаи тетеревей; за то куропатки попадались очень нерѣдко; онѣ часто очень смирно бѣгутъ по дорогѣ близко отъ ѣдущаго. Извѣстно, что въ лѣсу

всегда теплѣе, чѣмъ въ полѣ; но въ лѣсахъ Полѣсья зима чрезвычайно умѣренна; поэтому здѣсь и пословица сложилась: «въѣхалъ въ лѣсъ, что въ кожухъ влѣзъ». Глубокія болота, бездонныя, называемыя здѣсь *выжарами*, никогда не замерзаютъ. Эта умѣренность зимы и позволяетъ здѣсь жить и находить себѣ пищу такимъ прожорливымъ животнымъ, какъ дикая свинья и утка.

Утокъ неимовѣрное количество въ болотахъ Полѣсья. Среди болотъ, окруженныхъ густыми лѣсами, утки проводятъ всю зиму и до того отъѣдаются вьюнами, что почти не въ состояніи лѣтать.

Проѣзжая густымъ лѣсомъ, я разговаривалъ съ полѣшукомъ, везшимъ меня. Тишина была невозмутимая; но вдругъ изъ глубины лѣса донесся до насъ какой-то шорохъ. «Что это тамъ?»—Може, паночку, звѣрь (т. е. волкъ), альбо одинецъ (т. е. кабанъ). «А видалъ ты кабана?»—А какъ же, видалъ; годомъ ихъ бываетъ вельми богато (т. е. очень много); онъ большой, сѣрый, пудовъ десять будетъ. Какъ пойдетъ по лѣсу, такъ все ломитъ; все трещитъ. Вотъ еще я разъ съ отцомъ въ лѣсъ поѣхалъ дровъ нарубить, и видимъ: это одинецъ высунулъ рыло изъ кустовъ и водитъ носомъ, какъ почуялъ насъ, какъ фурхнетъ, и пошелъ лѣсомъ»...

Старый кабанъ, уже отставшій отъ стада, *одинецъ*, ведетъ жизнь одиночную, бродячую. Днемъ онъ проходитъ большія пространства, ночуетъ въ глухихъ трущебахъ лѣса, гдѣ тепло; онъ питается кореньями нѣкоторыхъ болотныхъ растеній, роетъ замерзшую сверху землю своимъ сильнымъ рыломъ. Сила кабана громадна: ему нестрашно нападеніе волка, даже двухъ. И когда лишь нападетъ на него цѣлая статья, то въ концѣ-концовъ онъ становится добычей волковъ. Лѣтомъ крестьяне Полѣсья выгоняютъ своихъ свиней въ лѣса или отводятъ ихъ въ острова (рощи). Если къ стаду домашнихъ свиней пристанетъ дикій кабанъ, то волкамъ не удается добыть ни одного поросенка изъ такого стада: такъ бдительно охраняетъ и защищаетъ стадо сильный покровитель. Осенью стада свиней возвращаются въ деревни. Нерѣдко видали, что дикій кабанъ сопровождалъ стадо до самой деревни: постоитъ около, посмотритъ, но не рѣшается идти въ деревню, а возвращается въ болота провести зиму въ одиночествѣ. Помѣщики устраиваютъ на кабана правильную облаву; крестьяне же охотятся на кабановъ, поджидая ихъ въ овсѣ, куда они ходятъ ночью или на ранней зарѣ.

Въ этотъ день я выѣхалъ раннимъ утромъ, при ясномъ безоблачномъ небѣ. На каждомъ

шагу поражала меня то громадная сосна, то дѣйствительно могучій дубъ. Нерѣдко приходилось трепетать, если не за свою жизнь. то за свое здоровье, когда мы ѣхали по замерзшимъ болотамъ среди цѣлаго лѣса желтаго тростника, называемаго здѣсь *черетъ*: на каждомъ шагу ожидаешь, что провалишься и засядешь въ болотѣ. Разговаривая съ полѣшукомъ о всемъ, что меня интересовало въ его жизни, я и не замѣтилъ, какъ къ вечеру небо заволокло. Мы не разсчитали во время добраться до деревни. Пошелъ снѣгъ, поднялась легкая мятель; каждую минуту становилось темнѣе; слѣдъ дороги исчезалъ, и намъ предстояло удовольствіе ночевать подъ деревомъ въ лѣсу, а можетъ быть и замерзнуть. Среди сильнѣйшей мятели съ великимъ трудомъ попали въ деревню. Возница повезъ меня къ *батюшкѣ — мѣстному* священнику. Кругомъ деревни, гдѣ я теперь сидѣлъ благодаря мятели, лежатъ великія болота. Они почти непрерывно тянутся отъ рѣки Уборти на западъ и сливаются съ громаднымъ болотомъ Качай. Зимою болота представляютъ однообразную бѣлую пелену, окаймленную или перерѣзанную темно-синими сосновыми лѣсами или черными рощами ольхи. Мѣстами по болотамъ идутъ безконечные кустарники или желтою щеткой торчащій сухой тростникъ—черетъ. Мѣстами надъ замерзавшими болотами стелется паръ синею полосой; это

такъ-называемые *выжары*—бездонныя болота, никогда не замерзающія; въ нихъ ловятъ карасей и вьюновъ.

Лѣтомъ болота представляютъ безконечное зеленое море осоки и черета, волнуемое вѣтромъ. Ихъ наполняютъ безчисленные ужи, лягушки и черепахи; милліоны вьюновъ копошатся въ нихъ. Внизу въ осокѣ гнѣздятся утки и другія болотныя птицы: аисты, журавли, цапли, чибисы, крачки безпрестанно снуютъ надъ болотами. Но особенно замѣчателенъ аистъ: онъ мѣрно, съ какою-то важностью, бродитъ, осматриваетъ все и заглядываетъ всюду; неосторожная змѣя или лягушка мгновенно проглатываются имъ. Болота эти съ водою красной отъ желѣза, наполненною разлагающейся растительностью. Они доставляютъ полѣшуку сѣно, особенно болота, покрытыя кочками; на топкихъ болотахъ косятъ молодой черетъ — любимую пищу овецъ на Полѣсьѣ.

Въ островахъ (рощахъ) или пущахъ за Убортью и въ другихъ мѣстахъ Полѣсья уцѣлѣло еще много дикаго звѣря.

Конечно, первое мѣсто между ними принадлежитъ сохатому (*сохатый*—имѣющій *сохи*—рога) звѣрю лосю. Онъ нѣкогда широко былъ распространенъ по лѣсамъ всей Россіи. Но нынѣ онъ уцѣлѣлъ только въ глухихъ

мѣстахъ. Этотъ единственный послѣ зубра великанъ нашихъ лѣсовъ соединяетъ въ себѣ странный складъ коровы и оленя, съ громадными вѣтвистыми рогами; онъ отличается быстротою бѣга и необыкновенною силой мускуловъ, осторожностью и отвагой въ случаѣ нападенія на него.

Лѣтомъ и зимою лось мирно бродитъ по лѣсамъ и болотамъ, кормясь вѣтвями осины и березы. Но въ августѣ природа его измѣняется: онъ дѣлается неугомоннымъ, бѣшенымъ. Закинувъ рога за спину, онъ неукротимо носится, или какъ здѣсь говорятъ—*рыщетъ*, по первобытнымъ лѣсамъ Полѣсья, отыскивая соперниковъ. Громкій крикъ его, или какъ охотники Полѣсья называютъ *стонъ*, напоминающій протяжное: о-охъ, о-охъ,—раздается ночью на нѣсколько верстъ. Около *Головосѣка* (мѣстное названіе праздника Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи) лоси выбираютъ гдѣ-нибудь въ лѣсу прогалину и сходятся для боя. На зарѣ они бѣшено нападаютъ другъ на друга, ударяясь своими могучими рогами; во время драки, они ломаютъ и вырываютъ цѣлые кусты, или-же уцѣпивъ зубами березовыя вѣтви, крутятъ ихъ и рвутъ. Въ мѣстахъ драки они выбиваютъ глубокія ямы. Засѣвъ по близости такихъ ямъ, охотникъ мѣткимъ выстрѣломъ поражаетъ животное на смерть; не замертво раненый лось

можетъ быть страшенъ для неосторожнаго или испугавшагося охотника.

Во время преслѣдованія, лось, закинувъ рога, если несется лѣсомъ, и поднявъ ихъ, если то будетъ по болоту, необыкновенно быстро мчится. Могучія длинныя ноги позволяютъ ему легко бѣжать даже по болоту: лишь раздается лясканье, и брызги массою летятъ вокругъ животнаго.

Изрѣдка еще попадаются кой-гдѣ въ Полѣсьѣ бобры, но они строго охраняются. Прошлою осенью на Уборти былъ пойманъ бобръ. За *выдрой* обыкновенно охотятся здѣсь, поджидая ее у проруби въ лунную ночь. Мѣхъ выдры длиною полтора аршина. *Хорьковъ* ловятъ пріученными для того собаками.

Но буря кончилась, и надо было продолжать путь. За Убортью пошли еще далѣе глухія лѣсистыя мѣста. Народъ здѣсь зажиточнѣе; волы крупнѣе; чаще попадаются обозы съ сѣномъ. Здѣшній полѣшукъ предпочитаетъ большихъ «сивыхъ» воловъ, пригоняемыхъ сюда евреями изъ Волыни.

Чаще стали попадаться смолокурни. Множество прусскихъ нѣмцевъ разсѣяно по лѣсамъ Полѣсья: они занимаются здѣсь приготовленіемъ такъ-называмой *клепки*, небольшихъ дубо-

выхъ брусковъ, отправляемыхъ въ Пруссію на бочки. На клепку идетъ самый лучшій дубъ. Изъ громадныхъ дубовъ выдѣлываются здѣсь и, такъ-называемые, *ванчосы*, трехгранные брусья, идущія на постройку кораблей въ Пруссію и Англію. Этому весьма выгодному ремеслу не выучился ни одинъ полѣшукъ, не смотря на то, что выдѣлываніе клепки существуетъ здѣсь съ незапамятныхъ временъ и оплачивается весьма дорого.

По дорогѣ все чаще встрѣчаются волы, везущіе бревна, брусья, балки и клепки. Все это евреи собираютъ и заготовляютъ для сплава весною въ Пруссію или Херсонъ.

Но за этими лѣсами страна измѣняется: дремучіе лѣса прекращаются; мы приближаемся къ такъ называемой Туровщинѣ [1]).

---

[1]) „Полѣсье и полѣщуки" (Изъ путевыхъ записокъ). Изд. 3-е. М. 1886 г. *В. Маракуевъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Бѣлорусско-Литовское полѣсье.

КАРТА
БѢЛО-
РУССКО-ЛИТОВСКАГО
ПОЛѢСЬЯ
МАСШТАБЪ
АНГЛІЙСКІЙ ДЮЙМЪ 150 ВЕРСТ.
0 25 50 75 100 125 150
ОТЪ ФЕРРО
ОТЪ ПУЛКОВА
БАЛТІЙСКОЕ М.
ПРУССІЯ
Тельше
Шавли
Поневѣжъ
Россіени
Вилькоміръ
Ново-Александровск.
Двинскъ
Рѣжица
Люцынъ
Себежъ
Дрисса
Дисна
Полоцкъ
Невель
Велижъ
Бѣлый
Сычевка
Гжатск.
Вязьма
Духовщина
Порѣчье
Витебскъ
Смоленскъ
Свѣнцяны
Ковно
Вильна
Нов. Троки
Ошмяны
Лепель
К. Березинскій
Орша
Красный
Горки
Шкловъ
Могилевъ
Рославль
Борисовъ
Минскъ
Игуменъ
Друскеники
Гродно
Несвижъ
Бѣлостокъ
Бобруйскъ
Слуцкъ
Гомель
Рѣчица
Мозырь
К. Огинскій
Пинскъ
Туровъ
Давидъ-Городъ
Кобринъ
Брестъ-Литовскъ
Зап. Двина
Виндава
Нѣманъ
Вилія
Березина
Птичь
Припять
Днѣпръ
Сожъ
Бесядь
Десна
Угра
Волга
Нарева
Бобръ
Шара
Ясольда
Висла
Зап. Бугъ

коп

10. **Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность.** Сост. профессоръ И. И. Малышевскій. Томъ I 30
11. Тоже. Томъ II 30
12. **Никонъ, святѣйшій патріархъ всероссійскій.** Состав. Г. Георгіевскій 30
13. **Праздничныя службы и церковныя торжества въ старой Москвѣ.** Составилъ Г. Георгіевскій 30

III. Отдѣлъ географическій.

1. **Русская земля.** Томъ I. Область крайняго сѣвера. Съ картою. Сост. Я. Рудневъ. 45
2. Тоже. Томъ II. Финляндія, Озерная область и Прибалтійскій край. Съ картою. Сост. Я. Рудневъ. 35
3. Тоже. Томъ III. Волга-матушка. Сост. Н. Благовидовъ. Съ картою. 40
4. Тоже. Томъ IV. Пріуральскій край. Составилъ П. Н. Лупповъ. Съ картою. 30
5. Тоже. Томъ V. Очерки Малороссіи съ рисунк. и картою. 30
6. Тоже. Томъ VI. Привислянскій край. По Весину. Составилъ Я. И. Рудневъ. Съ рисунками и картою. . . 30
7. Тоже. Томъ VII. Бѣлорусско-литовское полѣсье. Составилъ Я. И. Рудневъ. Съ картою 30
8. Тоже. Томъ VIII. Центральная промышленная область Сост. Я. И. Рудневъ. Съ рисунками и картою 30
9. Тоже. Томъ IX. Степной край. Сост. Я. И. Рудневъ. Съ картою. 40
10. Тоже. Томъ X. Очерки Восточной Сибири 40
11. **Москва, ея святыни и памятники.** Съ рисунками . . 30

IV. Отдѣлъ литературный.

1. Наумовичъ, протоіерей. **Псалтырникъ.** Повѣсть . . . 20
2. Его-же. **Четыре путеводителя доброй жизни** 20
3. Его-же. **Сироты** 20
4. Его-же. **Завѣтныя три липы.** 20
5. Его-же. **Максимъ-богачъ** 30
6. **Избранныя сочиненія А. С. Пушкина.** Томъ I. Съ портретомъ А. С. Пушкина, біографіей и объяснительными примѣчаніями, составл. А. Г. Филоновымъ 35
7. Тоже. Томъ II. Съ объясненіями А. Филонова. . . . 30
8. Тоже. Томъ III 30
9. **Басни и баснописцы.** Съ жизнеописаніемъ и примѣчаніями А. Филонова 25
10. **Народная поэзія.** Былины, пѣсни, духовные стихи. Составилъ А. Оксеновъ 30
11. **Во славу Божію.** Сборникъ духовныхъ стихотвореній. 30

коп.

12. **Герои древней Греціи.** Т. I. (Иліада). Сост. I. Сениговъ. 30
13. Тоже. Томъ II. (Одиссея). Составилъ I. Сениговъ. 30
14. **Н. В. Гоголь.** Его жизнь и литературная дѣятельность. Составилъ П. В. Смирновскій. Томъ I. 35
15. Тоже. Томъ II. 40
16. **Историческія стихотворенія.** Сост. А. Оксеновъ. Т. I. 30
17. Тоже. Томъ II. 40
18. **Жизнь и приключенія Робинзона Крузо.** Соч. Де-Фо. Полный переводъ съ англійскаго М. Съ рисунками въ текстѣ. Томъ I. 30
19. Тоже. Томъ II. 20
20. **Старецъ Евстаѳій или воспоминанія моего дѣтства.** Соч. Льва Мелясъ, въ 3 частяхъ. Переводъ съ ново-греческаго О. Л. Съ рисунками 40
21. **Драматическія сочиненія Н. А. Полевого изъ русской исторіи.** 30

V. Отдѣлъ сельско-хозяйственный.

1. **Сельскій огородъ.** Плодовый и ягодный садъ. Съ рисунками. Составилъ В. П. Маракуевъ 30
2. **Сельско-хозяйственныя бесѣды.** Сост. Ѳ. Тарапыгинъ. Томъ I. Полеводство. 30
3. Тоже. Томъ II. Скотоводство. Съ рисунками. 30
4. **Практическое пчеловодство.** Соч. Кована. Съ рисунк. 30

VI. Отдѣлъ музыкально-пѣвческій.

1. **Сельскіе хоры.** Сборникъ для школьнаго и народнаго пѣнія: I. Гимны. II. Духовные стихи. III. Пьесы разнаго содержанія. IV. Народныя пѣсни. V. Пѣсни и хоры западныхъ и южныхъ славянъ.—Со вступительной статьею объ организаціи школьныхъ и народныхъ хоровъ и съ русскимъ переводомъ славянскихъ пѣсенъ. 75
2. **Церковные хоры.** Сборникъ нотныхъ пѣснопѣній для школьнаго пѣнія. Часть I. Пѣснопѣнія всенощнаго бдѣнія. Составилъ А. Касторскій (въ перепл.) 60

....